

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 11 (269)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 11 (269). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Д. Ефременко.</i> «За флажки». Россия в авангарде пересмотра мирового порядка.....	5
<i>Ш. Кашаф.</i> В тисках идентичности: Исламские сообщества в публичном пространстве Запада и русско-мусульманского мира. (Окончание).....	21
<i>Е. Рудакова.</i> Эволюция традиционного ислама в рамках проблемы конфессиональной безопасности Приволжского федерального округа России.....	44

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>М. Гаджиев.</i> Исламский фактор в системе этно-конфессиональных отношений в Республике Дагестан	57
<i>В. Авксентьев, В. Васильченко.</i> Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: Взаимодействие с институтами современного общества	68
<i>А. Князев.</i> Средняя Азия после Майдана.....	86
<i>Д. Космаенко.</i> Особенности формирования и развития политической системы современного Узбекистана	101
<i>И. Кочедыков.</i> Специфика политического лидерства в Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана	106
<i>В. Монахов.</i> Борьба за водные ресурсы как детерминанта международных отношений в Центральной Азии.....	109

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М. Шах.</i> Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане	114
<i>Е. Устинов.</i> Сирия: Этноконфессиональный аспект кризиса.....	124
<i>М. Пахомова.</i> КНР и арабские страны: Характер взаимо- действия	138
<i>О. Бибикова.</i> Ислам в жизни иммигрантских общин Западной Европы: Социокультурный и политический аспект	148

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>В. Азарян.</i> Мурабаха: Перспективы развития в России.....	155
<i>Э. Абдуллаев.</i> Философско-религиозные основы и особенности мусульманского права	160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Д. Ефременко,

доктор политических наук,

заместитель директора ИНИОН РАН

**«ЗА ФЛАЖКИ». РОССИЯ В АВАНГАРДЕ
ПЕРЕСМОТРА МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Малые причины могут порождать большие последствия. Сто лет назад террористический акт, подготовленный небольшой группой сербских националистов, запустил цепную реакцию событий, закончившихся мировой войной и крушением нескольких империй. В наши дни короткая запись в Фейсбуке, содержащая призыв к единомышленникам собраться на центральной площади украинской столицы, привела к катаклизму, потрясшему Европу и резко ускорившему трансформацию мирового порядка. Украинский кризис в самом разгаре, и он, очевидно, принесет еще немало горьких плодов. Национал-демократическую революцию и начало вооруженного конфликта на востоке Украины трудно характеризовать иначе, как трагедию страны, независимое существование которой неразрывно связано с возникновением и распадом Советского Союза. Общим прошлым обусловлено и активное участие России в этом кризисе. Впрочем, не только прошлым. Будущее, в котором Украина и Россия отчуждены друг от друга, участвуют в различных интеграционных проектах и военно-политических союзах, слишком многим в Москве казалось неприемлемым. Встряска подтолкнула Кремль к действиям, которые можно рассматривать и как отчаянную попытку отстоять важнейшую геополитическую позицию, и как решимость вырваться «за флажки» мирового порядка, где России отводится роль вечного побежденного в холодной войне.

Фактор Путина

Украинский кризис, конечно, имеет объективные причины, к числу которых относятся и сохраняющаяся инерция распада СССР, и мины в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве, заложенные еще в советское время, и реалии постбиполярного мира. Но экстраординарное значение приобрел и личностный фактор. Роль президента России Владимира Путина в решающие моменты кризиса была ключевой. Еще «оранжевая революция» 2004 г. рассматривалась российским лидером как геополитический вызов и модель дестабилизации политического режима, которая при благоприятных обстоятельствах, если им позволить сложиться, может быть перенесена и на отечественную почву. Последующее развитие событий – российско-украинские газовые войны, раскол между лидерами первого Майдана и их политическое фиаско, сближение Москвы и Киева, пагубная для Виктора Януковича попытка балансирования между европейским и евразийским интеграционными проектами и, наконец, второй Майдан – подтверждало, что Украина становится для Путина пространством одного из решающих в его политической судьбе противоборств. Ни для кого из других внешних акторов Украина никогда подобного значения не имела. Именно поэтому мало кто ожидал от российского президента столь решительного перехода от вязкой позиционной борьбы к игре на повышение ставок. При этом, однако, путинскую политику на Украине имеет смысл рассматривать именно как активную контригру, как готовность путем концентрации имеющихся в распоряжении ресурсов и неожиданных ходов переломить неблагоприятные изменения в соотношении сил.

Вместе с тем следует с большой долей осторожности относиться к суждениям о предопределенности действий российского президента, о том, что они обусловлены внутренней логикой консолидации авторитарного режима или необходимостью соответствовать великодержавному запросу значительной части российского общества, «зомбированного» агрессивной антизападной пропагандой. Более детальный анализ политических шагов Владимира Путина в период его третьего президентского срока выявляет намного более нюансированную картину, свидетельствующую не только о намерениях более жестко отстаивать геополитические интересы, как их понимают в Кремле, но и о стремлении создать почву для восстановления конструктивного диалога с Западом. Во всяком случае, об этом говорят и освобождение Ми-

хаила Ходорковского, и – в особенности – усилия, направленные на создание положительного имиджа России как страны – хозяйки XXII зимних Олимпийских игр. Вполне вероятно, что совпадение по времени сочинской Олимпиады, столь значимой для Путина, и смены власти в Киеве воспринималось особенно болезненно, поскольку, с одной стороны, триумф организаторов спортивного праздника оказался явно перекрыт победой Евромайдана, а с другой – именно в этот момент у российского руководства были связаны руки. После феерической церемонии закрытия игр Кремлю как будто уже ничего не оставалось кроме признания нового порядка на Украине. Насколько можно судить, именно к этому настойчиво подталкивали российское руководство лидеры Соединенных Штатов и Евросоюза, при этом не обещавшие никакого содействия в учете российских интересов украинской стороной. В эти же дни переформатированное большинство Верховной рады и переходное правительство в Киеве работали в режиме «взбесившегося принтера», печатая одно за другим решения, очень быстро поставившие под вопрос саму украинскую государственность. Такими решениями, безусловно, стали попытка отмены языкового закона Колесниченко–Кивалова и расформирование подразделений спецназа МВД «Беркут». За ними мог последовать пересмотр внеблокового статуса Украины и харьковских соглашений.

Выбор Путиным курса на воссоединение Крыма и России, безусловно, спровоцирован переворотом в Киеве и ожиданиями его тяжелейших геополитических последствий. Но было бы поверхностно характеризовать это решение как спонтанное. Напротив, все предыдущие годы лидерства Путина можно рассматривать как подготовку к переходу крымского Рубикона. По крайней мере, временной интервал между двумя наиболее известными внешнеполитическими заявлениями Путина – выступлением на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. и почти что исповедальной Крымской речью 18 марта 2014 г. – был периодом окончательного разочарования в возможности достижения равноправного партнерства в отношениях с США и ЕС. По мере роста этого ощущения крепла убежденность в неотвратимости кризиса в отношениях с Западом, причем наиболее вероятным ареалом обострения считалась именно Украина. Правда, основные ожидания начала открытой конфронтации фокусировались на 2015 г., когда на Украине должны были состояться очередные президентские выборы. Очевидно, что именно к этому событию как моменту решающей схватки готовились не только

Кремль, но и Запад, прежняя украинская власть и ее противники. Пост киевского журналиста Мустафы Найема, который через социальные сети призвал сторонников европейского выбора Украины выйти на Майдан Незалежности, перечеркнул эти расчеты.

Неконтролируемое развитие событий на Украине казалось потоком, направление которого уже никому изменить не под силу. Путин на это решился, противопоставив воле Евромайдана волю поборников русского ирредентизма. Тем самым он совершил необратимый шаг в отношениях не только с Украиной и Соединенными Штатами, но и в отношениях между властью и обществом внутри России.

До самого последнего времени голос представителей российского общества в дискуссиях относительно российско-украинских отношений звучал не слишком громко. Заявления о готовности к максимально возможному сближению России и Украины пользовались широкой поддержкой, но взаимодействие двух стран явно не входило в число проблем, наиболее значимых для общества. На экспертном уровне украинская проблематика в преддверии кризиса обсуждалась более активно, но связи между экспертами и структурами, участвующими в выработке политического курса, скорее ослабевали. Централизация процесса принятия политических решений в случае Украины была доведена до предела; насколько можно судить, наиболее ответственные решения принимались единолично президентом России. Стоит отметить, что в оперативном отношении успех действий по воссоединению Крыма с Россией в немалой степени был обусловлен именно такой гиперцентрализацией и прямым контролем со стороны главы государства.

Установление российского суверенитета над Крымским полуостровом предсказуемо получило широкую общественную поддержку, подняв до небывалых высот президентский рейтинг. То, что до начала марта было только делом Владимира Путина, в считанные недели стало общим делом и общей ответственностью власти и общества. Подъем ирредентизма обеспечил полную перезагрузку легитимности третьего срока Путина; страница новейшей российской истории, связанная с политическими протестами на Болотной площади и проспекте Сахарова, оказалась перевернутой. Власть получила карт-бланш на переход к мобилизационной модели развития, хотя нет достаточной уверенности, что российское общество, столкнувшись с тяготами миссии «русского мира», останется столь же сплоченным, как в момент крымской эйфории. Вместе с тем сформировался мощный общественный запрос на

продолжение всесторонней поддержки миллионов русских и русскоязычных людей за пределами российских границ, о которой заявил президент Путин в Крымской речи. Необходимость соответствовать этому запросу становится фактором, если и не детерминирующим российскую внешнюю политику, то, во всяком случае, очерчивающим пределы компромиссов в отношении Украины. Из самого запроса на солидарность с «русским миром» могут вырасти новые силы и фигуры, способные в будущем изменить российский политический ландшафт.

В то же время для части политических и экономических элит России возвращение Крыма стало подобием «белого слона». Им ничего не оставалось, как присоединиться к дискурсу «Крым наш», тщательно скрывая при этом растерянность и опасения за собственное будущее. После мартовских торжеств по случаю присоединения Крыма и Севастополя и по мере введения Западом новых санкций скрытое давление этих элит значительно возросло и, по всей видимости, повлияло на готовность Кремля оказывать прямую поддержку ополченцам Донбасса.

Важнейшая роль Владимира Путина в украинских событиях и связанной с ними деструкции мирового порядка явно обострила и личностную конкуренцию в клубе глобальных лидеров. В случае Барака Обамы это кажется особенно интригующим, поскольку американский президент не слишком склонен к чрезмерной персонификации в государственных делах и мировой политике. «Заслуга» в данном случае во многом принадлежит консервативным оппонентам хозяина Белого дома в самой Америке, твердящим о «сильном Путине» и «слабом Обаме». Еще более существенно понимание западными партнерами специфики процесса принятия политических решений в России. Путинская вертикаль власти, которую в последние годы российский лидер готовил и к противостоянию с Западом (так называемая национализация элит), функционировала весьма эффективно на крымском этапе украинского кризиса. Но российский персоналистский режим отличается структурной уязвимостью, компенсируемой жестким контролем со стороны лидера. Ослабление позиций лидера создает угрозу системе власти в целом. В этом контексте западные санкции, призванные нанести удар по ближайшему окружению Владимира Путина, не кажутся такими уж символическими.

Нет сомнений, что в обозримом будущем именно за Путиным останется последнее слово в формировании украинской политики. Но теперь он будет вынужден учитывать не только давление

Запада и разноречивые сигналы российских элит, но и набирающие силу ирредентистские настроения.

Марс и Венера на хуторе близ Диканьки

Известная метафора Роберта Кагана, уподобившего воинственные Соединенные Штаты Марсу, а изнеженную Европу – Венере, вполне применима и к украинскому кризису. Европейский союз с его политикой «Восточного партнерства» внес в раздувание кризиса едва ли не основной вклад, впервые вступив на ранее неизвестную ему стезю геополитического соперничества. При этом в отношении постсоветского пространства собственно европейская стратегия как синтез интересов ведущих стран ЕС, по сути, не была сформулирована. Вместо этого евробюрократия пошла по шаблонному пути, предпочтя передоверить выработку политического курса группе государств, заявивших о своем особом опыте и знании соответствующего региона. Такое делегирование было оправданным, когда в разработке европейской политики соседства в отношении южного и восточного Средиземноморья ведущая роль отводилась Франции с ее колониальным опытом и разветвленными связями со странами региона, за которыми не стоял никакой другой мощный геополитический игрок. Напротив, политика «Восточного партнерства», замысленная ее основными проводниками как вытеснение влияния России в западной части постсоветского пространства, с неизбежностью втянула Евросоюз в конкурентную геополитическую борьбу. В результате альтернативный вариант, предполагающий долгосрочную экономическую интеграцию ЕС, России и постсоветских государств Балто-Черноморья, отход от логики игры с нулевой суммой и переориентацию на стратегии взаимного выигрыша, всерьез не рассматривался даже на экспертном уровне.

Повышение ставок в геополитическом противостоянии неоднократно вызывало растерянность в структурах Европейского союза, ответственных за выработку общей внешней политики. И в момент отказа Виктора Януковича от подписания соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС, и в революционных обстоятельствах, когда достигнутый 21 февраля при посредничестве министров иностранных дел Германии, Франции и Польши политический компромисс не продержался даже суток, и в ситуации, когда США настойчиво требуют введения против России секторальных санкций, эффективность единой европейской внешней политики

снижается до уровня, близкого к параличу. В этих обстоятельствах на помощь растерянной Венере спешит самоуверенный Марс.

С начала второго Майдана основным оппонентом России становятся Соединенные Штаты, увидевшие в украинском кризисе не только угрозу европейской стабильности, но и шанс вдохнуть новую жизнь в постепенно увядающее глобальное лидерство. Вплоть до присоединения Крыма к России США в основном решали региональные задачи, с лихвой восполняя слабость европейской дипломатии (ее образная оценка заместителем госсекретаря и женой Роберта Кагана Викторией Нуланд имела большой резонанс). Установление российского контроля над Крымом моментально перевело кризис в глобальный контекст, поскольку это действие Москвы свидетельствовало о переходе от эрозии постбиполярного мирового порядка к его осознанной ревизии.

Российский суверенитет над Крымом имеет исключительное значение как прецедент, свидетельствующий об отказе следовать международному порядку, в котором нормоустанавливающей инстанцией являются Соединенные Штаты. Несмотря на то, что масштабы крымского вызова незначительны и не создают реальной угрозы американским позициям в мире, сама возможность несанкционированного территориального изменения служит индикатором способности Вашингтона поддерживать порядок, в котором за ним остается последнее слово.

С этой точки зрения активные действия США, направленные на мобилизацию союзников для сдерживания путинской России, достаточно предсказуемы. Причем наибольшее значение в данном случае будет иметь не само сдерживание, а именно мобилизация, придающая новый смысл деятельности руководимых Соединенными Штатами военно-политических союзов. В этих условиях ЕС приходится признавать необходимость дальнейшего американского военного присутствия на территории европейских государств, более того, соглашаться с созданием существенной военной инфраструктуры на территории стран, ранее входивших в Организацию Варшавского договора. Во время украинского кризиса деление на «старую» и «новую» Европу, предложенное в свое время Дональдом Рамсфелдом, достигло логического завершения: при активной поддержке Соединенных Штатов позиция «новой» Европы по вопросам военной и энергетической безопасности усиливается настолько, что ей, по крайней мере на словах, приходится следовать и грандам «старой» Европы. По отношению к России «новая» Европа становится санитарным кордоном, который в бли-

жайшее время может быть укреплен за счет Украины (по крайней мере ее западных и центральных регионов) и Молдавии (за вычетом Приднестровья и, вероятно, Гагаузии). Впрочем, конфигурация «новой» Европы теперь заметно отличается от той, которая существовала десять лет назад. Активно участвовать в организации санитарного кордона готовы Польша, страны Балтии и Румыния; в силу разных причин намного меньший энтузиазм демонстрируют Болгария, Венгрия, Словакия и Чехия. Тем не менее в тандеме с «новой» Европой Вашингтон в состоянии уверенно контролировать политику безопасности всего Евросоюза, равно как и усилия по возобновлению диалога между ЕС и Россией.

Судя по всему, администрация Барака Обамы постарается использовать напряженность вокруг Украины и для решения более масштабной задачи – скорейшего достижения соглашения с Европейским союзом об учреждении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Появление этого крупнейшего экономического блока будет означать создание новой опоры пошатнувшегося американоцентричного мирового порядка. Одновременно США активизируют усилия по созданию аналогичной группировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, призванной составить конкуренцию «китайскому дракону».

Как можно видеть, региональные и глобальные стратегемы, реализуемые в контексте украинского кризиса, отстоят довольно далеко от того, чтобы обеспечить достойное будущее жителям различных регионов Украины. Этой стране «не повезло» стать ареной, на которой разыгрывается первая из битв за будущее мироустройство. И вне зависимости от исхода схватки украинцы оказываются в числе проигравших.

Безальтернативный поворот на Восток

Решившись стать в авангарде пересмотра мирового порядка, Россия принимает на себя основные контрудары со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Этот пересмотр потенциально выгоден большому количеству глобальных и региональных игроков, которые с неподдельным интересом наблюдают за ходом противостояния России и Запада. При этом крупнейшим бенефициаром становится КНР. Китай, приближающийся к грани открытого соперничества с США за мировое лидерство, получает благодаря украинскому кризису передышку (возможно, на несколько лет), избегая прямой конфронтации и сохраняя возможность сме-

стить Америку с пьедестала первой экономики мира. Но этим выигрыш Пекина далеко не ограничивается.

Новый раунд российско-китайского сближения прогнозировался многими экспертами начиная с того момента, как Владимир Путин принял решение вернуться в Кремль в качестве президента на третий срок. Немало аналитиков предупреждали, что слишком усердные попытки «поймать китайский ветер» в российские паруса очень серьезно осложняют взаимодействие с Соединенными Штатами, а также создадут трудности в отношениях с Евросоюзом. Сильный крен в сторону Китая существенно ограничивает для России возможности маневрирования между основными глобальными игроками. Однако крымский выбор Владимира Путина в любом случае сделал невозможным сохранение прежней модели партнерского взаимодействия как с США, так и с Евросоюзом. Соответственно, неизбежны и новые шаги навстречу Китаю.

В самый острый период украинского кризиса Москва, несомненно, рассчитывала на то, что Китай окажется для нее надежным тылом. Эти ожидания оправдались. Воздерживаясь от выражений солидарности с действиями России, Пекин тем не менее предотвратил ее международную изоляцию и во многом нивелировал воздействие западных санкций. Подписание газового контракта на 400 млрд долл. показало, что китайские лидеры рассматривают отношения с Россией в долгосрочной стратегической перспективе. Пекин добился весьма благоприятных условий поставок газа, но явно не стал «дожимать» Москву в тяжелый для нее момент и дал ей в руки козырь, позволяющий вести энергодиалог с Евросоюзом с твердых позиций. В результате российско-китайское взаимодействие переходит в фазу, когда действия сторон, оставаясь де-юре отношениями соседей и стратегических партнеров, де-факто начинают ориентироваться на логику союзничества. Но это взаимодействие уже сейчас не является полностью равноправным и скорее всего не будет таковым и впредь.

Западные санкции, уже наложенные на Россию, и в особенности те, которые пока озвучиваются лишь в качестве угроз, создают благоприятные условия для кумулятивного роста китайских инвестиций в российскую экономику. Судя по всему, Москве придется снять большинство ограничений на доступ китайских инвесторов к российским активам, которые вводились из соображений безопасности или сохранения равноправия в двусторонних экономических отношениях. Если это произойдет, иначе будут выглядеть и перспективы Евразийского экономического союза,

создаваемого с 1 января 2015 г. Данный интеграционный проект, естественным лидером которого является Россия, вполне может быть совмещен с продвигаемой председателем КНР Си Цзиньпином инициативой «Нового шелкового пути». Такая синергия позволит реализовать амбициозные инфраструктурные программы, обеспечивающие радикальное упрощение доступа китайских товаропроизводителей к рынку не только Евразийского союза, но также и к европейскому. В более отдаленной перспективе возможно и формирование на пространстве Северной Евразии секторальных объединений, фундаментом которых станет китайская экономическая мощь. Подобное развитие событий будет впечатляющей антитезой прекраснотным идеям о едином экономическом пространстве «от Лиссабона до Владивостока», предметное обсуждение которых так и не было начато до момента перерастания украинского кризиса в острое геополитическое противостояние.

В новой парадигме сотрудничества России также предстоит доказывать, что она служит для КНР надежным тылом и тем самым исключает возможность полного окружения Поднебесной кольцом государств, ориентированных на Вашингтон. По всей видимости, России придется изменить акценты даже в своем отношении к нарастающей напряженности в Южно-Китайском море: если еще в прошлом году Москва с осторожностью демонстрировала симпатию к Ханюю, то теперь ей, скорее всего, понадобится показать полную беспристрастность либо понимание аргументов китайской стороны. Аналогичным образом становится крайне сложно сохранить прежний баланс отношений в треугольнике Москва–Токио–Пекин, даже несмотря на демонстративную неохоту, с которой правительство Синдзо Абэ присоединилось к инициативе Барак Обамой волне антироссийских санкций.

На глобальном уровне новое качество российско-китайского взаимодействия вероятнее всего обернется началом системных, хотя и достаточно осторожных усилий двух держав, направленных на размытие глобального доминирования институтов и практик Вашингтонского консенсуса. Постепенное ослабление позиций доллара в торговых расчетах между странами ШОС и БРИКС, развитие и взаимное признание национальных платежных систем участников этих объединений, учреждение странами БРИКС собственного Банка развития, создание Россией и Китаем международного рейтингового агентства в противовес «большой тройке» Moody's, Fitch и Standard & Poor's могут стать первыми предвестниками переструктурирования глобальной экономики. Вполне ве-

роятно, что именно России придется на первых порах принять на себя наибольшие издержки этого перехода. Однако едва ли стоит питать в связи с этим особые иллюзии: альтернатива Вашингтонскому консенсусу возможна, но это будет Пекинский консенсус. Впрочем, для России и других стран, которые решатся выступить агентами такого рода изменений, в долгосрочной перспективе благом окажется уже сама ситуация соревновательности центров экономической мощи, международных финансовых институтов и макроэкономических моделей.

Довольно неожиданным, но не менее значимым по последствиям эффектом посткрымского поворота России к Китаю может стать «национализация» Интернета. Помимо близости позиций двух стран в отношении роли ICANN и управления Интернетом решимость российской власти создать собственный аналог проекта «Великий золотой щит» (Great Firewall) способна привести к своеобразному реваншу вестфальского порядка во Всемирной паутине. Знаменитый принцип *cuius regio eius religio* в середине второго десятилетия XXI в. можно будет переформулировать примерно так: «Чей сервер, того и сеть».

Украинский кризис сделал поворот России к Китаю неотвратимым. Но является ли этот поворот необратимым? Возможно, не столь уж далек от истины Чарльз Краутхаммер, заявивший о повторении Путиным в Шанхае знаменитого маневра Никсона–Киссинджера, и о том, что теперь аналогичная геополитическая комбинация направлена уже против США. По мнению Краутхаммера, расширенное российско-китайское партнерство «знаменует первое появление глобальной коалиции против американской гегемонии начиная с падения Берлинской стены». Очевидно, эта коалиция будет существовать до тех пор, пока не выполнит хотя бы части своих задач. По всей видимости, только осознание неизбежности утраты доминирующих позиций сможет заставить одну из будущих американских администраций предпринять усилия по восстановлению отношений с Москвой, предполагающие ту или иную форму признания российских интересов как на Украине, так и на всем постсоветском пространстве. Проблема в том, что это может произойти достаточно поздно, когда Россия окажется в слишком большой зависимости от китайской экономической мощи. К тому же, как показал опыт перезагрузки, лидерам Соединенных Штатов очень трудно выдвигать действительно привлекательные для Москвы предложения, даже если этого настоятельно требуют американские интересы. Тем не менее решимость нахо-

диться в авангарде пересмотра мирового порядка, опираясь на почти союзнические отношения с Китаем, не должна означать заведомого отказа России от готовности к поиску новой модели баланса сил как на глобальном уровне, так, в частности, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Украинские перспективы: Финляндия? Босния? Приднестровье?

Хотя общие контуры урегулирования, позволявшего найти выход из геополитического противостояния или по крайней мере снизить его остроту до приемлемого для большинства вовлеченных в него сторон уровня, были очевидны едва ли не на следующий день после бегства Януковича, до сих пор ни один из ведущих игроков украинской драмы не решился артикулировать готовность пойти на такой компромисс. Суть компромисса описывается хорошо знакомым термином «финляндизация». Именно о финляндизации как об оптимальном выходе из кризиса писал и Збигнев Бжезинский в первые дни после переворота в Киеве, а Генри Киссинджер – накануне присоединения Крыма к России. «Финляндизация» в их трактовке означала установление уважительных отношений добрососедства, неприсоединение Украины к военным альянсам и, напротив, интенсивное развитие экономического сотрудничества как с ЕС, так и с Россией. От России же требовалось признание свершившихся перемен, отказ от претензий на какие-либо части украинской территории и от попыток дестабилизировать новую власть в Киеве. В качестве дополнительного бонуса для Москвы также предлагалось полномасштабное развитие сотрудничества с Евросоюзом.

В принципе «финляндизация» Украины – это примерно то, что могло бы произойти, если бы европейские лидеры не настаивали на безоговорочном подписании Украиной соглашения об ассоциации и свободной торговле в Вильнюсе, а прислушались к призывам Москвы найти в формате трехсторонних переговоров взаимоприемлемое решение. В этом случае Россия не чувствовала бы себя изолированной в результате привязки соседней страны к альтернативному интеграционному проекту, а сама Украина, сполна используя преимущества эксклюзивных отношений с Россией, чуть с меньшей скоростью продолжала бы дрейф в сторону Евросоюза. Так или иначе, но финляндизация означает постепенный вывод Украины за пределы «русского мира».

Сразу же после победы Евромайдана финляндизация оказалась значительно менее привлекательной опцией как для пришедших к власти противников режима Януковича, так и для Кремля. Для первых нетерпимой и противоречащей революционному мандату была сама возможность даже частичного признания неких особых интересов Москвы на Украине. Что касается Кремля, то для него финляндизация означала бы вынужденное признание очередного *fait accompli*, причем смириться предстояло не только с необходимостью вести дела с новым недружественным правительством, но и с насильственной сменой законной, хотя и предельно коррумпированной власти.

Российский вариант политического урегулирования на Украине, наряду с сохранением внеблокового статуса, предполагал федерализацию и конституционные гарантии использования русского языка. Объективно федерализация никак не противоречит либерально-демократическому вектору развития Украины (т.е. идеалам, изначально декларированным Евромайданом), более того, способствует его закреплению на уровне взаимодействия между центральной властью и регионами. Однако при этом федерализация становится преградой для диктата этнонационализма, побуждая к закреплению на конституционном уровне прав и баланса интересов различных территориальных общин, этнических и языковых групп. А это уже напрямую противоречит радикально-националистическим установкам, ставшим доминантой программы Евромайдана накануне свержения режима Януковича.

Преобразование Украины в федеративное государство, в котором регионы будут влиять на решение вопросов о присоединении к тем или иным экономическим объединениям или военно-политическим блокам, могло бы стать дополнительной, конституционно закрепленной гарантией сохранения ее внеблокового статуса. Столь радикальное перераспределение полномочий между Киевом и украинскими регионами в принципе совместимо со сценарием финляндизации, но при этом означает возможность реализации интересов внешних игроков не только через контакты с центральными властями, но также посредством влияния на региональные политические и экономические элиты.

Присоединение Крыма к России и решительное непризнание международной правомочности этого акта со стороны Киева и Запада перевели Украину в то же положение, в котором после 2008 г. находится Грузия – страна, имеющая неурегулированный территориальный спор с соседним государством. Членство в НАТО пере-

ходит в разряд гипотетических возможностей. В этом смысле конституционные гарантии внеблокового статуса превращаются в своеобразное архитектурное излишество, некую надстройку над суровой реальностью государства, в котором революционный переворот создал вакуум легитимной власти и условия для утраты территориальной целостности. Но одновременно такая формально внеблоковая держава, если она сумеет сохраниться в качестве унитарного государства, будет консолидироваться на основе радикального неприятия всего, что связано с Москвой. Если первые 23 года своего независимого существования эта страна весьма неуверенно развивалась под брендом «Украина – не Россия», то теперь бренд меняется на «Украина – анти-Россия». Если же анти-российская направленность становится нациеформирующей идеей, то, скорее всего, даже федерализация не сможет здесь ничего изменить. В лучшем случае – ослабить или затормозить.

Предопределенность длительного российско-украинского антагонизма и реальная угроза сецессии ряда регионов Юго-Востока Украины заставляют обращаться в поисках новой формулы компромисса уже не к примеру Финляндии эпохи холодной войны, а к опыту Боснии и Герцеговины после подписания Дейтонского соглашения 1995 г. По сути дела, как и в случае с Боснией, речь могла бы идти о конфедерализации, позволяющей погасить конфликт за счет максимального ограничения полномочий центральной власти и обеспечения широкой самостоятельности частей такого государства, в том числе и в вопросах отношений с соседними странами. Правда, по условиям Дейтонского соглашения, субъекты (энтитеты) Боснии и Герцеговины не имеют права на сецессию, хотя связаны между собой менее тесно, чем один из них с Сербией, а другой – с Хорватией. Преимущество дейтонской модели для Москвы могло бы видаться в том, что, обеспечивая особый статус и легализуя пророссийскую ориентацию Донбасса (возможно, и других регионов украинского Юго-Востока), она радикально ограничит дееспособность боснизированной Украины в качестве международного игрока. Практически все усилия украинского государства, стабилизированного по дейтонским лекалам, будут уходить на поддержание внутреннего равновесия между регионами. В то же время не исключено, что применение дейтонской формулы к Украине не только принесет ей относительную внутреннюю стабильность, но в среднесрочной перспективе создаст более благоприятные возможности для экономического роста, чем однонаправленная ориентация на Европейский союз.

Не стоит, однако, забывать, что Дейтонский мир был заключен сторонами боснийского конфликта под мощнейшим давлением Соединенных Штатов, которые вместе с союзниками по НАТО использовали и такой аргумент, как бомбардировки (операция «Обдуманная сила»). На момент написания статьи Россия подобных аргументов не применяла; очевидно также, что без готовности США и ЕС склонить Киев к принятию дейтонской модели урегулирования Москва не сможет в одиночку добиться этого результата. Слабой киевской власти (а она такой остается и после избрания президентом Украины Петра Порошенко) гораздо проще продолжать малоэффективную военную операцию против ополченцев Донбасса, чем признавать их представителей полноценными участниками переговорного процесса. Если же переговоры будут идти в отсутствие одной из сторон конфликта, а компромиссы базироваться на неафишируемых договоренностях великих держав, при первом же удобном случае достигнутое согласие может подвергнуться ревизии. Между тем устойчивость Дейтонского соглашения не в последнюю очередь обеспечивается детальной проработкой всех его условий, почти не оставлявших простора для интерпретации (единственным серьезным исключением довольно долго оставалась неопределенность статуса стратегически значимого округа Брчко).

Сегодня Дейтон представляется наиболее оптимальным решением. Однако побудить Киев и Запад принять это решение при нынешнем соотношении сил едва ли получится. Как минимум позиции самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик должны быть не менее крепкими, чем позиции боснийских сербов перед началом дейтонских переговоров. К сожалению, дейтонский вариант едва ли можно реализовать без предварительного осуществления другого сценария – приднестровского. А это уже вопрос цены, которую Москва способна и готова заплатить за «приднестровизацию» Донбасса, включая и цену новых санкций. Однако настоящий драматизм очередного выбора, который предстоит сделать президенту Путину, состоит в том, что и отказ от приднестровского варианта имеет немалую политическую, экономическую и символическую цену.

* * *

Эта статья передана в редакцию «России в глобальной политике» в момент кратковременного спада напряженности, связанно-

го со вступлением в должность нового президента Украины и переговорами ключевых участников конфликта, состоявшимися во время юбилейных торжеств в Нормандии. Сам факт интенсификации международных контактов и, в частности, встреча Владимира Путина и Петра Порошенко говорят о том, что бремя кризиса становится для всех сторон слишком тяжелым. Избрание президентом Украины олигарха Порошенко спустя три месяца после революции, имевшей не только националистическую, но и антиолигархическую направленность, свидетельствует об усталости большинства избирателей и от революции, и от раздражающего страну противостояния. Однако это не значит, что Порошенко получил мандат на такое урегулирование конфликта, которое было бы приемлемым для России и ополченцев Донбасса. Власть Порошенко не консолидирована, он не имеет устойчивой опоры в нынешнем составе Верховной рады и не обладает конституционными полномочиями для назначения большинства членов правительства. Поэтому основные усилия будут брошены бывшим шоколадным королем на укрепление собственных позиций на политической арене Украины путем проведения досрочных парламентских выборов. Между тем до военной победы над силами ДНР и ЛНР еще очень далеко. Однако любой серьезный компромисс между новым президентом Украины и сепаратистскими движениями Донбасса открывает путь к третьему Майдану, т.е. к новому витку дестабилизации. Динамика кризиса далеко не исчерпана, и вслед за временной разрядкой последуют новые обострения.

Украинский кризис уже сильно повлиял на российскую внутреннюю политику. Обновленная (крымская) легитимность третьего президентского срока Владимира Путина может быть использована для осуществления мобилизационного сценария. К последнему будут прежде всего подталкивать уже введенные западные санкции, а также находящиеся в стадии обсуждения меры наказания Москвы. Возрождение американского курса на отбрасывание России, скорее всего, заставит Кремль не только изменить методы экономического управления, но и ускорит процесс обновления элит, приведет к дальнейшему сокращению автономии гражданского общества. Вариант модернизации в партнерстве с Западом утратил актуальность на многие годы; остается вариант мобилизации в партнерстве с Китаем.

Восстановление сотрудничества России с Западом, прежде всего со странами Евросоюза, связано с возможностью хотя бы

частичной стабилизации обстановки на Украине. Но характер отношений в любом случае претерпит значительные изменения. Политика ЕС в отношении России, основывавшаяся на ожиданиях, что эта страна рано или поздно повторит путь демократического транзита, пройденный другими государствами Центральной и Восточной Европы, зашла в тупик. Новая политика должна строиться на ином восприятии, близком к тому, как в Европе воспринимают Китай. Подобная смена ракурса будет способствовать прагматизации и инструментализации отношений Россия–Евросоюз. Дискуссии о ценностях и цивилизационной близости на какое-то время имеет смысл заморозить. Приоритетным могло бы стать создание действенного многостороннего механизма раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и Северной Евразии. Такой механизм окажется особенно востребованным в условиях дальнейшей ревизии постбиполярного мирового порядка. Украинский кризис лишь открывает целую серию конфликтов, которыми будет сопровождаться становление полицентричной системы международных отношений.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., т. 12, № 3, май-июнь, с. 9–23.*

Ш. Кашаф,

научный редактор, аспирант (РАНХиГС)

**В ТИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСЛАМСКИЕ
СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЗАПАДА И РУССКО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА***
(Окончание)

Согласно демографическим прогнозам экспертов «Пью», Россия и впредь будет крупнейшей мусульманской страной (в абсолютных цифрах) на европейском пространстве к 2030 г. Ожида-

* Публикуемая статья представляет собой переработанную с учетом дискуссии версию доклада автора, представленного на научно-практической конференции с международным участием «Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России», проведенной 7–8 апреля 2014 г. в Ростове-на-Дону (организаторы – Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и др.).

ется, что темпы роста мусульманского населения в стране будут иметь показатель 0,6% ежегодно в течение следующих двух десятилетий, тогда как немусульманское население России может иметь тенденцию к ежегодному сокращению в среднем на ту же величину¹.

Мусульманская умма в России: Факторы роста

Обозначая ожидаемый демографический тренд, следует сказать, что сразу несколько факторов будут способствовать дальнейшему поддержанию положительной динамики роста мусульманского населения на территории РФ. Из известных нам источников мы выделяем пять наиболее значимых:

1) традиция российских мусульманских женщин иметь двух и более детей (на одну женщину-мусульманку приходится приблизительно по 2,3 ребенка, средний национальный показатель – менее 1,5 ребенка);

2) большое количество браков, в которые вступают мусульманские женщины, при малом числе разводов, что увеличивает срок жизни супружеских союзов и создает им больше возможностей для деторождения (согласно данным Федеральной государственной службы статистики², в 2010–2011 гг. в РФ на 1000 человек населения приходится 8,5–9,2 браков и 4,2–4,7 разводов, т.е. устойчивыми браками оказывалось 4,0–4,5 соответственно. В Центральном федеральном округе показатель прочности семейных отношений выглядит еще скромнее: 3,7–4,3. Тогда как в «мусульманских» регионах страны индикаторы стабильности брачных союзов за тот же период смотрятся впечатляющими: 9,3–7,7 – в Чеченской Республике, 7,1–5,9 – в Республике Ингушетия, 6,6–6,5 – в Республике Дагестан. И даже в таких республиках, как Башкортостан и Татарстан, где число этнических мусульман незначительно превышает всё постоянно проживающее там немусульманское население, разница между созданными и распавшимися семьями в 2010–2011 гг. всё равно превышает общероссийские показатели на

¹ Pew Forum on Religion & Public Life. 2010. The Future of the Global Muslim Population: Projections for 2010–2030. Washington D.C., Pew Research Center. 2011. January. P. 15.

² Демографический ежегодник России. 2012. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012.

10–15% и более. В Республике Башкортостан супружеские пары оказываются устойчивыми в 4,4–5,0 случаях, а в Республике Татарстан – в 4,6–5,6;

3) низкое число аборт у мусульманских женщин (в 2011 г. по Российской Федерации в целом учтен 31 случай прерывания беременности на 1000 женщин фертильного возраста, тогда как в республиках Северного Кавказа этот показатель не превышает: 11 (Дагестан) и 13 (Ингушетия). Аналогичные данные в мусульманских республиках Урало-Поволжья (Башкортостан – 24, Татарстан – 30), хотя и значительно превосходят северокавказскую статистику, но не превышают среднюю по стране величину;

4) благоприятный репродуктивный возраст российских мусульман – в усредненных показателях он не превышает 30 лет;

5) кроме того, количественному росту граждан-мусульман на территории России также может способствовать процесс натурализации – переход иностранцев в подданство РФ, необходимый для решения демографических и экономических задач страны. Политика в отношении предоставления гражданства (натурализации) сегодня многими странами признается важным компонентом иммиграционной политики, поскольку «посредством института гражданства государство конституирует и воссоздает себя как единое политическое сообщество, идентифицируя определенных лиц в качестве своих членов и рассматривая остальных как иностранцев»¹. Одна из важных функций института гражданства, по И. Валлерстайну, состоит в том, что через него в политический процесс вовлекаются всё новые и новые претенденты, в процесс реализации частногражданских и публичных прав, и вместе с этим – исключаются из него определенные категории населения. Идея гражданства «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности»². Дифференцируя население по отношению к властвованию и проявляя свою инструментальную ценность при распределении власти, гражданство выступает в ро-

¹ Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии: сравнительно-правовое исследование. Авт. дис. доктора юрид. наук. – М., 2010.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – С. 160.

ли «символа и средства оформления единства нации в рамках одного государства»¹.

Впрочем, следует назвать еще один фактор роста численности мусульманского населения России, учитывая который, если мы придерживаемся того принципа, что «демографические проблемы решаются прежде всего в рамках системного подхода к устойчивому развитию российского общества»², неожиданно для многих стало возможным после 16 марта 2014 г., когда по итогам общекрымского плебисцита народов Автономной Республики Крым (АРК) включились юридико-политические и организационно-институциональные механизмы оформления его правовых последствий. Согласно Договору о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию, подписанному Президентом РФ В.В. Путиным и первыми лицами Республики Крым (РК) и города Севастополя, населяющие Крымский полуостров народы автоматически становятся российскими гражданами. Эта норма распространяется на тех лиц, кто постоянно проживал на день присоединения республики на ее территории. Исключение составят лица, которые в течение одного месяца после дня подписания Договора заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства³.

Как было подчеркнуто в обращении В. Путина перед подписанием исторического документа в Кремле, среди 2,2 млн жителей Крымского полуострова «порядка 290–300 тыс. крымских татар, значительная часть которых, как показал референдум, также ори-

¹ Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX в. // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2008. Вып. 8. С. 258.

² Понделков А.В., Старостин А.М., Карпова А.В. Современная российская демографическая политика в фокусе общественного мнения (региональный аспект) / Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием, 7–8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2014. – С. 16.

³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/20605> (Дата обращения: 18.03.2014.)

ентируются на Россию»¹. Хотя численность мусульман на Украине, как отмечают эксперты Центра ближневосточных исследований в г. Киеве, является объектом определенных манипуляций, что является достаточно типичной ситуацией «для бывшего СССР и даже для стран Европы, когда заинтересованные группы преувеличивают численность целевой аудитории»², похоже, что в вопросе оценки количества этнических мусульман среди крымско-татарского населения позиции ученых, исламских деятелей и политиков практически не имеют существенных различий.

Российское мусульманство будет прирастать Крымом

Крымско-татарское население является ведущей этнической группой среди мусульман в пространстве Украины – следствие начавшегося после крушения Советского Союза активного возвращения на свою историческую родину некогда депортированного народа. Второй по численности этнической группой, усиливающей мусульманскую компоненту Крыма, считаются волго-уральские татары – их более 11 тыс. человек, однако их религиозная активность (как и башкир) малозаметна³. Еще одна суннитская диаспора на полуострове – башкиры, значительно меньшие по численности в общем балансе мусульманского населения АРК. Как правило, в культурных и религиозных мероприятиях они солидаризируются с близкими им по ментальности волго-уральскими татарами.

Подавляющее большинство мусульманских общин, дисперсно расселенных по территории Крыма, придерживаются ханафитского мазхаба⁴, являющегося традиционным и для большей

¹ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (Дата обращения: 18.03.2014.)

² Богомолов А.В. Исламская идентичность в Украине / А.В. Богомолов, С.И. Данилов, И.Н. Семиволос, Г.М. Яворская / Пер. с укр. Изд. 2-е доп. – Киев: ИД «Стилос», 2006. – С. 12.

³ Богомолов А.В. Указ. соч. – С. 17.

⁴ Ханафитский мазхаб – ортодоксальная религиозно-правовая школа в суннитском исламе. Эпонимом мазхаба является Абу Ханифа (699–767) – первый исламский богослов-правовед персидского происхождения, единственный не араб из числа четырёх имамов, основавших с начала VIII до середины IX в. различные направления суннизма. Ему же принадлежит приоритет в создании системы мусульманского права (фикх), которое, опираясь на законы Корана и Сун-

части мусульман России и стран СНГ. Воссоединение Крыма с Россией дает важный повод рассматривать это событие также и через призму процесса повторного сложения крымской и российской частей мусульманской уммы вновь в одну целостность, существовавшую до роспуска СССР. Принятие российского гражданства крымско-татарским населением, представителями других мусульманских этносов, живущих и трудящихся рядом на крымской земле, сохраняя свою самобытность, традиции, язык и веру, заметно увеличивает общее число носителей исламской идентичности в РФ. Как минимум на 1,5%, если принять количество проживающих мусульман в стране равным 20 млн, неоднократно упоминавшимся российскими президентами и Министерством иностранных дел (впрочем, некоторые мусульманские политики уже называют значительно большую величину, сообщая о 27–28 млн¹). И в некотором смысле можно будет говорить о достижении очередного «кумулятивного эффекта» в динамике российского мусульманства. (Последней своеобразной сенсацией, подтверждающей укрепление мусульманской компоненты в России, были обнародованные социологической службой Левада-центра результаты исследования за период 2009–2012 гг., согласно которым относящих себя к исламскому вероисповеданию россиян стало больше в 1,75 раза. Фиксируя рост приверженцев ислама с 4 до 7%, социологи одновременно констатируют, что ни одно другое традиционное для России религиозное объединение не смогло продемонстрировать устойчивого роста. Напротив, православие – домини-

ны, не входило бы в противоречие с требованиями повседневной жизни. Как указывают специалисты, имам Абу Ханифа и его ученики полагали словесное признание и подтверждение сердцем веры в Аллаха и в остальные столпы веры достаточными основаниями для того, чтобы человек мог считаться верующим мусульманином, иметь право на довольство Всевышнего, на принадлежность к умме, на приобщение к Корану – в отличие от мнений других мазхабов. Неслучайно именно ханафитское прочтение ислама признается самым толерантным в этой мировой религии и максимально понятным для рядовых верующих. См.: *Хайретдинов Д., Мухетдинов Д.* Абу Ханифа – аль-Имам аль-Азам // Минарет. 2009. № 3–4 (с. 21–22).

¹ Рамзан Кадыров: Чечня хочет стать независимой от инвестиций // Чеченская республика сегодня: сайт. URL: <http://chechnyatoday.com/content/view/274562> (Дата обращения: 23.08.2013.)

рующая в обществе конфессия даже потеряла 6% своих последователей¹.)

На протяжении многих веков в становлении и развитии культуры полиэтноконфессионального состава населения Крыма религия играла существенную и даже определяющую роль, ислам же был и остаётся здесь одним из фундаментальных факторов формирования социокультурной идентичности крымских татар-мусульман и политическим фактором межконфессиональных отношений. Драматичные события в этом регионе, тесно связанном с Россией «тысячами и тысячами нитей и связей», потребовали от реципиентов валдайского дискурса В. Путина из числа мусульманских акторов быстроты ответной реакции и непосредственного активного соучастия.

Крымские татары, подвергавшиеся вместе с некоторыми другими этносами многонационального Крыма депортации², являются ведущей этнической группой среди мусульманских народов полуострова и материковой части Украины. Вместе с тем сегодня нельзя игнорировать наличия в новом субъекте Федерации страты, сохраняющей, по отзывам экспертов по исламскому сообществу, «критичность и подозрительность в отношении России»³. Публичными артикуляторами интересов этой группы населения, обладающей значительным опытом политической борьбы «в силу своей трагической истории и десятилетий борьбы с тоталитарным советским режимом за право жить на своей родине»⁴, выступают Рефат Чубаров, председатель Меджлиса крымско-татарского народа (подобие национального правительства), действующего между сессиями Курултая (подобие национального парламента), и Мустафа Джемилев, депутат Верховной рады Украины, экс-руководитель Меджлиса. Последний находится в лоне противни-

¹ В России 74% православных и 7% мусульман // Левада-центр: сайт. URL: <http://www.levada.ru/print/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman> (Дата обращения: 17.12.2012.)

² См.: Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии / Предисловие, составление, заключение и комментарии Н.Ф. Бугая / Предисловие. – М.: ИСАН, 2002.

³ Мухаметов Р.М. Мустафа Джемилев: Я горжусь тем, что я украинец // Слово без границ: сайт. URL: <http://wordyou.ru> (Дата обращения: 25.02.2014.)

⁴ Чубаров: У крымских татар на Майдане широкий арсенал ненасильственных, но эффективных методов борьбы. URL: <http://gordonua.com> (Дата обращения: 20.03.2014.)

ков сближения с Россией, оспаривающих её действия на уровне ООН.

Учитывая известную проблематизацию национальной идентичности крымских татар¹, закрепивших в Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа, основном программном и не утратившем важности до настоящего времени документе, принятом Вторым Курултаем в 1991 г., положение о возможности политического, экономического, духовного и культурного возрождения крымско-татарского народа только в его национальном суверенном государстве², российское политическое руководство в ситуации «крымской весны» 2014 г. не могло не обратиться к ресурсным возможностям исламских негосударственных институтов и мусульманской «народной дипломатии».

Вполне предсказуемыми и своевременными, на наш взгляд, выглядят и встречные инициативы агентов религиозной, политической и интеллектуальной элит российского мусульманства, объединяемых нами, согласно Т.А. ван Дейку³, дефиницией «символическая элита», вступивших в дискурсивную коммуникацию со своими «братьями» по вере, истории, культуре. Тем более что роль российского мусульманства как проводника национальных интересов своей страны в крымском сегменте исламской уммы ментально и исторически оправданна. С одной стороны, «будучи частью глобального полуторамиллиардного сообщества, они по определению соотносят себя и свои интересы с тем, что происходит за рубежом с их единоверцами»⁴. А с другой – возвращение этнокультурных мусульман Крыма под российскую юрисдикцию можно расценивать и как воссоединение крымской и российской частей уммы, формально скрепленных в одну целостность указом Екатерины II от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских

¹ См.: Александров Д.А., Амелина Я.А. Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 74–95.

² Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа // Авдет. 1991. 11 июля.

³ Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентации доминирования в языке и коммуникации. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

⁴ Мухаметов Р.М. Российские мусульмане и внешняя политика: Может ли исламский фактор стать существенным // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 3. С. 109–118.

жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство»¹. И эта общность (не без трагических несправедливостей и гонений со стороны политических режимов обеих империй – Романовых и СССР) просуществовала до роспуска Советского Союза. Хотя, несомненно, религиозные, исторические и культурные связи Казанского и Крымского ханств своими корнями уходят значительно глубже эпохи аннексии последнего императрицей Екатериной II. «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, от Златыя Орды и от Асторохани, от Азуева и от Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо Золоты Орды Казань, новая орда, запустевши Саинов юрт», – писал автор «Истории о Казанском царстве»².

Хотя, несомненно, религиозные, исторические и культурные связи мусульман России и Крыма своими корнями уходят значительно глубже эпохи аннексии Крымского ханства императрицей Екатериной II, оставшейся в народной памяти крымских татар «не только поработителем, но и обманщицей»³, нарушившей святое обещание, данное «за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их [жителей] наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно...»⁴. Равно как и ее «преемники», которые в ходе проигранной Крымской войны и сразу после нее еще более усилили притеснения татар, «приведя в 1856–1862 гг. к эмиграции около 150 тыс. татар, что означало для их популяции в Крыму демографическую катастрофу»⁵.

Как справедливо отмечает В. Тишков, ценностные и мировоззренческие проблемы труднее всего поддаются компромиссным решениям. «По этой причине конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е. По 12 дек. 1825 г.: Т. 1–45]. – [Санкт-Петербург]: тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 21: С 1781 по 1783: От № 15106–15901. – 1830. № 15798. С. 985.

² Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Издание 1-е. – СПб., 1903. – С. 546. – Стлб. 19–20.

³ Вяткин А.Р. Мусульманский Крым к началу XX века : Между небытием, пантюркизмом и суверенизацией // *Raх Islamica*. 2009. № 2/3. – С. 95.

⁴ Полное собрание законов Российской империи... – С. 898.

⁵ Вяткин А.Р. Указ. соч. – С. 99.

ими ненависть изживается зачастую через поколения», – констатирует один из ведущих специалистов в области государственной национальной политики¹. Поэтому самой важной в политических функциях этничности и в широком смысле всей культуры, по мнению эксперта, должна стать разработка такой формулы управления культурным разнообразием, которая будет адекватна каждому обществу и каждой конкретной ситуации, а предложенные в рамках нее механизмы смогут обеспечить гражданское согласие и избежать нежелательных конфликтов.

Невыученные уроки Отца нации

Важно отметить: решение о воссоединении в 2014 г. Крыма с Россией, которое как «правильное» было признано подавляющим большинством россиян (96%), согласно выводам Всероссийского центра общественного мнения², сегодня вновь оказывается поворотным моментом и в судьбе исторических связей *русско-мусульманского мира*. Этот мир, по словам известного крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851–1914), залегает «между европейскими и монгольскими мирами... на перекрестках всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых»³. К взаимной выгоде от сотрудничества русского этноса и народов мусульманской культуры еще почти 120 лет назад И. Гаспринский призывал в своем просветительском дискурсе.

О перспективах взаимовыгодного сотрудничества между русскими и мусульманами (данным конфессионизмом в Российской империи назывались все этносы мусульманской культуры) И. Гаспринский, имевший в тюркском сообществе России репутацию «величайшего мусульманского реформатора XIX века» и *Отца нации*, а также слывший известным энергичным городским управляющим, размышлял в работе «Русско-восточное соглашение» (1896). Обращаясь «из прекрасного Бахчисарая» к властям Российской империи, мэр бывшей столицы Крымского

¹ Тишков В. Полиэтническое общество и государство... – С. 151.

² «Зачем России нужен Крым?» Пресс-выпуск № 2550 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766> (Дата обращения: 02.04.2014.)

³ Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 61.

ханства Гаспринский очерчивал преимущества позитивного сотрудничества России с мусульманским Востоком. Он убедительно призывал «руководящих людей» найти «прочную базу для честного соглашения и обеспечения общего интереса и мирного развития народов»¹. Однако его аргументацию о соответствующих выгодах от русско-восточного соглашения, которое помимо прочего позволило бы России облегчить ее духовную «цивилизаторскую миссию в самом широком смысле», правители явно оставили без внимания. Против такого партнерства, убеждал он, всеми правдами и неправдами будет бороться и Европа, надвигающаяся с Запада на мусульманско-русский мир. «Действуя то против России, то против мусульман, европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед»²; это совершенно ясно и рельефно видно по стремлениям Запада в политической сфере, заключает Гаспринский. Рассуждения мусульманского мыслителя, высказанные им на излете XIX столетия, в XXI в. вновь актуализируются в контексте проблематизировавшейся идентичности крымских татар-мусульман.

Для современного Российского государства, политическая юрисдикция которого вновь объемлет Крым, является архизначимым, чтобы населяющие его этнокультурные мусульмане не только согласились с предложенным им российским гражданством, но также приняли и новый для них связующий политический и социальный конструкт, выражаемый понятием «общероссийская национально-государственная идентичность». Схожую управленческую задачу в свое время прекрасно сформулировал И. Гаспринский, будучи в то время городским головой Бахчисарая, прежней столицы Крымского ханства: «Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь... укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России,

¹ Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 72.

² Там же. – С. 62.

открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу»¹.

Современным потомкам Гаспринского предстоит осознанно разделить новую для них сущность общероссийской идентичности, которая в научной литературе рассматривается как включающая в себя «совокупность принципов, ценностей и установок, которые формируют социальную связь между государством и гражданином: набор общих представлений о государстве, видение его роли в мировом сообществе государств, понимание его истории»². Притом что культурные и политические элиты репатриированного народа в последние годы прилагают интенсивные усилия по возрождению и культивированию образа Крыма в рамках собственных представлений о судьбе полуострова, а *государственно-гражданская идентичность* россиян во многом еще находится на стадии становления, оставаясь к тому же полем незавершающихся дискуссий общественных сил³.

Мусульманские элиты – акторы российской политики идентичности

Активизация носителей символической власти (М. Шаймиев, Р. Минниханов, Р. Гайнутдин, К. Самигуллин, Д. Мухетдинов и др.) в публичном пространстве обусловливается, прежде всего, стремлением раскрыть «новым россиянам» потенциал и преимущества консолидации общества, совместно «выработать такую позицию, которая сделала бы жизнь крымских татар достойной»⁴. При этом выделяемая наблюдателями утилитарная компонента – добиться от Меджлиса и крымских татар-мусульман поддержки новой государственности Крыма и принятия новой

¹ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиген, Татарское кн. изд-во, 1993. – С. 27.

² Старостин А.А. Методологические аспекты изучения национально-государственной идентичности в современной политической науке // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 155.

³ См.: Гражданская, этническая и региональная идентичность: Вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013.

⁴ Рустам Минниханов: «Многие до конца не осознают, почему крымские татары отстаивают свои интересы» // Бизнес Online: сайт. URL: <http://www.business-gazeta.ru> (Дата обращения: 29.03.2014.)

власти¹, безусловно, присутствует в акторной деятельности мусульманских «челночных дипломатов» из обеих столиц – Москвы и Казани.

Немаловажным для организации дискурс-коммуникационных событий (по Т.А. ван Дейку) являются и такие качества влиятельных представителей мусульманского сообщества, как их «сбалансированная позиция, умение говорить с людьми» – достоинства, на которые, в частности, обращает внимание А. Игнатенко, президент Института религии и политики, член Общественной палаты РФ. Как отмечает эксперт, особенно выделяющий «роль главы Татарстана Рустама Минниханова, который уже трижды побывал в Крыму, и роль главы Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина»², конструктивный дискурс и позитивная политика идентичности в Крыму – то, что сегодня крайне необходимо осуществлять российской власти и тем государственным и религиозным деятелям, которые находятся в активном дискурсе с крымскими татарами-мусульманами.

Оценки специалистов находят свое подтверждение в дискурс-анализе корпуса рассмотренных нами публичных выступлений акторов мусульманского сообщества России, ответственно принимающих на себя сложную часть проекта конструирования общероссийских смыслов политики национальной идентичности.

Так, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин, являющийся «ключевой фигурой в деле обеспечения взаимоотношений между Кремлем и мусульманским сообществом России»³, вкладывает в действо крымско-российского воссоединения глубочайший, божественный смысл: «Всевышний распорядился таким образом, что Крым вошёл в состав Российской Федерации, в связи с чем крымско-татарская нация вливается в двадцатимиллионную умму России»⁴.

¹ Рустам Минниханов: «Крымские ханы правили Казанским ханством. История есть история, ее мы тоже не должны забывать...» // Бизнес Online: сайт. URL: www.business-gazeta.ru (Дата обращения: 05.03.2014.)

² Замятина Т. Александр Игнатенко: Крымские татары не будут дестабилизирующим фактором в Крыму // ИТАР-ТАСС: сайт. URL: <http://itar-tass.com/opinions/interviews/2048> (Дата обращения: 20.03.2014.)

³ The Muslim 500: The World's 500 Most Influential Muslims, 2012. URL: <http://themuslim500.com/download> (Дата обращения: 20.01.2014.)

⁴ Глава СМР муфтий шейх Равиль Гайнутдин и муфтий Крыма хаджи Эмиралы Аблаев призвали единоверцев к сплоченности // Мусульмане России: сайт. URL: <http://dumrf.ru/common/event/8164> (Дата обращения: 28.03.2014.)

Реестр аргументаций дискурса президента Татарстана Р.М. Минниханова, позиционирующего себя на крымской переговорной площадке в качестве «представителя Российской Федерации, субъекта Российской Федерации», редуцируется до репрезентации политических, экономических и социокультурных преимуществ федеративного союза «одной из продвинутых республик» с Россией, приемлемости татарстанского опыта в выстраивании отношений крымско-татарского народа с российским обществом и властью в рамках единого государства¹.

Важным критерием эффективности взаимодействия дискурско-коммуникативных аттракторов с активом крымских татар-мусульман и российским руководством, бесспорно, является оперативное принятие государственными органами России целого ряда позитивных мер, направленных на поддержку крымско-татарского народа. Его скорейшей интеграции в принимающее сообщество будут способствовать политические и законодательные решения для завершения процесса реабилитации крымских татар. Принципиально значимым в этом смысле воспринимается Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», а также решение российских властей, затрагивающее одно из фундаментальных оснований национальной идентичности – язык, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру. Конструировать национальную идентичность «новых россиян» в Крыму отныне смогут на равных правах русский, украинский и крымско-татарский язык², получившие статус государственных на территории нового субъекта Федерации. Закрепление де-юре государственного трилингвизма в его пределах, безусловно, создает

¹ Рустам Минниханов: «Многие до конца не осознают, почему крымские татары отстаивают свои интересы» // Бизнес Online: сайт. URL: <http://www.business-gazeta.ru> (Дата обращения: 29.03.2014.)

² По итогам первой и единственной переписи населения Украины, проведённой в 2001 г., как родной язык указали язык своей национальности 92% крымских татар. См.: Итоги Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Государственный комитет статистики Украины: сайт. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language> (Дата обращения: 10.03.2014.) Возвращение из Средней Азии депортированных крымских татар привело к увеличению их численности с 46,8 тыс. человек в 1989 г. до 248,2 тыс. (они стали пятой по величине этнической группой Украины после украинцев, русских, белорусов и молдаван).

необходимую базу для формирования *общероссийской государственной-гражданской идентичности*.

Таким образом, участвуя в дискурсивных практиках и структурах, мусульманские акторы оказываются включенными в формирование идеологии национального развития России, конструирования паттернов национальной идентификации новых членов политического сообщества, для которых после крымского плебисцита радикально изменяется многое – национально-государственная идентичность, территориальные, корпоральные и семантические границы. Сами же элиты мусульманского сообщества России, организуя в Крыму публичные коммуникации акторов конструирования национальной идентичности – сообразно принятым в своей символической группе ценностно-идентификационным основаниям, а также социокультурному и политическому контексту – действуют в интересах российской нации, формирующейся в новых границах политического сообщества.

Как нам представляется, процесс вхождения РК в РФ может дополнительно повлиять на смягчение условий натурализации русскоязычных этнических мусульман из постсоветских республик, включая государства Центральной Азии. Это произойдет в случае принятия российскими властями законопроекта об упрощенном порядке предоставления гражданства РФ жителям СНГ. И такая инициатива вполне ожидаема в рамках содействия реализации концепции государственной миграционной политики страны на 2012–2015 гг., особенно заглядывая в перспективу создаваемого с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза.

Притом что культурный поток, как считают некоторые специалисты, может быть организован по-разному и даже может быть повернут вспять, «если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы»¹, все же процесс гражданской интеграции крымских мусульман в принимающее российское сообщество не обещает быть простым, учитывая состоявшиеся заявления руководителей Меджлиса, высшего полномочного представительного-исполнительного органа крымско-татарского народа в период между сессиями Курултая, о признании крымских татар в качестве субъекта принятия решений, «тем более тех, которые касаются их развития и развития их родины»². Хотя здесь, на наш взгляд, есть прочная почва

¹ Тишков В. Полиэтническое общество и государство... – С. 155.

² Глава Меджлиса Рефат Чубаров: Крымские татары субъект принятия решений, тем более тех, которые касаются их развития и развития их Родины //

для взаимопонимания с российской властью, осознающей как факт прошлого «то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве, просто как компьютерную программу»¹.

Напомним, как развивая эту свою мысль на заседании международного клуба «Валдай» в сентябре 2013 г., В.В. Путин ясно давал понять, что политическое руководство страны осознает невозможность в современных условиях навязывания сверху идентичности, национальной идеи, строящихся на основе идеологической монополии. «Такая конструкция неустойчива и очень уязвима, мы знаем это по собственному опыту, она не имеет будущего в современном мире», – подчеркнул он². Примечательно, что выступление президента состоялось перед собранием известных экспертов, специализирующихся на изучении внешней и внутренней политики России, почти за пять месяцев до февральских 2014 г. событий на Украине, приведших к антиконституционному перевороту и вооруженному захвату власти, и за шесть – до референдума, воссоединившего Крым с Россией.

Еще одна «болевая точка» – структура и функционирование гибридной идентичности мусульман Крыма, поскольку за годы постсоветской независимости Украины их социокультурная идентичность и политическое самосознание претерпели серьезные трансформации. Так, большая часть репатриантов, недавно возвратившихся на историческую родину после депортации и чья «сеть мусульманских общин охватила практически все населенные пункты с компактным проживанием крымских татар»³, сегодня находится в двояком положении. С одной стороны, ситуация внешне напоминает переживаемую европейскими мусульманами-иммигрантами, а с другой стороны, с позиции собственного восприятия, она «существенно отличается, поскольку очень важным моментом для идентичности крымских татар является понимание себя как коренного населения полуострова»⁴. Цитируемая выше

Меджлис крымскотатарского народа: официальный сайт. URL: <http://qtmn.org> (Дата обращения: 17.03.2014.)

¹ Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.

² Там же.

³ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. – Симферополь: Эльино, 2009. – С. 425.

⁴ Богомолов А.В. Исламская идентичность в Украине ... – С. 196.

оценка авторов работы «Исламская идентичность в Украине», судя по большинству других актуальных источников, вполне коррелируется с современным взглядом экспертов на происходящее в Крымской Республике. Вот почему с присоединением КР к России последняя должна быть столь же последовательной и решительной в борьбе с исламофобскими настроениями и актами вандализма по отношению к святым местам, мечетям и мусульманским общинам в Крыму, не оставшимися незамеченными ОИК¹. А также с представлениями об исламе как о неисконной религии, превалировавшими в украинском обществе, «что отражается в медиа-дискурсе и сказывается на отношениях государственных органов с исламскими организациями»².

Ислам как элемент российского культурного кода

Не следует забывать, что тема мусульман, как подчиненного этноконфессионального меньшинства, в целом далеко еще не исчерпала себя ни в публичном пространстве Крыма, ни в России, вплетая в них реминисценции мусульманского прошлого. В российском дискурсе она постоянно эксплицируется формулировкой «ислам – это религия не пришельцев, не мигрантов, а коренных россиян»³, а также требованием главы Совета муфтиев России муфтия шейха Р. Гайнутдина к Российской Федерации «наконец полностью легитимизировать и, так сказать, “прописать” свою мусульманскую составляющую»⁴. Нарратив об автохтонных мусульманах как протосообществе будущей России присутствует и в публичных выступлениях исламских лидеров Башкортостана. Так, председатель Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России Т. Таджуддин во время торжественного богослужения в Уфимской Соборной мечети 8 декабря 2008 г. по случаю мусульманского праздника Курбан-байрам (Аид-аль-Адха), транс-

¹ 2nd OIC Observatory Report on Islamophobia: June 2008 to April 2009. Issued at the 36th Council of Foreign Ministers. Organisation of the Islamic Conference, Damascus, Syrian Arab Republic, 23–25 May 2009. P. 31.

² Богомолов А.В. Исламская идентичность в Украине... – С. 196.

³ Коробов П. Ислам – религия коренных россиян. [Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин об уникальном положении мусульман в России.] // Коммерсант. 2011. 18 февраля.

⁴ Мельников А. Золотая Орда и Имамат Шамиля как основа российской государственности // НГ-Религии. 2010. 7 июля.

лировавшегося на аудиторию телезрителей общероссийского «Первого канала», подчеркнул: «В России 20 млн мусульман. Мы тут жили, и живём давно, когда ещё Киевская Русь была»¹.

Близкие позиции к символическим религиозным элитам занимают и крупные фигуры из числа политических элит мусульманских республик в составе РФ. Хотя надо признать, что в таком регионе, например, как Татарстан, многими политическими деятелями достаточно хорошо усвоены уроки религиозной истории человечества. Самые тяжелые из них свидетельствуют о том, что «проникновение религии в сферу политики, особенно если это происходит в поликонфессиональном обществе, с неизбежностью приводит к этнополитическим конфликтам»². Поэтому, как и в случае с крымско-татарскими политиками, светская в целом ориентация которых «не мешает им использовать исламскую идентичность в качестве дополнительного мобилизационного ресурса»³, татарстанские элиты, не менее эффективно состоящие за обладание этим ресурсом, обращаются с ним с присущей им «взвешенностью в словах, осторожностью – в формулировках». Именно в таком ракурсе следует воспринимать легитимационный дискурс М.Ш. Шаймиева, который строится первым президентом Республики Татарстан на осмыслении научного наследия Л.Н. Гумилёва: «У России два истока – славяне и турки, православие и ислам, Киевская Русь и Золотая Орда. Только опираясь, образно выражаясь, на эти две ноги, Россия может стоять прочно и формировать общегосударственные ценности, объединяющие граждан»⁴.

Один из главных акторов дискурса национальной идентичности президент В.В. Путин высказывает мнение, что «российские мусульмане всегда были едины в служении обществу и своему государству», равно как и то, что традиционный ислам, ставший значимым фактором общественно-политической жизни и внесший неоценимый вклад в духовное и культурное развитие российского

¹ Курбан-байрам. Трансляция из Уфимской Соборной мечети // Первый канал. 2008. 8 декабря.

² Воронцов С.А. Взаимодействие политических и религиозных систем: правовой анализ. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 175.

³ Богомолов А.В. Исламская идентичность в Украине... – С. 197.

⁴ Шаймиев М.Ш. Выступление Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева на международной научной конференции «Идеи евразийства в научном наследии Л.Н. Гумилёва» // Национальная библиотека Республики Татарстан: сайт. 2004. 30 июня. URL: <http://kitaphane.tatarstan.ru/rus/gumilev/shaimiev.htm> (Дата обращения: 21.03.2014.)

общества, должен обретать свой положительный образ «как духовной составляющей всероссийской идентичности»¹. Об этом, в частности, В. Путин говорил в Уфе, где отмечалось 225-летие указа императрицы Екатерины II, учредившего Духовное собрание магометанского закона.

В знаковом диалоге президента В. Путина с исламскими лидерами, состоявшемся 22 октября 2013 г. в ходе его поездки в столицу Башкортостана, ислам был определен главой государства «ярким элементом российского культурного кода, неотъемлемой, органичной частью российской истории»². В ответ Талгат Таджуддин, председатель Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации, в очередной раз подчеркнул вековую сопричастность мусульманства России – «веками наши предки, бабушки, дедушки, отцы её защищали, поэтому и нашим детям это завещать»³.

Путин однозначно подтверждает свое уважение к традиционному исламу, не в первый раз называя российских мусульман значимым фактором в общественно-политической жизни страны. Не соглашаясь с теми, кто с использованием широких возможностей СМИ навязывает обществу мнение, что увеличение числа носителей исламской идентичности создает основу роста в стране межэтнической напряженности и конфликтов, в то же время президент ясно демонстрирует обеспокоенность распространением фундаментализма, питающего экстремистские настроения. (Любопытно корреспондируются такие опасения с мнением специалистов, усматривающих в «исламской альтернативе» радикального ислама в России, в первую очередь, часть общероссийского политического протеста⁴.) Одновременно с этим президент ожидает от мусульманских организаций обновления форм работы по социализации ислама через призму развития традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с совре-

¹ Встреча с муфтиями духовных управлений мусульман России // Президент России: сайт. URL: <http://президент.рф/выступления/19474> (Дата обращения: 20.03.2014.)

² Путин называет ислам ярким элементом российского культурного кода // Интерфакс-религия. 2013. 22 октября. URL: <http://www.interfax-religion.ru/cis.php?act=news&div=53139> (Дата обращения: 20.03.2014.)

³ Встреча с муфтиями духовных управлений мусульман России...

⁴ См.: Магомедов А. Феноменология пограничного ислама: Локальная «исламская альтернатива» в пределах каспийско-предкавказских мусульманских коммуникаций // Казанский федералист. – 2006. – № 4 (20).

менной социальной действительностью, способного противостоять «идеологии радикалов, сталкивающих верующих в Средневековье».

Но конструировать идентичность исключительно через этнические, религиозные маркеры в таком крупнейшем государстве с полиэтноконфессиональным разнообразием населения, как Российская Федерация, по мнению главного нациестроителя страны, не продуктивно. Необходимым условием сохранения единства страны, как утверждает президент, является «формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями»¹.

Действительно, сегодня, когда осмысливаются политические процессы, происходящие в третьем тысячелетии в пространстве Запада и России, становится все более очевидным, что большинство политических проблем приобретает социальный резонанс только вследствие наделения их религиозными смыслами, «тогда как религиозные интенции становятся востребованными прежде всего в политическом пространстве»². Данная рефлексия в рамках традиционной институциональной политической науки перестает быть эффективной и требует включения иных референтов, в том числе религиозных и этнорелигиозных. Стремительные социокультурные и политические сдвиги приводят к тому, что под их влиянием политическое измерение национальной идентичности вытесняется демографическим, культурным, языковым, религиозным и т.д.

Подобная точка зрения находит подтверждение в научном дискурсе. Как пишет Е.Ю. Мелешкина, в том случае, если в стране не проводится жесткая и последовательная политика в отношении меньшинств, но при этом существуют серьезные запреты на организованное выражение их интересов, то перспективы достижения согласия представляются сомнительными. Не будучи вовлеченными в процесс выработки общего баланса интересов, группы «тем

¹ Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.

² Мchedлова М.М. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новом осмыслении // Социология в системе научного управления обществом: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. Москва. 2-4 февраля 2012. [Электронный ресурс]. – М.: ФГБУН «Институт социологии Российской академии наук, IT центр Института социологии РАН», 2012. – С. 772.

самым поощряются к выбору иных, в том числе радикальных и незаконных форм политического действия и образа мысли, что создает благоприятные предпосылки для нестабильности и развития экстремизма»¹.

Как замечательно показал в своих работах Д. Мидгал, различным социальным группам присуща борьба ментальных смыслов и представлений (*mental maps*), которые, по его мнению, «всегда оспариваются и трансформируются». Как следствие, «во всех обществах идут ожесточенные битвы между группами, каждая из которых проталкивает собственное представление о том, как люди должны себя вести... Общества – это не статические формирования, а постоянно становящиеся (*constantly becoming*) в результате борьбы феномены»². Это хорошо объясняет, почему сегодня борьба за идентичность вызывает активную дискурсную коммуникацию мусульманства в публичном пространстве Запада и России, являющей собой уникальный пример сотрудничества в рамках русско-мусульманского мира, – в ответ на практику установления такого социального порядка, когда преимущественно воспроизводятся концепции идентичности доминирующих групп.

Литература

1. Александров Д.А., Амелина Я.А. Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 74–95.
2. Богомолов А.В. Исламская идентичность в Украине / А.В. Богомолов, С.И. Данилов, И.Н. Семиволос, Г.М. Яворская / Пер. с укр. Изд. 2-е доп. Киев: ИД «Стилос», 2006.
3. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии / Предисловие, составление, заключение и комментарии Н.Ф. Бугая / Предисловие. – М.: ИСАН, 2002.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.
5. Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии: сравнительно-правовое исследование. Авт. дис... док. юр. наук. М., 2010.

¹ Мелешкина Е.Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. М., 2010. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. С. 145.

² Midgal J. S. *State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another*. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 50.

6. Воронцов С.А. Взаимодействие политических и религиозных систем: правовой анализ. Ростов-на-Дону, 2013.
7. Вяткин А.Р. Мусульманский Крым к началу XX века: Между небытием, пан-тюркизмом и суверенизацией // *Pax Islamica*. 2009. № 2/3. С. 91–128.
8. Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань, 1993. С. 59–78.
9. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Фонд Жиен, Татарское кн. изд-во, 1993. С. 17–58.
10. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентации доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
11. Замятина Т. Александр Игнатенко: крымские татары не будут дестабилизирующим фактором в Крыму // ИТАР-ТАСС : сайт. URL: <http://itar-tass.com/opinions/interviews/2048> (Дата обращения: 20.03.2014.)
12. Ислам в Крыму : Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. – Симферополь: Эльино, 2009.
13. Кашаф Ш.Р. Сообщества мусульман в контексте дискурса национально-государственной идентичности: социально-демографические реалии и политические интерпретации на Западе и в России / Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием, 7–8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2014. – С. 465–484.
14. Коробов П. Ислам – религия коренных россиян [Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин об уникальном положении мусульман в России] // *Коммерсант*. 2011. 18 февраля.
15. Магомедов А. Феноменология пограничного ислама: локальная «исламская альтернатива» в пределах каспийско-предкавказских мусульманских коммуникаций // *Казанский федералист*. – 2006. – № 4 (20).
16. Мелешкина Е. Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; главный редактор: Ильин М.В. М., 2010. – Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. С. 123–145.
17. Мельников А. Золотая Орда и Имамат Шамиля как основа российской государственности // *НГ-Религии*. 2010. 7 июля.
18. Мчедлова М.М. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новом осмыслении // *Социология в системе научного управления обществом : Материалы IV Всероссийского социологического конгресса*. Москва. 2–4 февраля 2012. [Электронный ресурс]. М.: ФГБУН «Институт социологии Российской академии наук, IT центр Института социологии РАН», 2012. С. 772–773.
19. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е. По 12 дек. 1825 г.: Т. 1–45]. – [Санкт-Петербург]: тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В.

- канцелярии, 1830–1851. Т. 21: С. 1781 по 1783: От № 15106–15901. – 1830. № 15798.
20. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Издание 1-е. СПб., 1903.
 21. Понеделков А.В., Старостин А.М., Карпова А.В. Современная российская демографическая политика в фокусе общественного мнения (региональный аспект) / Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практической конференции с международным участием, 7–8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. – Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2014. – С. 465–484.
 22. Путин В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.
 23. Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (Дата обращения: 18.03.2014.)
 24. Старостин А.А. Методологические аспекты изучения национально-государственной идентичности в современной политической науке // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 149–157.
 25. Тишков В. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Вест Мир, 2013. С. 144–194.
 26. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2008. Вып. 8. С. 257–278.
 27. Хайретдинов Д., Мухетдинов Д. Абу Ханифа – аль-Имам аль-Азам // Минарет. 2009. № 3–4 (21–22).
 28. Шаймиев М.Ш. Выступление Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева на международной научной конференции «Идеи евразийства в научном наследии Л.Н. Гумилёва» // Национальная библиотека Республики Татарстан: сайт. 2004. 30 июня. URL: <http://kitaphane.tatarstan.ru/rus/gumilev/shaimiev.htm> (Дата обращения: 21.03.2014.)
 29. 2nd OIC Observatory report on Islamophobia: June 2008 to April 2009. Issued at the 36th Council of Foreign Ministers. Organisation of the Islamic Conference, Damascus, Syrian Arab Republic, 23–25 May 2009. P. 31.
 30. Midgal J.S. State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 50.
 31. Pew Forum on Religion & Public Life. 2010. The Future of the Global Muslim Population: Projections for 2010–2030. Washington D.C., Pew Research Center. 2011. January.
 32. The Muslim 500: The World's 500 Most Influential Muslims, 2012. URL: <http://themuslim500.com/download> (Дата обращения: 20.01.2014.)

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Е. Рудакова,

кандидат политических наук

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИСЛАМА В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Согласно последнему отчету представителей центрального аппарата ФСБ России, начальников органов ФСБ в ПФО, полпреда Президента РФ в ПФО Михаила Бабича, в округе удастся обеспечить сохранение стабильной и контролируемой ситуации в сфере межнациональных отношений¹.

В отчете отмечается, что в регионах округа созданы необходимые условия, чтобы и мусульмане, и православные, и представители всех иных конфессий чувствовали себя уверенно, безопасно, при этом условие для всех одно – не нарушать закон².

Тем не менее, несмотря на стабильную и управляемую ситуацию в сфере этноконфессиональной безопасности в ПФО, по данным последних социологических исследований число граждан в Саратовской, Самарской, Нижегородской областях и Пермском крае, полагающих, что в регионах ПФО возможны этноконфессиональные конфликты, сегодня составляет около 20%, что является высоким показателем³.

Президент Республики Татарстан также отметил, что в 2012–2013 гг. традиционный ислам в округе столкнулся с рядом серьезных угроз: религиозные экстремисты совершили покушение на экс-муфтия Республики Татарстан Илдуса Файзова, убили его заместителя Валиулла Якупова; произошла серия поджогов исламистами православных храмов (с. Албаево Мамадышского р-на, с. Ленино Новошешминского р-на, с. Крещенные Казылы Рыбно-слободского р-на, г. Чистополь); были предприняты попытки терактов. На фоне снижения толерантности в молодежной среде, па-

¹ Бабич М. 2014. Основная проблема – это отток молодежи в зарубежные образовательные исламские центры. – ПРОГОРОД Йошкар-Ола. Доступ: <http://pgl2.ai/news/view/65262> (Проверено 7.05.2014.)

² Сергей Гаврилин побывал в Оренбургской соборной мечети. Пресс-служба Главного федерального инспектора по Оренбургской области. – Оренбургские новости. 2014. Доступ: <http://orinfo.ru/n/77599> (Проверено 30.04.2014.)

³ Минниханов Р. 2014. Межнациональное согласие и стабильность – предмет постоянной кропотливой работы. – Портал Правительства Республики Татарстан. Доступ: <http://www.intertat.ru> (Проверено 15.05.2014.)

дения авторитета духовных лидеров, роста агрессивного экстремистского контента в сети Интернет, высокого уровня миграционных процессов и отсутствия программ адаптации мигрантов происходит рост радикальных настроений в обществе. Рустам Минниханов отмечает, что всё это заставляет отчасти ужесточить подходы к работе: усилено взаимодействие с силовым блоком, налажено тесное сотрудничество с аппаратом главного федерального инспектора по Республике Татарстан и другими федеральными и территориальными органами.

Специалисты Российского института стратегических исследований (РИСИ) полагают, что в последние годы ПФО столкнулся с целым рядом угроз на конфессиональной почве, которые имеют как объективные внутренние, так и внешние причины. В качестве самой серьезной угрозы конфессиональной безопасности округа называется постепенная эволюция ислама и его роли в общественно-политических отношениях. Настораживают отход молодых мусульман от традиционной системы ценностей и вероучения ислама, продолжающиеся попытки подмены их идеями радикального и экстремистского толка. Можно выделить несколько причин, способствующих данному процессу.

1. Кризис доверия к традиционному исламу среди молодежи. Серьезное влияние на мировоззрение мусульманской молодежи оказал распад СССР. На смену идеологии коммунизма и религиозному вакууму пришли нетрадиционные воззрения. В советский период на многие сотни тысяч мусульман было подготовлено всего лишь несколько десятков священнослужителей, в медресе преподавали выходцы из арабских стран, которые пропагандировали чуждые российскому исламу нормы [Задворнов 2000].

По мнению директора независимого аналитического Центра религии, права и политики Данияра Мурадилова, религиозная неграмотность является основной причиной радикализма и отхода от традиционных устоев. Однако видится, что гораздо большее значение для молодежи в вопросах религии имеют не сами религиозные знания (хотя ни в коем случае нельзя умалять значение данного фактора), а жизненный пастырский пример высокого служения, нравственной чистоты, культуры самосовершенствования, поиска внутреннего мира и гармонии с окружающими, ценностей уважения к другим конфессиям, сопряженный с личным духовным подвигом во имя Бога и на благо людей. Данные непреходящие ценности нельзя усвоить на студенческой скамье, опыт религиозной жизни и ценностей транслируется из поколения в поколение.

Председатель Духовного управления мусульман Чеченской Республики Султан Мирзаев прямо об этом говорит: «Я не виню молодежь, потому что это только наше упущение. Сегодня еще не поздно, мы не должны ждать, пока они придут к нам, мы должны сами идти к ним». Когда нет духовных авторитетов, наставнических примеров, когда религиозные деятели погрязают в склоках и вражде, молодые люди начинают смотреть проповеди в Интернете и, в конечном счете, вовлекаются в различные секты и радикальные религиозные течения, которые кажутся им более убедительными¹.

Тем более удручающей выглядит ситуация с непрекращающимися бесчеловечными убийствами духовных лидеров традиционных конфессий в России. В связи с убийством лидера мусульман Дагестана шейха Саида Афанди патриарх Кирилл отметил, что «гражданский мир в нашей стране в очередной раз проверяется на прочность, совершаются покушения на религиозных деятелей, оскверняются храмы, мечети, синагоги, попираются символы духовности и культуры, верующих традиционных исповеданий пытаются спровоцировать на месть и конфликт».

Печальная статистика показывает, насколько далеко готовы зайти враждебные России силы в борьбе с традиционными ценностями и конфессиями. Умар Идрисов, Хасмагомед Умалатов, Магомед Хасуев, Ахмед Тагаев, Валиулла Якупов, Саид Афанди аль-Чиркави – это далеко не полный список их жертв. К сожалению, можно констатировать только одно – предпринимаются попытки запугать лидеров ислама в России, проповедующих традиционные взгляды на исламское богословие и теологию, ведущих бескомпромиссную борьбу с радикальной исламистской идеологией даже ценою собственной жизни [Шарафиев 2012].

2. Кризис традиционных структур ислама в России. Некомпетентность, косность, инертность, пассивность в важнейших вопросах современности зачастую характеризует официальные мусульманские структуры. В условиях, когда молодые люди, разочаровавшись во всем официальном, уходят в «подполье», эти изъяны духовных структур становятся не внутренней проблемой мусульманского сообщества, а государственно значимым вопросом.

¹ Сарыгулова Б. 2012. Религиозная неграмотность – причина радикализма. – Радио Азаттык. http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_religion/24660636.html (Проверено 15.05.2014.)

Эта проблема сегодня вполне осознана мусульманской уммой, потому что самокритики в отношении духовных управлений мусульман звучит достаточно. Чего только стоит открытое заявление председателя Духовного управления мусульман Европейской части России муфтия Равиля Гайнутдина о том, что сегодня потенциала духовных управлений не хватает для ответа на все встающие перед российской уммой вызовы. Среди проблем он также называет отчуждение мусульманского духовенства и мусульманской интеллигенции. Алексей Гришин, главный советник администрации Президента РФ, основной проблемой российской уммы называет правовой нигилизм. Рушан Аббясов, заместитель председателя и руководитель аппарата Совета муфтиев России, видит ее в инертности и фрагментированности уммы. Действительно, в российском масштабе фрагментированность российской уммы является реальной проблемой, поскольку объединение российских мусульман необходимо. Мукаддас Бибарсов, имам Духовного управления мусульман Поволжья, констатирует: «Мы до сих пор не можем сформулировать, что хотим для самих себя, не говоря уже о том, чтобы что-то предложить нашей стране и нашим согражданам». В России достаточно специалистов, но они разобщены, и, по признанию многих из них, внутриконфессиональное общение внутри уммы практически отсутствует¹.

3. Отчуждение молодежи от традиционных исламских ценностей. В одном из своих последних интервью заместитель муфтия Валиулла Якупов предупреждал, что в регионах Поволжья наметилась опасная тенденция расслоения в мусульманской среде. Старшее поколение мусульман по-прежнему придерживается традиционного богословия и культовых практик, а молодежь, массово получающая образование за рубежом, привносит веяния новой религиозной культуры. Число сторонников нетрадиционных версий ислама только в Казани уже составляет более 1000 человек, среди них как прихожане мечетей, так и представители мусульманского духовенства.

Есть мнения, что ничего опасного в распространении зарубежных школ ислама в России нет. Тем не менее, перенимая, например, религиозные идеи, присущие богословию Саудовской Аравии, сторонники салафизма пытаются привнести в них политические и социальные традиции аравийского общества, которое в

¹ Якупов В.М. 2012. Ваххабизм в России должен быть запрещен. – Суть времени. Доступ: <http://eotl6.ru/archives/4203> (Проверено 20.05.2012.)

религиозном плане не терпит инакомыслия и иных форм исповедания, запрещает многие духовные практики, имеющие кораническое обоснование в Сунне, отрицает право на жизнь других мусульман и представителей других конфессий. Все это идет вразрез не только с традиционными ценностями ислама в России, но и с законодательством нашей страны, неизбежно ведет к конфликтам и насилию, если дать беспрепятственно развиваться их проповеди. Так, события в Кукморе, Бугульме, Волгограде наглядно продемонстрировали, к чему это может привести. По мнению целого ряда специалистов, подобная идеология должна быть официально запрещена в России как человеконенавистническая, противоречащая духу и букве Конституции РФ.

Более того, по мнению большинства российских и зарубежных мусульманских богословов, коранический дух ислама наиболее адекватно отражен именно в российской исламской практике. В то время как большинство мусульманских стран ищут ответ на вопрос об адаптации ислама к вызовам глобализации и транзитам демократии, выбирая между возвратом к традиционализму и модернизацией ислама, российский ислам давно ответил на эти вопросы в процессе его долгой эволюции в рамках Российского государства: это и возможность находить компромисс со светскими структурами, и адаптивность к полирелигиозной среде. Веками российский ислам генерировал образцы человечности, терпимости, которые показывают, что существует адекватный ислам, имеющий колоссальный духовный потенциал и культурную привлекательность.

Конечно, российский ислам сегодня нуждается в формулировании и демонстрации своих возможностей. Мусульмане еще не вернулись к массовой исламизации, но это обязательно произойдет, вызвав мощный духовный феномен, который окажется привлекательным для всего мусульманского мира. И среди арабов, и среди турок есть осознание того, что у российских мусульман имеется духовное сокровище: к нам многие ездят, книги наших ученых внимательно изучаются и издаются за границей.

4. Проблема теологического образования мусульманской молодежи и мусульманского духовенства. Сотни российских мусульман ежегодно выезжают на учебу за границу, с тем чтобы получить исламское образование в Египте, Саудовской Аравии, Иордании, Эмиратах, Кувейте, подталкиваемые тем, что в России до сих пор не сложилась единая система исламского образования.

Ректор Московского исламского университета Дамир Хайретдинов считает, что учиться за рубежом мусульманину имеет смысл, когда он имеет подготовку в сфере исламской теологии и богословия, например с целью повышения своего квалификационного уровня, получения опыта и знаний иного цивилизационного подхода в изучении ислама. Без предварительных знаний студенты просто становятся носителями религиозной и политической идеологии страны обучения. Около 70% студентов, которые возвращаются в Россию после обучения за рубежом, не способны воспринимать истинные знания об исламе¹. Хайретдинов отмечает, что, несмотря на плачевную ситуацию в области исламского образования в России, зарубежное исламское образование не является панацеей. Так, например, уровень преподавания арабского языка в данных странах находится на низком уровне, он не идет ни в какое сравнение с российской востоковедческой школой.

Более того, российские студенты в зарубежных исламских центрах сталкиваются со всевозможными трудностями. Лишь небольшой процент из них проходит весь курс подготовки, многие уезжают по окончании первого года обучения. По воспоминаниям самого Хайретдинова, получившего образование в университете Уммуль Кура (Мекка, Саудовская Аравия), учеба сопровождалась постоянным внеучебным контролем: «Помимо обязательного образования, которое было в университете, нам постоянно навязывались различные кружки. Я прекрасно помню дискуссию, когда один мальчик доказывал, будто бы именно Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот. Это навязывалось российским студентам, и тех, кто верил в подобную нелепицу, брали на заметку. У нас существовало несколько мушрифов, т.е. “старших”, которые, в свою очередь, подразделялись на несколько уровней – низших, более высокого порядка, самых старших мушрифов. Они фильтровали информацию про нас, отслеживали нас, выделяли какими-то подарками, знаками внимания, премиями тех студентов, которые подходили им по их идеологическим критериям. Со своей стороны, мы, будучи более просвещенными российскими гражданами, получившими хорошее образование, пытались не упускать мальчишек из России из-под нашего влияния, чтобы они не подда-

¹ Более 70% студентов, которые возвращаются в Россию после обучения за рубежом, неспособны воспринимать истинные знания об исламе. – Интерфакс. Религия. 2006. 30 декабря. Доступ: <http://www.interfax-religion.ra/islam/?act= interview &div=118&domain=3>

вались саудовской пропаганде. Но нам мешали, вставляли палки в колеса, чтобы было невозможно контролировать ситуацию – расселяли по разным общежитиям, тех людей, которые пытались вразумить молоденьких ребят, объявляли агентами спецслужб». По мнению Хайретдинова, процесс отправки студентов за рубеж должен обязательно курироваться официальными мусульманскими организациями России¹.

В Приволжском федеральном округе озаботились данной проблемой всерьез. Проблема давно осознана и, по мнению полномочного представителя Президента РФ в ПФО Михаила Бабича, «отток молодежи в зарубежные исламские образовательные центры и создание в стране системы современных конкурентоспособных исламских вузов» является основной проблемой. Также Михаил Бабич отмечает, что исламские курсы будут особенно полезны сельским имамам, которые в основном имеют лишь начальное религиозное образование либо не имеют никакого, что подрывает их пасторский авторитет среди сельской молодежи и зачастую приводит последнюю в экстремистские организации².

В настоящее время в России зарегистрировано 95 мусульманских учреждений образования, семь вузов и 31 медресе, которые получают государственную поддержку. В ПФО в рамках пилотного проекта в ближайшее время будет апробирована разработанная программа трехуровневого исламского образования. Данная программа предполагает внедрение системы исламского образования в республиках Татарстан и Башкортостан. Основная цель программы – создать отечественную систему современного исламского образования в России. Проект предполагает трехуровневое обучение на базе среднего мусульманского образования, высшего исламского образования на базе исламских вузов округа и непрерывное повышение квалификации имамов. Два центра повышения квалификации уже работают, на их базе в 2013 г. отучились более 200 имамов, в их числе семь человек из Республики Марий Эл. В этом же году указанное число планируют увеличить в несколько раз, а к 2017 г. должны быть переподготовлены около 3 тыс. имамов.

¹ Ежова А.Ф. Учеба за рубежом и перспективы исламского образования в России. – TatarMoscw. ги. Доступ: <http://tatarMoscw.ru/> (Проверено 23.05.2014.)

² Бабич М. 2014. Основная проблема – это отток молодежи в зарубежные образовательные исламские центры. – ПРОГОРОД Йошкар-Ола. Доступ: <http://pgl2.ru/news/view/65262> (Проверено 07.05.2014.)

5. Религиозная некомпетентность СМИ. Ситуацию усугубляет религиозная некомпетентность средств массовой информации. Деориентированный человек захлебывается в потоке религиозной информации, часто становится жертвой сект, мошенников и экстремистов. Пользуясь неграмотностью молодежи, радикальные структуры влияют на незрелое сознание молодых людей посредством искаженной интерпретации религиозных и исторических источников, тем самым влияя на ценностное восприятие молодого поколения [Койчуев 2006: 274].

К сожалению, пропаганда и процесс вербовки молодежи в радикальные исламистские структуры через СМИ и Интернет продолжаются. Более того, опасность заключается в том, что влияние псевдорелигиозных структур захватывает все большую территорию и распространяется уже на более стабильные регионы, где исламисты вовлекают в экстремистские исламистские группировки студенческую молодежь [Матишов 2011: 2].

Во избежание дальнейшей информационной манипуляции сознанием молодого поколения необходимо использовать колоссальный ресурс СМИ, прививать российской молодежи чувство толерантности к другим конфессиям, которое является гарантом стабильности и благополучия мультикультурного светского государства [Фисенко 2014].

6. Роль мигрантов в распространении экстремистских идей. ПФО расположен на пути устойчивого внутрироссийского миграционного дрейфа, направленного в Центральный округ. Решающую роль в миграционном пополнении населения ПФО играет поток из Казахстана и стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан) – эти два региона обеспечивают 3/4 миграционного прироста, что составляет около 2,5 млн иностранных граждан в год [Миграционная ситуация... 2004]. В связи с этим необходимо совершенствовать меры социальной адаптации мигрантов, создавать цивилизованные условия их пребывания в стране.

Многие мигранты едут на заработки со слабым знанием русского языка, не имеют представления об укладе и традициях российских регионов, не знают норм и законов, что вызывает озабоченность принимающего населения. Одним из пилотных проектов адаптации мигрантов стал Оренбургский центр социальной адаптации трудовых мигрантов, основными задачами которого являются содействие социальной адаптации мигрантов, обучение русскому языку, культурно-просветительские мероприятия, информационное консультирование мигрантов, помощь в оформлении

нии документов, нормализация взаимоотношений мигрантов с местным населением. Центр только начал свою работу, но подобного рода центры в скором времени должны появиться во всех регионах ПФО [Короткина 2014].

Не стоит забывать, что с миграционными потоками происходит экспорт радикальных религиозных и националистических идей. В среде мигрантов идет активный процесс создания организаций, альтернативных существующим национально-культурным структурам. Кроме того, именно мигрантов в своих интересах начинают использовать некоторые радикальные религиозные организации и отдельные общественно-политические деятели. По мнению некоторых экспертов, Россия может оказаться в ситуации Западной Европы, где идет процесс замещения населения с насаждением привнесенных радикальных религиозных убеждений под видом идей толерантности [Самсонов 2013].

7. Активная деятельность радикальных исламистских организаций. По мнению сотрудника Главного управления МВД по ПФО, невидимые простому глазу события идут даже ближе, чем мы думаем. Регион является зоной интереса двух организаций – «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» и «Имарат Кавказ», которые ставят целью отделение от России регионов традиционного проживания мусульман и создание всемирного исламского халифата. Террористический акт в Волгограде с участием русского молодого человека Дмитрия Соколова свидетельствует о новой тенденции – вербовке террористов из числа немусульманских жителей России, в том числе в местах лишения свободы. Прежде всего, их интересуют единоверцы из молодежи, причем из таких населенных пунктов, где у нее мало перспектив и отсутствуют четкие жизненные установки, моральные ориентиры¹.

Активно действуют на территории ПФО новые религиозные движения, которые часто внешне привлекательны для населения своей простотой, черно-белым восприятием мира, отсутствием глубоких духовных практик и усилий. Так, неохристианские, неоязыческие, псевдоисламские культы могут привлекать некоторую часть населения своей примитивностью, простотой, отсутствием изнурительной духовной работы по самосовершенствованию. Если в традиционном исламе и православии приближение к Богу связано с добродетелями, очищением, самоконтролем и дисциплиной,

¹ Полякова Ю. 2013. Вербовщик возникает незаметно. – Нижегородская правда, № 132. 5 дек.

то в псевдорелигиозных организациях все гораздо проще, это приводит к отчуждению населения от подлинных культурных корней, делает людей восприимчивыми к любым религиозным идеям.

По мнению Раиса Сулейманова, эксперта Института национальной стратегии, проблема с радикальными организациями отчасти связана с массовым приездом в Россию зарубежных проповедников после распада СССР. Распространение радикальных идей, по его мнению, зависит от трех факторов: насколько население готово воспринимать эту идеологию, насколько активно действуют сами проповедники и насколько региональные власти реагируют на вызовы. Надо понимать, что для исламистов границы России и административных округов условны, у них прекрасно налажены связи с радикалами Урала, Поволжья, Северного Кавказа, стран СНГ и Закавказья¹.

8. Межэтническое напряжение в ПФО. В мире всегда были силы, заинтересованные в разжигании межрелигиозной и межэтнической розни, создании очагов нестабильности с целью использования групп религиозных и национальных фанатиков в своих политических целях. Их основные методы разжигания ненависти и вражды – ложь, пропаганда и дезинформация – не меняются веками, но никогда они не обладали столь эффективными технологиями распространения информации. С целью обработки сознания целевых групп всё чаще используется пространство сети Интернет, свободное от нравственных и юридических ограничений, ответственности, – незаменимый механизм беспрепятственного анонимного обмена данными и консолидации общественных групп².

Именно благодаря этим незримым механизмам информационной войны сегодня целенаправленно подтачиваются вековые традиции мирного сосуществования в России представителей разных конфессий и народностей. Активно пропагандируется мысль о том, что традиционные российские религии и ценности являются дискриминирующим и деструктивным фактором в жизни общества, способствуют разжиганию межэтнической и межрелигиозной

¹ Сулейманов Р. 2014. Для ваххабитов нет границ внутри страны. – Информационное агентство Башмедиа. Доступ: http://bashmedia.info/video/drya_vahhabitov_net_granic_vnutri_strany/ (Проверено 16.05.2014.)

² Митрополит Иларион (Алфеев). 2011. Проблема религиозной нетерпимости. Что мы можем сделать вместе? Текст выступления на конференции «Христианско-иудео-мусульманский межконфессиональный диалог». Будапешт, 2 июня, 2011. Доступ: <http://hilarion.ru/> (Проверено 15.06.2014.)

розни, вражды, ведут к конфликтам, радикализации, распространению экстремистских идей.

И Россия не является исключением. Доказательством, подтверждающим тот факт, что против традиционного российского населения и конфессий ведется целенаправленная информационная война, является продолжающийся рост провокаций и попыток разжигания межэтнической розни с целью подрыва стабильности, безопасности, традиционных устоев добрососедства и мирного взаимодействия этносов и конфессий в целом ряде регионов страны.

О тех, кто провоцирует межэтническое напряжение в России, президент В.В. Путин заявил прямо: «Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые крышуют этническую мафию, и так называемые русские националисты, разного рода сепаратисты».

По словам Михаила Бабича, эта проблема для Приволжского федерального округа является особенно актуальной в связи с тем, что для округа характерны многонациональный и многоконфессиональный состав населения, а также большое число религиозных организаций и значительные миграционные потоки. Михаил Бабич доложил, что в настоящее время совместно с главами регионов проводится большая работа для того, чтобы проанализировать ситуацию, разобраться в проблемах, создать равные условия для жизни людей вне зависимости от национальности и вероисповедания. Тем более что в России был подписан федеральный закон, который определяет ответственность глав регионов и муниципальных образований за состояние межнациональных и межконфессиональных отношений¹.

В Татарстане убеждены, что «межнациональные согласие и стабильность – это не божий дар, а предмет постоянной кропотливой работы всех государственных и общественных институтов». В марте 2014 г. Татарстан выделил более 21 млн руб. субсидий на «укрепление единства российской нации и этнокультурное разви-

¹ Рустам Минниханов принял участие в заседании Совета при Полномочном представителе Президента РФ в ПФО. – Официальный портал Аппарата Президента Республики Татарстан. 2013. 19 дек. Доступ: <https://prav.tatar.ru/rus/index.htm/news/252874.html> (Проверено 14.06.2014.)

тие народов России» с целью реализации задач Стратегии государственной национальной политики России¹.

Сегодня работу по межнациональным и межконфессиональным отношениям в республике курирует руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан Асгат Сафаров. В 2012 г. был образован Департамент Президента РТ по вопросам внутренней политики, которым руководит заместитель руководителя аппарата секретарь Совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Текущие вопросы рассматривает Межведомственная рабочая группа по межнациональным вопросам под руководством вице-премьера республики. Постоянно проводятся социологические исследования и мониторинг состояния дел, что позволяет адекватно и своевременно реагировать на происходящие изменения. Все главы районов и другие чиновники, отвечающие за национальный мир и согласие, уже прошли курсы повышения квалификации. Разработанные по инициативе Духовного управления мусульман стандарты религиозного исламского образования сейчас находятся на рассмотрении у президента².

Литература

1. Задворнов И.А. 2000. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности. – Социологические исследования, № 10.С. 52–57.
2. Койчужев А.А.-Дж. 2006. Северный Кавказ: Ислам в деле воспитания молодежи. – Известия Южного федерального университета. Технические науки, Т. 68. № 13.С. 271–275.
3. Короткина А.А. 2014. Центр социальной адаптации трудовых мигрантов в Оренбургской области: опыт работы. – Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры». Оренбург, 29–31 января. 2014 г. Доступ: http://conference.osu.ru/assets/files/conf_reports/confIO/286.doc
4. Матишов Г.Г. 2011. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития: спец. вып. Т. 5. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН. – 160 с.

¹ Указ Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.». – Информационно-правовой портал «Гарант». Доступ: <http://base.garant.ru/> (Проверено 20.06.2014.)

² Ренкова Т. 2014. Межконфессиональный опыт Татарстана растиражируют в других регионах ПФО. – РосБизнесКонсалтинг. Доступ: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/15/05/2014/924015.shtml (Проверено 4.05.2014.)

5. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1. Приволжский федеральный округ (под ред. С. Артоболевского, Ж. Зайончковской). М., 2004. 212 с. Доступ: http://www.migrocenter.ru/publ/m_privol.php
6. Самсонов А. 2013. Миграция как главная угроза национальной безопасности. – Новые вести. Доступ: <http://newvesti.info/> (Проверено 4.05.2014.)
7. Фисенко В. 2014. Технологии вербовки молодежи в радикальные псевдорелигиозные организации. – Материалы научной студенческой конференции НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород.
8. Шарафиев Т. 2012. Знаковые утраты мусульман. – Общероссийское информационное агентство мусульман Infolslam.

«Власть», М., 2014 г., № 8, с. 70–84.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Гаджиев,

кандидат политических наук (ДаГУ, Махачкала)

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

С середины 80-х годов XX в. наблюдалась тенденция возрастания роли исламского фактора в этноконфессиональных отношениях дагестанского общества, что привело к изменениям в общественно-политической жизни Республики Дагестан. Религиозное сознание становится средством возрождения и развития национального самосознания дагестанского населения. В этом находит свое проявление его мощная интегрирующая функция. В общественном сознании утвердилось мнение, что ислам является не только формой идеологии, психологии, общественного сознания в целом, но и воплощением и выражением духовно-нравственных ценностей человечества, неотъемлемой частью этнокультурного наследия, значимым фактором формирования самосознания народов.

Характеризуя этноконфессиональную ситуацию в современном Дагестане, необходимо отметить не только интенсивный рост религиозного сознания, но и количественное возрастание религиозных организаций и объединений. Динамика утверждения ислама, его проникновения в инфраструктуры республики хорошо прослежена М.Я. Яхьяевым и А.Р. Русидзе. Они пишут, что «в 1987 г. в республике действовало всего лишь 27 мечетей, пять церквей и три религиозных объединения иудейского культа. В постперестроечные годы развернулось бурное строительство новых и реставрация старых мечетей и церквей, было открыто множество примечетских школ, медресе, мусульманских институтов. К работе в этих учебных заведениях привлекались многие ученые-богословы, в том числе и из-за границы. К 1994 г. в республике уже насчитыва-

валось 720 мечетей и на стадии завершения находилось еще 139 мечетей.

К 2001 г. в Дагестане функционировало 1594 мечети и примерно 180 тыс. человек регулярно посещали пятничные молитвы в них. В республике действует 17 исламских вузов, 132 медресе и 245 начальных религиозных школ. Религиозным образованием охвачено около 14 тыс. человек. На 1 марта 2008 г. в республике действует уже 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечети, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 вузов, 15 филиалов, 116 медресе, 94 мектеба и 20 шиитских объединений: семь центральных мечетей, шесть квартальных мечетей и семь молитвенных домов). На 1 января 2010 г. в Республике Дагестан, по данным Комитета правительства РД по делам религий, действует 2512 религиозных объединений, среди которых 2458 исламских. Из их числа 2438 суннитских: 1276 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей (при мечетях действуют 168 мектебов), 243 молитвенных дома, 13 вузов, 76 медресе, два культурно-просветительских центра, один союз исламской молодежи. Шиитских объединений в республике 19 (девять центральных мечетей, 10 квартальных мечетей). В джума-мечетях республики по пятницам собирается порядка 240 тыс. прихожан» [12, с. 67].

С начала 90-х годов увеличение количества религиозных организаций оказывает всё возрастающее воздействие не только на региональную специфику, но и на общероссийскую политическую стабильность. Однако, несмотря на множество научных исследований, посвященных этнополитическим и конфессиональным отношениям, проблема влияния исламского фактора в системе этноконфессиональных взаимодействий всё еще требует всестороннего и комплексного осмысления. А.Г. Агаев и Р.М. Магомедов пишут, что суперполинациональность населения, размещенного на небольшой территории и в условиях крайне многочисленных перекрещиваний, образует одну из основных особенностей Дагестана и является причиной сложных межнациональных отношений. Большая численность народов, их многообразие и разнообразие по этническому происхождению, религии, языку, разделенность их по этнографическим и локально – культурным группам, обычаям и обрядам, местам выхода и индивидуальным способам встречи друг с другом в разных долинах и ущельях создали такой переплет их взаимодействий, что описание и объяснение их в полной мере – задача трудноосуществимая [3, с. 20].

Мы считаем, что трудность исследования исламского фактора в системе этноконфессиональных отношений обусловлена тем, что основной причиной напряженности в РД является ускоренная модернизация российского общества, порожденные ею кризисы, реальные и мнимые несправедливости, поставившие под сомнение легитимность как институтов власти, так и всей политической системы общества.

Общественное мнение свидетельствует о низкой оценке работы всех ветвей власти. Подавляющее большинство политических лидеров и государственных деятелей не вызывают доверия у дагестанских граждан, так как ассоциируются с определенными этническими кланами, находящимися длительное время во власти и у «кормушки». Происходящие социально-политические трансформации дагестанского общества усугублялись объективными причинами, такими, как стратегически сложное геополитическое положение региона и уникальный этнический состав населения, а также включенность республики в систему трансрегиональных этнополитических отношений.

В процессе перехода к демократической форме правления Россия столкнулась со сложными проблемами: быстрым и неуправляемым экономическим спадом; превалированием олигархической формы собственности, что привело к социальным издержкам происходящих преобразований; распространением коррупции; нестабильностью социальных институтов и т.д.

Необходимо отметить, что особенности социально-политического развития российского общества были связаны не только с самой ситуацией трансформации политического режима, но и с построением новой государственности и этнополитическими и конфессиональными конфликтами, сопровождавшими этот процесс. Социально-политические трансформации привели к обострению этнических и конфессиональных отношений. Прodeклариовав суверенитет, депутаты РСФСР запустили процесс «строительства национальных государств» даже внутри самой РФ (российским автономиям было обещано повышение их национально-государственного статуса). Данные действия неизбежно вели к развалу страны и усилению сепаратизма.

Для начала 90-х годов характерно отсутствие законодательно утвержденной государственной доктрины в области национальных и религиозных отношений. Политические решения того периода были недальновидны и откровенно ошибочны и только провоцировали этнополитический и конфессиональный экстре-

мизм и межнациональные конфликты на всем российском пространстве, и в частности в Дагестане. Мы полагаем, что при рассмотрении роли исламского фактора в общественно-политической жизни Дагестана необходимо констатировать устойчивость влияния, которое может либо усиливаться, либо ослабевать. И этому способствуют причины, среди которых важное место занимает незавершенный процесс исламского возрождения. В современных условиях гражданский мир в России зависит от того, как сложится новая многонациональная и многорелигиозная российская идентичность, или «дело сведется к заведомо тщетным попыткам адаптировать к условиям XXI в. прежнюю русско-православную идентичность, делая вид, что эти два понятия совпадают» [6, с. 33].

Процесс исламского возрождения принимает все более интенсивную форму, и если этому препятствовать (открыто или скрыто), то ответная реакция может выйти из-под контроля. В начале 90-х прошлого столетия Дагестан характеризовался напряженной этноконфессиональной обстановкой. Массовый отъезд русскоязычного населения, политические убийства, террористические акты, появление чуждого для дагестанцев экстремистского течения «ваххабизм», возникновение национальных движений, преследовавших узконациональные интересы, всё это дестабилизировало общественную жизнь дагестанского общества. Разрушение экономических, политических и идеологических основ прежнего социалистического общества привело к тому, что люди были вынуждены искать новые «точки опоры» жизнедеятельности. Находясь в поиске устойчивых связей и отношений, которые обеспечили бы выживание в новых условиях, дагестанские народы нашли такие основы в кровнородственных, национальных, религиозных связях.

Необходимо отметить, что быстрая политизация исламского фактора выражалась в том, что дагестанские политики (как и российские политики) всё чаще апеллировали к религии в поиске электората среди верующих, а дагестанское духовенство «внедрялось в политику» для решения религиозных проблем. Эта особенность носит объективный характер в современных условиях и является основной причиной усиления религиозного фактора на всем политическом пространстве российского общества. Силловые меры решения политических вопросов на Северном Кавказе и в Дагестане в частности со стороны российского государства вызвали ответную реакцию, которая приняла форму исламского противостояния. Этому способствовали также внешние деструктивные си-

лы Ближнего и Среднего Востока, где сложилась достаточно влиятельная исламская диаспора, готовая к оказанию финансовой и иной помощи «своим братьям по вере».

Мы полагаем, что в процессе экономических реформ и социально-политических трансформаций российское общество утратило мировоззренческие ориентиры взаимодействия между народами и конфессиями. Как отмечалось выше, дагестанские народы обратились к этническим и религиозным основам взаимодействия. Мусульманское зарубежье было заинтересовано в усилении своего идеологического и конфессионального влияния. В республику приезжали арабские миссионеры, проповедники и учителя, которые активно участвовали в создании религиозной системы образования. Если бы правительства РФ и РД приняли соответствующие меры, препятствующие этим тенденциям, и наладили бы контакт и сотрудничество с местным духовенством, то последствия этого влияния были бы минимизированы.

Исламский фактор в Дагестане имеет важную особенность – поддержку со стороны молодежи, которая настроена крайне негативно к социально-экономическим и политическим трансформациям последних 20 лет. По данным Федерального пресс-центра «Перепись-2010», Дагестан – «молодежная» республика (средний возраст дагестанцев 27 лет), в которой одной из острейших проблем остается трудоустройство молодых людей. Именно невозможность трудоустройства, а следовательно, отсутствие и невозможность заработать достаточные средства к существованию являются основными причинами недовольства в молодежной среде, и как результат – рост экстремистских настроений, имеющих этнический и религиозный характер.

Министерством по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан в 2003–2004 гг. были проведены социологические исследования с целью выяснения отношения современной дагестанской молодежи к таким существенным элементам духовного мира, как религия, этнокультура, изучения уровня их духовной культуры, религиозной и культурной толерантности в городах и районах Дагестана. Исследования проводились по анкетам «Духовный мир личности», «Духовная культура личности», «Религия в жизни общества и государства» и «Этнокультура». Всего были опрошены респонденты 39 национальностей (из 6231 опрошенного 168 человек, или 2,7%, не указали своей национальности).

Среди респондентов представлены все основные народы Дагестана: аварцы – 1533 человека, 24,6%, даргинцы – 1172 человека, 18,8%, лезгины – 1066 человек, 17,1%, кумыки – 705 человек, 11,3%, лакцы – 411 человек, 6,6%, русские – 399 человек, 6,4%, табасаранцы – 330 человек, 5,3%, азербайджанцы – 206 человек, 3,3% и др. Из 6231 опрошенного старшеклассника и студента: городских – 3111 человек, сельских – 3120 человек. Из 6231 опрошенных учащиеся старших классов составили 4577 человек (из них городских – 1500 человек, сельских – 3077 человек) и студенты – 1654 человека (городских – 1611 человек, сельских – 43 человек) [10, с. 111].

На вопрос об отношении респондентов к религии из 74,9% опрошенных отнесли себя к мусульманам – 71,1%, к христианам – 3,8%, при этом только 9,2% опрошенных указали на суннизм как исповедуемое направление ислама. Из тех, кто идентифицирует себя с христианством, никто не сумел указать на конкретное направление христианства. К иудеям отнесли себя 0,3% респондентов. Неверующими назвали себя 6,4% респондентов и 5,9% отнесли себя к атеистам. Остальные 12,5% не ответили на этот вопрос.

Для дифференциации верующих респондентам были предложены на выбор четыре уровня религиозности. Результаты опроса следующие: глубоко верующие – 11,2%, верующие – 46,8, слабо верующие – 13,2%, колеблющиеся между верой и неверием – 3,7%. Таким образом, большинство респондентов (58,0 %) отнесли себя к верующим и глубоко верующим. Однако, как показывает анализ их ответов на вопросы относительно того, как они соблюдают основные обязанности мусульманина, христианина, иудея, выясняется, что на самом деле верующими, т.е. соблюдающими основные обязанности верующего, являются только 18–22% респондентов [9, с. 23–24]. Аналогичные ответы были получены Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН, который в 2007 г. провел социологическое исследование среди 850 человек.

Данные, полученные в ходе этих исследований, показывают, что в процессе сложившейся социализации молодежи «победили» не светские агенты, а религиозные. Значительная часть молодежи настроена в пользу религиозных духовно-нравственных ценностей. Религия, особенно ислам, стала важнейшим фактором, определяющим социально-политические и духовно-нравственные ориентиры современной дагестанской молодежи. В то же время молодежь считает, что религия должна играть более активную,

консолидирующую роль в жизни дагестанского общества. Таким образом, состояние и динамика развития отношения к религии и религиозным ценностям со стороны дагестанской молодежи требуют адекватного реагирования со стороны местных и республиканских органов власти.

В третьем тысячелетии исламский фактор приобретает экстремистские черты. Официальные религиозные институты, проповедуя стабилизирующую роль ислама в этноконфессиональных процессах, не добились ощутимых результатов. 80% религиозных экстремистов составляют молодые верующие до 30 лет. Как отмечает К.М. Ханбабаев, с 2007 г. происходит спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма» и «сторонников глобального джихада». Исламский фактор радикальных экстремистов расширил не только территориальные границы, но и само понятие «враг» – кафиры (неверные) и муртады (отступники) из числа местных «национал-предателей». Главным методом религиозной мобилизации, по мнению К.М. Ханбабаева, стала индивидуальная обработка потенциальных сторонников, особенно среди молодежи [9, с. 23–24].

Эксперты по Дагестану [5] говорят о наличии военной стратегии США – дестабилизация обстановки в Кавказском регионе через «сетевые войны» и использование деятельности иностранных неправительственных и международных организаций, которых на территории СКФО более 100, способствующих активизации деятельности радикально настроенных этнических и конфессиональных группировок.

Мы согласны с мнением В. Тишкова, что «активность религиозного фактора на Северном Кавказе проявляется анклавно: так, сегодня на востоке региона (в Чечне, Ингушетии, Дагестане) его влияние значительно больше, чем на западе (в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии)... Представляется ограниченным проявление идеи “исламской солидарности”, поскольку ислам (впрочем, как и в других регионах) разделен этническими перегородками, а также на доктринальном уровне “догматический ислам” мало совместим с синкретическим, суфийским исламом братств» [8].

Подтверждением этому является то, что исламский фактор как фактор стабильности в полиэтническом регионе Северного Кавказа дважды «доказал» свою неэффективность. Когда в начале 90-х годов республика оказалась на грани гражданской войны, мусульманский фактор в республике не сыграл стабилизирующей

роли. Более того, проведение мононациональных съездов и митингов верующих, выборы однонациональных муфтиятов спровоцировали и межнациональную напряженность. Практика показала, что вопреки декларативным толерантным установкам религии, конфессиональные процессы оказались разведенными и по этнонациональным признакам. В этой связи не приходится и далее надеяться на позитивную стабилизирующую роль мусульманского духовенства в решении проблем утверждения этноконфессионального мира и согласия. Он не проявил себя и как фактор стабилизации в событиях, связанных со становлением ваххабитского движения [4, с. 161].

М. Абдуллаев считает, что «в Дагестане национальный фактор превалирует над религиозным, национально-этническим группам удастся использовать его в своих интересах. Впечатление, что ислам в последние годы в Дагестане чуть ли не стал всеобщим мировоззрением, – внешняя сторона. В действительности же, как показывают факты, дагестанскими мусульманами-алимами пока движут главным образом национальные и личные интересы» [1, с. 246].

Можно предположить, что высокий уровень мусульманской самоидентификации и впредь не будет играть стабилизирующей роли в поликультурной и этноконфессиональной среде. Как показывают современные межнациональные отношения и межконфессиональные процессы, главную роль в их бесконфликтном течении играют не столько религиозные духовные факторы, сколько социально-политические и экономические факторы. В этой связи подвергается сомнению само наличие сущностной связи между национальным и конфессиональным факторами. Так, по мнению Е. Пырлина, ислам и национализм в условиях Северного Кавказа, как, впрочем, и всего остального мусульманского мира, взаимно поддерживают и как бы «подпитывают» друг друга. Бурный всплеск местного национализма идет параллельно с процессами возрождения религии [7, с. 27]. В то же время история религии свидетельствует, что не этнические отношения приспособляются к религиозным, а напротив, религиозные приспособляются к этническим.

На Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, этот процесс происходит путем взаимодействия ислама с нормами обычного права (адатами) и традиционными доисламскими обрядами местных народов. Представление о единстве этнического и конфессионального факторов укоренились довольно прочно в созна-

нии верующих в Дагестане и не подвергалось сомнению и осуждению. Традиции и обычаи, принявшие религиозную форму, воспринимаются дагестанскими народами как созданные самим богом и имеющие религиозное содержание.

Национальное и религиозное сознание как компоненты этноконфессионального бытия не могут быть правильно поняты и изучены без учета того важного обстоятельства, что они существуют одновременно с сознанием и психологией различных групп, социальных слоев нации. Правда, при этом их сознание не следует брать в качестве исходного пункта, не определив пока место и роль этих социальных групп и слоев в общественной сфере. Исходным является их положение в системе общественного производства, в системе социально-экономических отношений.

Ислам, проникая во все сферы общественной и личной жизни, делая обязательными свои нравственные нормы, моральные установки, обряды и предписания, стал составной частью образа жизни своих последователей. Реальное наличие свободы вероисповедания породило в дагестанском обществе небывалый подъем религиозного сознания. Как считают специалисты, к настоящему времени фактически исчерпан потенциал дальнейшего количественного подъема религиозности в республике [11, с. 204].

В сложившейся к современности этноконфессиональной ситуации бесперспективность конфронтационного подхода к этническим конфликтам и конфессиональным противоречиям в таком сложном регионе, как Дагестан, становится всё более очевидной. Учитывая масштабы роста и влияния деструктивных сил, угроз целостности и безопасности дагестанского общества, органам власти необходимо выработать действенные меры по оптимизации этноконфессиональных отношений в РД. Но необходимо и понимание того, что общее состояние этноконфессиональной ситуации в республике не всегда зависит от усилий республиканских и местных органов власти, которые в определенной степени являются продолжением национальной и религиозной политики федеральных органов власти. Центру необходимо учитывать, что регион в 90-е годы обрел новое геополитическое положение, что вызвало особый интерес со стороны ведущих мировых держав и различных государств, заинтересованных в обострении межнациональных и конфессиональных отношений. Однако принятые федеральным центром меры оказались половинчатыми, они не разрешили злободневных проблем (проникновение религиозного экстремизма,

проблемы репрессированных, депортированных и разделенных народов и т.д.).

В этой связи необходимо уделять больше внимания вопросам выработки и реализации социально-экономической политики с учетом региональной специфики. Для современного дагестанского общества характерны высокий уровень безработицы и бедности, что приводит к росту преступности, активизации внутренних и внешних деструктивных сил и т. д. Когда усиливается тенденция к внутренней замкнутости этноса или конфессии, что наблюдается в реалиях дагестанского общества, необходимо создание атмосферы, способствующей гармонизации межнациональных и религиозных отношений.

В полиэтнических и поликонфессиональных обществах (особенно таких, как Дагестан) следует проводить политику, препятствующую созданию моноэтнических религиозных образований, ориентированных на конфронтацию. При создании и использовании механизма предупреждения и преодоления этноконфессиональных конфликтов, необходимо использовать уникальный опыт, выработанный дагестанцами за многовековую историю своего существования. Необходимо пропагандировать положительные традиции прошлого (куначество, уважение к иноплеменнику, использование народной дипломатии при регулировании конфликтов).

Федеральному центру следует разработать четкую политику в «мусульманском вопросе», исходящую из уважительного отношения к исламу как мировой религии, не допускающую превращения борьбы с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом в борьбу с исламом как мировой религией. В современных условиях гражданский мир и согласие в России зависят от того, как сложится новая многонациональная и поликонфессиональная российская идентичность. Поэтому наряду с православием ислам должен стать опорой российского общества, его государственности. Идеологическую работу против религиозно-политического экстремизма необходимо проводить, привлекая к ней органы государственной власти, местного самоуправления, общественность, ученых, деятелей культуры, мусульманское духовенство, педагогические коллективы, представителей правоохранительных органов. Проблема ваххабизма и других форм религиозного экстремизма может быть решена только в результате скоординированных действий федеральных и региональных органов власти, всех институтов гражданского общества.

Литература

- 1 Абдуллаев М.А. Религиозный и национальный факторы в социально-политической жизни республики // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН. – Махачкала: РАН ДНЦ, 1999.
- 2 Абдуллаев М.А. Этнические процессы в современном Дагестане // Дагестанская правда. – 2007. – № 238.
- 3 Агаев А.Г., Магомедов Р.М. Дагестанское единство: История и современность. – Махачкала, 1995.
- 4 Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д., 2003.
- 5 Коррупция на Кавказе угрожает безопасности России. 19.05.2010 // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.fmansmag.ru/news/71126
- 6 Красиков А.А. Религии в России – фактор укрепления или распада государства // Современная Европа. – 2003. – № 4.
- 7 Пырлин Е. Пока относительно спокойно... Надолго ли? // Вестник «Авторская пресса». – 1999. – № 25 (29).
- 8 Тишков В.А. II Интернет-ресурс. Режим доступа: www.valerytishkov.ru
- 9 Ханбабаев КМ. Профилактика религиозно-политического экстремизма в молодежной среде: Материалы Республиканской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие – основа мира и согласия в Дагестане». – Махачкала, 2010.
- 10 Ханбабаев КМ. Роль исламского фактора в этноконфессиональных проблемах Кавказа // Современные проблемы теории и практики меж этнических отношений: материалы региональной НПК. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004.
- 11 Ханбабаев КМ. Трансформация ислама в современном Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: сборник научных трудов Северо-Кавказского регионального отделения МНАБ. – Вып. 2 (9). – Махачкала, 2004.
- 12 Яхьяев М.Я., Русидзе А.Р. Религиозно-политическая ситуация и экстремизм на Северном Кавказе // Религиоведение. – 2010. – № 2.

«Исламоведение», Махачкала, 2013 г., № 2, с. 55–64.

В. Авксентьев,
политолог (Ростов-на-Дону),

В. Васильченко,
политолог (Ставрополь)

ЭТНИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЭТНОКРАТИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИНСТИТУТАМИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*

В настоящее время Россия переживает глубокую социальную, политическую и культурную трансформацию, которая может оказать решающее влияние на ее последующую историю. Одним из важных факторов, поддерживающих дезинтеграционные тенденции и способствующих функционированию российского общества в качестве кризисного пространства, является межэтническая напряженность. Отражением остроты в межэтнических отношениях служат периодические конфликты по поводу доступа к статусам и ресурсам, в которые оказываются вовлечены республиканские элиты, хаотические «выплески» уличного насилия, имеющего этническую окраску.

Подобные обстоятельства, проявившиеся уже в эпоху распада Советского Союза, служат одной из основных причин нивелировки усилий властей по поддержанию в стране социального мира и согласия, идут вразрез с насущными задачами модернизации.

Сложился феномен титульности, титульных этносов (наций). Это понятие, свойственное преимущественно для отечественного обществоведения фиксирует совпадение названий этноса и территориально-государственного образования (калмыки в Калмыкии, татары в Татарстане и др.). Несмотря на то что в основу титульности положен формальный признак (титульный этнос не обязательно является коренным этносом на данной территории или этническим большинством), феномен титульности использовался и используется для обоснования преференций, особенно в политической сфере, по этническому принципу. Хотя понятие «титульный этнос» может быть использовано для обозначения любых народов, чье название совпадает с названием государства (португальцы, испанцы, итальянцы и др.), на практике этот термин применяется для описания этнополитических процессов в России, на постсовет-

* Доклад и публикация подготовлены в рамках исследовательского проекта «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе», грант РГНФ № 11-03-00070.

ском пространстве, иногда – в Китае, причем касается он не всего государства, а его отдельных частей, имеющих этнические названия. Периодически возникает вопрос о титульности русского народа в России и вносятся предложения – от конституционного закрепления титульности русского народа до создания «Русской Республики» в составе Российской Федерации.

Таким образом, своеобразие развития России на современном этапе заключается в крайней социальной нестабильности, связанной с несколькими встречно направленными процессами. Первый состоит в гражданской консолидации и культурной интеграции общества, второй – в мультикультуралистском «разрыхлении» еще не до конца сформировавшегося российского народа, в центробежном давлении на него со стороны этнических структур.

Необходимо отметить, что формы выражения межэтнической напряженности в российском обществе существенно изменились за последнее время. Если 90-е годы прошлого столетия характеризовались резким ростом сепаратистских настроений, если подъем этнического самосознания народов России сопровождался требованиями предоставления прав максимального политического самоопределения вплоть до установления собственной государственности, то в «нулевые годы» тема сепарации себя изживает, или, по крайней мере, перестает актуализироваться в публичном пространстве, уходит на второй план. Связано это было с достаточно решительной и последовательной позицией в данном вопросе постельцинской политической элиты государства. Используя как политические, так и чисто силовые средства, власть либо пресекала сепаратистские поползновения, либо же добивалась сублимации притязаний региональных лидеров на суверенитет возглавляемых ими субъектов федерации в относительно приемлемые, легальные формы.

Однако еще в начале первого президентского срока В.В. Путина обозначилась другая негативная тенденция – тенденция к фрагментации единого российского политического и правового поля. В регионе и на местах возникли очаги власти, не проявляющие явного стремления к эмансипации в отношениях с федеральным центром, но фактически функционирующие в значительной степени на автономных началах. Процессы рассогласования, разбалансировки и даже деградации управленческих связей приобретают масштабный характер, на отдельных своих уровнях по-

литическая система приобретает черты совокупности нескоординированных между собой случайных импульсов. В литературе проблема была обозначена следующим образом: «Если ранее основным поводом для беспокойства служили сепаратистские тенденции в республиках, то в последние несколько лет таким поводом стали возрастающие тенденции к автаркии в российских регионах, которые всё более и более занимают и тревожат как аналитиков, так и политические элиты. Если первоначально «здоровая доза» децентрализации рассматривалась как важный элемент политической демократизации, принимая во внимание многолетнюю традицию гиперцентрализации государственной власти, то теперь Россия столкнулась с неуправляемым и, по-видимому, не поддающимся управлению процессом «расщепления» центральной власти. Поразительная слабость Российского государства, а также непостоянство и непредсказуемость в процессе принятия решений лежат в основе растущей самоуверенности региональных элит, и поощряют регионы действовать независимо, часто бросая прямой вызов центральной власти. Эта тенденция вызывает опасения, что Россия в лучшем случае постепенно преобразуется из федерации в конфедерацию, а в худшем случае будет отброшена назад в период средневекового хаоса и конфликтов, в так называемую эру «удельных княжеств»¹.

В целом сейчас можно отметить, что столь катастрофический прогноз себя не оправдал. Комплекс мер по укреплению «вертикали власти», предпринятых в период президентства В.В. Путина, несмотря на часто высказываемые сомнения и ироничное обыгрывание экспертами самой вертикальной метафоры², несомненно, имел положительные результаты, в том числе и в плоскости национального вопроса, в «укрошении appetites» регионального истеблишмента. Симптоматично, что связываемые с именем второго президента РФ преобразования по повышению

¹ Лапидус Г. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Федерализм в России. – Казань: Институт истории Академии наук Татарстана; Казанский институт федерализма, 2001. – С. 288–289.

² См., например: Мартыанов В.С. Российская вертикаль власти – главная угроза самой себе? // «Свободная мысль». 2008. № 2. – С. 221–223; Назаров И.И. Вниз по вертикали власти // Pro mine. Современные политические процессы. 2005. – Т. 3. № 1. – С. 123–128; Повязанные вертикалью. Российская элита считает путинскую модель оптимальной для страны [Электронный ресурс] // Свободная Пресса – общественно-политическое интернет-издание. – URL: <http://svpressa.ru/society/article/71943/> (Дата посещения 23.07.2013.)

управляемости и подотчетности органов власти субъектов федеральному центру проводились без какой-либо оглядки на республиканский статус, без каких-либо уступок национальным элитам. Л.В. Смирнягин совершенно справедливо указывает на тот факт, что «когда к власти пришел новый президент страны и в России началась быстрая централизация управления, она стала проходить в русле строгой симметрии. В главных реформах Путина относительно федерализма не было сделано никаких различий между субъектами разного формального статуса. Взять хотя бы изменение правил формирования верхней палаты парламента – Совета Федерации: замена региональных руководителей сенаторами стала несомненным и сильным ударом по престижу этих руководителей, особенно в глазах их сограждан в регионах, поэтому напрашивалось решение, согласно которому для президентов республик можно было сделать исключение, чтобы не рисковать их лояльностью. Однако ничего подобного не произошло. Аналогично, т.е. без всякого учета формального статуса субъектов, были проведены и остальные реформы – отмена выборности глав регионов населением, отмена выборности по одномандатным округам»¹. Таким образом, опасения относительно феодализации России, равно как и коллапса в межнациональной сфере оказались преувеличенными. Достаточно обоснованным выглядит фигурирующее в литературе мнение о том, что хотя на первых порах «республики (прежде всего Татарстан) успешно использовали этнический признак для того, чтобы добиться автономии от Центра... по мере угасания тенденции к асимметрии спадала и острота национального вопроса»².

В то же время, несмотря на все предпринятые меры, неблагоприятный сюжет дробления политического и правового пространства полностью не исчерпал себя к настоящему моменту и не утратил своей злободневности. Сохраняют свое значение риски, связанные с расстройством нормального функционирования и недееспособностью управленческого механизма. Преждевременно говорить об устранении асимметрии российского федерализма, о гармонизации межэтнических отношений. Проблема заключается в том, что в республиках сложились совершенно разные «этно-

¹ Смирнягин Л.В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 53–54.

² Там же. – С. 55.

политические и экономические ситуации, а также разные стили руководства»¹. В большинстве республик в силу разных причин (исторических, демографических, социальных, этнокультурных и даже религиозных) представители «титulyной» национальности никак не могут быть отнесены к разряду правящих, независимо от того, составляют они явное меньшинство или самую большую из этнических групп и даже большинство населения. Руководство этих республик, а также состав правящих структур, в том числе и выборных, не носят моноэтнического характера и не построены на принципе этнической избирательности². Однако, как отмечалось В.А. Тишковым еще в 2001 г., в группе республик региона Северного Кавказа «псевдофедерализм обрел некоторые черты этноклановых режимов»³. В северокавказских республиках понятия региональной и этнической элиты совпали между собой по смыслу, причем роль властной верхушки в политическом процессе оказалась далеко не во всем конструктивной.

Этноэлиты представляют собой часть политического класса, сформированную по этническому принципу. Важнейшей, но не единственной политической предпосылкой возникновения этноэлиты является титульность: этноэлиты формируются в национально-государственных образованиях, названия которых совпадают с названием одного из народов, чаще всего, но не обязательно составляющего этническое большинство. Идеологической предпосылкой формирования этноэлит служат национализм, этницизм и этноцентризм, позволяющие «объяснить», почему политические элиты формируются не по партийному или профессиональному, а по этническому признаку. Существование этноэлит является признаком высокой политизации этничности, когда этничность выступает источником формирования политических институтов, политических прав и привилегий. Хотя термин «этноэлиты» содержит определенную негативную коннотацию, действия этноэлит необходимо рассматривать и оценивать конкретно: в целях сохранения своего статуса этноэлиты предприни-

¹ Тишков В.А. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. – Казань: Ин-т истории АН Татарстана; Казанский институт федерализма, 2001. – С. 30.

² Тишков В.А. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. – Казань: Ин-т истории АН Татарстана; Казанский институт федерализма, 2001. – С. 30–31.

³ Там же. – С. 31.

мают меры по развитию контролируемых регионов и не заинтересованы в дестабилизации социально-политической обстановки. Однако в условиях нарастания нестабильности и возникновения угрозы своему статусу этноэлиты могут использовать механизм этнополитической мобилизации, вольно или невольно «раздувать» этнические конфликты.

В литературе указывается на то обстоятельство, что борьба элит – универсальная характеристика всех обществ. Одним из инструментов этой борьбы является исключение конкурентов по тому или иному критерию, среди которых видное место занимает этническая принадлежность. Борьба элит при определенных обстоятельствах ведет к феномену, который называется «разыгрывание национальной карты». В этом контексте этническая принадлежность участника борьбы пропускается через призму ценностей системы и превращается либо в большое достоинство («наш»), либо в страшный недостаток («чужой»)¹. В сложившихся на Северном Кавказе условиях политическая мобилизация населения осуществлялась элитами на этнической основе, что способствовало приобретению ресурсных или статусных конфронтаций между элитами черт этнических или этноклановых конфликтов. Таким, например, был конфликт, возникший между карачаевцами и черкесами в начале 1990-х годов. При этом ситуация межэтнического противостояния развивалась в соответствии с логикой свободной конкуренции обособленных группировок, а не как взаимодействие политических акторов, соперничающих в легальном поле, опираясь на общие, единые для всех правила, или хотя бы связанных неформальной аппаратно-бюрократической этикой. Вмешательство в конфликты подобного рода федерального центра касалось лишь ликвидации или смягчения негативных последствий через восстановление или конструирование баланса привилегий конфликтующих сторон, по определению недолговечного. Факторы, способствующие обострению национального вопроса и воспроизводству межэтнических противоречий, оставались не потревоженными, неповрежденными.

За прошедшие годы изменить положение к лучшему не удалось. Северо-Кавказский регион продолжает оставаться зоной высокой межэтнической напряженности, в деятельности органов власти процветают коррупция и nepотизм. Сложившиеся в рес-

¹ Белоусов М.В. Этнические элиты Северного Кавказа: Опыт социологического анализа. Дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2001. – С. 54.

публиках этнократии не только не были сломлены, но даже укрепились, упрочили свои позиции. Их активность зачастую переходит не только во многих случаях достаточно условные границы российского правового пространства, но фактически выпадает из общих закономерностей функционирования системы государственной власти как таковой. В случаях вопиющего нарушения работы правовых механизмов регулирования общественных отношений для восстановления нормального, стандартного порядка службы требуется прямая интервенция Кремля. В некоторых республиках созревают «типичные диктаторские режимы, характерные скорее для Средней Азии, чем для Восточной Европы»¹. «Властные инструменты в регионе, – справедливо отмечают В. Дегоев и Р. Ибрагимов, – утрачивают свои функции, предписанные им от века самой природой вещей. Всё остальное – чем бы оно ни было, включая терроризм, – в конечном счете следствие этого процесса»².

Таким образом, успешно выстраиваемые в рамках «вертикали власти» схемы взаимодействия федерального центра с региональными элитами почему-то буксуют, дают сбой в условиях Северного Кавказа. В связи с этим проблема того, что определяет политическое и культурное своеобразие данного региона, является крайне актуальной. Особенно это касается специфики местных этнократий и способов формирования этнических элит, поскольку именно последние осуществляют функцию «пробуждения» этнического сознания и ответственны за эмоциональную насыщенность и политизированность национального чувства масс. Воспроизводство этнических признаков стимулируется идеологическими «разрядами», запускаемыми через системы массовой коммуникации. Тонус этнической идентичности напрямую зависит от деятельности социальных институтов, таких как государственные организации, образовательные учреждения, правовые акты.

Необходимо отметить, что поскольку понятия этнократий и этнической элиты тесно взаимосвязаны, генезис этнократий как формы политического управления не может быть прояснен

¹ Сидоренко А.В. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 104.

² Дегоев В, Ибрагимов Р. Северный Кавказ: Постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.: Империя-XXI век, 2006. – С. 14.

без анализа особенностей рекрутирования этнических элит. В частности, А.В. Понеделков и А.М. Старостин отмечают, что «к этнократии относятся родоплеменные (тейповые), или национально-земляческие группы, занявшие место во властных элитах и лоббирующие интересы своего этноса (или его части) в системе властных и экономических отношений»¹. Исследовавший проблему Ж. Тощенко приходит к выводу о том, что «нигде и никогда этнократия не зарождалась “снизу” и стихийно, “самотеком”: она — порождение этнических элит, целеустремленно создающих почву, благоприятную для зарождения этнократий»². Сами элиты традиционно рассматриваются в политологии в качестве стабильных групп, имеющих доступ к властным ресурсам и возможность ими распоряжаться. Следовательно, вопрос о складывании этнических элит есть в то же время и вопрос о возникновении и трансформациях политических институтов в конкретном обществе.

Социологи, политологи, этнологи неоднократно пытались объяснить социальную природу северокавказских обществ и их взаимоотношений с окружающим миром, однако удовлетворительные ответы на многие вопросы получены не были. Трудности в интерпретации здешних реалий возникли во многом из-за того, что горские сообщества организованы совершенно иначе, чем социальные структуры внутри «Большой» России.

Традиционализм как движущая сила культурного производства, господство трайбалистских установок в политике и приоритет конкретных, живых, жизненных, а не абстрактных, формально-правовых резонансов и норм сплошь и рядом непонятны для теоретиков современного общества. Несмотря на то что текстов, посвященных роли Северо-Кавказского региона в современной истории России выходит достаточно, их авторы редко рассматривают Северный Кавказ, так сказать, изнутри, исходя из логики сложившихся здесь институтов и мировоззренческих стереотипов горского населения.

Главным препятствием к созданию связной концепции устойчивости северокавказских этнократий является отсутствие

¹ Понеделков А.В., Старостин А.М. Асимметрия возможностей этнократических и областных элит // Обозреватель. 2002. № 9–10 (с. 152–153).

² Тощенко Ж. Этнократия [Электронный ресурс] / Сайт общероссийской федеральной просветительской газеты «Татарский мир». — URL: <http://www.tatworld.ru/aiiicle.shtm?article=619S6section=0&heading=0> (Дата посещения 23.07.2013.)

подходящей аналитической схемы, с помощью которой можно было бы осмыслить происходящие в регионе события. Даже те ученые, которые избирают Кавказ в качестве центральной темы своих исследований, а не как придаток к истории России, часто оказываются в затруднении, лишь только они касаются фундаментальных проблем его исторического развития. Основная масса специальной литературы по Северному Кавказу посвящена очень узкой проблематике и почти не ориентируется на современные методы общественных наук. Она ограничивается изложением фактологии и феноменологии предмета и состоит из описательных констатаций.

Эта узкая специализация весьма неконструктивна, поскольку изучение региональных этнократий, в том числе на Северном Кавказе, может способствовать более глубокому освещению значительного числа важных вопросов общесоциологического и общеполитологического характера. Настоящая статья представляет собой попытку осветить проблему с помощью применения институциональных моделей развития традиционного общества для объяснения его политической самобытности.

Специалисты по Северному Кавказу зачастую увлечены созданием генерализующих концептов, но не всегда внимательны к деталям. Для того чтобы объяснить исторический процесс в регионе, необходимо теоретические модели тестировать на конкретном этнографическом материале. Применение институционалистского подхода не только позволяет дать политически значимым явлениям теоретическое объяснение, но и показывает, каким образом те или иные закономерности социальной эволюции были или будут реализованы в социальной практике.

Северный Кавказ является зоной длительного взаимодействия двух различных культур, обладающих стабильными идеологическими представлениями о себе и своих соседях. На протяжении более 200 лет горские общества враждовали с крупнейшим государством мира, даже будучи включены в его состав и отчасти восприняв его культуру, ожесточенно защищали превосходство своих культурных ценностей и образа жизни. Подобный этноцентризм хорошо известен, и ему не стоило бы удивляться. Однако проявления этнического чувства у жителей Северного Кавказа, переживание собственной идентичности привлекают к себе внимание исследователей высоким накалом, особенной изощренностью. Например, К.Ю. Сухопличенко к основным социальным функциям этнократий на Северном Кавказе относит, во-первых, артику-

ляцию этнических интересов и ценностей; во-вторых, этническую мобилизацию; в-третьих, защиту этнических интересов и ценностей; в-четвертых, подавление интересов других этнических групп и игнорирование «чужих» этнических ценностей¹. Демонстративное, манифестное выражение кавказской идентичности формирует соответствующую этнометодологию, выделяющую этнический компонент в любых протекающих в регионе процессах. Но при таком подходе кавказский этницизм рассматривается как своего рода социальная константа, как обстоятельство едва ли не естественного, природного характера, нуждающееся в теоретической фиксации, а не в разъяснении.

В последнее время в качестве исследовательского тренда все более и более явственно обозначается попытка связывать истоки межэтнической напряженности на Кавказе с политической и правовой архаизацией региона, с возрождением в деформированном виде традиционных практик, препятствующих экономической модернизации и интеграции кавказских народов в российский социум. В поисках причин жизнестойкости и политической выносливости этнических элит в регионе эксперты обращаются к историческому прошлому горских обществ, к изучению механизмов культурной преемственности и воспроизводства культурных форм.

Согласно М.А. Аствацатуровой, этнократии на Северном Кавказе имеют исторические корни, связанные с традиционными канонами, с обычным правом северокавказских народов. Клановость в северокавказских обществах существует независимо от политических режимов, доктрин власти, курсов правительства, партийного строительства².

Яркими красками живописует политическую изолированность и статичность Северного Кавказа В.В. Дегоев: «Горные ущелья служили идеальным средством консервации социально-культурного быта. Течение исторического времени там как бы останавливалось. Горцы питали глубочайшее недоверие к разного рода реформам и нововведениям. Адат оказался необычайно живучим институтом прежде всего потому, что он органично соответствовал замкнутому общинному миру, охранявшему себя от

¹ Сухоплещенко К.Ю. Этнократии на Северном Кавказе: Институционализация и легитимация. Дис. ... канд. социологических наук. – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2010. – С. 49.

² Аствацатурова М.А. Экспертное интервью // Этнократии на Юге России в экспертном измерении. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – С. 133.

всяких перемен как главного источника угроз собственному существованию¹. Акцентуация кавказского традиционализма создает в общественном сознании образ культурной капсулы, внутри которой вечно проживается какая-то собственная социальная эпоха.

Подобное восприятие, ставшее практически привычным, является, тем не менее, идеализированным, абстрактным и далеким от реальности. Прежде всего по той причине, что действительности не соответствует сама концепция традиционного общества как общества культурно окостеневшего, сопротивляющегося новациям, да и не способного к ним. Тема эластичности, гибкости традиции, вынужденной чутко реагировать на колеблющиеся, лишенные постоянства условия социального бытия коллектива, обсуждалась в отечественной этнографии неоднократно. «Вариативность, – отмечает К.В. Чистов, – есть способ и одновременно условие существования традиции. Стереотипы могут становиться стереотипами только благодаря их определенному свойству (или качеству) – пластичности, т.е. способности адаптироваться в типовых, но все-таки изменчивых ситуациях»². Сказанное в полной мере актуально для северокавказских этносов, которые на протяжении всей своей истории демонстрировали способность к переменам в сложных, кризисных обстоятельствах, талант социального творчества и культурный динамизм.

Потенциал для реорганизации на новых началах гнездится в наиболее глубинных, базовых институциях горских обществ. Действительно, с одной стороны, политико-правовые и социальные институты, которые конституируют эти общества, являются этническими. Причем речь идет об этницизме идеологизированном, концептуализированном (т.е. закрепленным на уровне доктрины, в виде учебников, книг, публичных выступлений политиков и общественных деятелей), имеющем политическое выражение и официальную символику. Данное обстоятельство определяет этнократический характер политической власти – узкочернокожеское господство и давление одного этноса. При этом община напрямую или через созданные ею институты формирует и жестко контроли-

¹ Дегоев В.В. Северный Кавказ: исторические очерки. Историко-этнографическая экспозиция [Электронный ресурс] / Некоммерческий литературный интернет-проект «Журнальный зал». – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/4/dl0.html> (Дата посещения 23.07.2013.)

² Чистов К.В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. – № 2. – С. 16–17.

рует отношения между людьми, подавляя инициативу составляющих ее звеньев и отдельных персон. Социально-историческая идентичность группы оценивается ее членами как единственно аутентичный способ существования.

Традиционалистские общества стремятся утвердить приоритет своей культуры, религии, экономической и социальной структуры, отвергая прочие формы коллективной жизни как неподлинные, и направлены на воспроизводство уже сложившихся форм социальности, блокируя новации. Однако, с другой стороны, традиционалистское общество в правовом смысле всегда расколото на группы – этнические, конфессиональные, клановые, родовые. Клановость (в широком значении этого термина) есть способ функционирования традиционного общества, манифестация его социального порядка. По данной причине горская потестарная демократия причинно связана с отношениями неравенства.

Для традиционного общества конфликты между отдельными его субгруппами явление вполне нормальное. Политическое пространство здесь – это площадка, на которой жестко конкурируют между собой различные родовые или клановые, или общинные группы. Характерным в этом контексте представляется замечание имама Шамиля относительно готовности горцев «всегда перебить друг друга дорогу и стать выше товарища в каком бы то ни было отношении»¹. Конкуренция при этом введена в определенные рамки и ведется в соответствии с принятыми нормами, однако правовое равенство итогом ее быть не может. Соперничество имеет социальный результат: кто-то побеждает, кто-то проигрывает, одни рода укрепляют свой статус, другие теряют престижные позиции.

Известный этнограф XIX в. Е.М. Шиллинг отмечал, например, у андийцев, следующее: «Все тухумы считаются равными, но среди них одни признаются “лучшими”, другие “худшими” (по родовым преданиям, численности, влиятельности и т.д.). Классификация тухумов по их достоинству обычно зависит от информатора, который свой тухум выдвигает вперед. Общественное неравенство еще выражается в том, что в большинстве тухумов различаются озденол (“уздени”, полноправные люди) и лагьоал (потомки пленников, рабов, ущемленные в отношении брачных связей с первыми и при случае пользующиеся меньшим авторитетом)»².

¹ Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989. – С. 115..

² Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. – М., 1993. – С. 59–60.

В документе 1860-х годов записано: «В горной (узденской) Табасарани более важные дела (по убийству, значительному воровству, по общему вооружению) решались на общей сходке. На сходках этих сильные тухумы имели влияние так, что дела решались в большинстве случаев в их пользу; если и обвинялся член большого тухума при очевидности преступления, то наказание было возможно слабое – зато слабому тухуму пощады не было»¹.

В связи с этим понятна жесткость действующих в северокавказских обществах традиционалистских норм и в то же время их довольно ограниченная эффективность. По сути дела общинный коллектив находится в противоречивой ситуации. Надо соблюдать действующий обычай, но тогда, если следовать ему неукоснительно, прекратится всякое развитие общества. Бесконечно оглядываясь назад, ты рискуешь застыть соляным столпом. Чтобы дать обществу возможность развиваться, традиционалистскую норму в чем-то приходится нарушать. Однако, кто может определить, за какими социальными новациями будущее, а какие не станут общим достоянием, так и останутся ошибками? В кавказских условиях такую роль брали на себя лица, которых известный этнограф и культуролог Ю.Ю. Карпов описывает как «революционеров»: «В истории Дагестана Нового времени имамы Гази-Магомед, Гамзат-бек и Шамиль стали революционерами, посягнувшими на кардинальную реорганизацию обычая»².

Здесь под революционерами понимаются харизматические личности, наделенные в глазах соплеменников особыми качествами, позволяющими им дополнять или трансформировать традицию, легитимирующими их статус законодателей. Специфику харизматического типа господства, его целесообразный для традиционалистского общества характер показал в своих работах М. Вебер. Следует отметить, что условия потестарной демократии, клановой конкуренции способствуют выявлению харизматиков, личностей, наделенных способностями реформировать традицию при понуждающем к адаптации давлении неблагоприятных обстоятельств.

¹ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Арх. материалы. Сост. Х.М. Хашаев. – М., 1965. – С. 48.

² Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 457.

Таким образом, традиция как механизм социокультурной регуляции не заслуживает шаблонных негативистских оценок. Более того, традиция зачастую при всей ее жесткости ничуть не препятствует реальной правовой плюральности социального мира горцев. При ближайшем рассмотрении границы нормы обычая оказываются весьма расплывчатыми. Свобода и изменение достигаются за счет движения и «дрожания» социальных молекул и атомов – членов соперничающих горских общин, за счет пронизывающих общество инфлюаций извне.

Известный этнограф В.О. Бобровников кавказскую специфику рассматривает сквозь призму теории правового плюрализма, согласно которой государство не является монополистом в сфере производства правовых норм и в обществе возможно сосуществование различных, как государственных, так и негосударственных, систем нормативной регуляции. По мнению ученого, «преобразования, произошедшие в регионе за последние полтора-два столетия, вели то к укреплению правового плюрализма (во второй половине XIX – начале XX в., в постсоветскую эпоху), то к формированию скрытого полиюридизма»¹. Теория правового плюрализма перекликается с разработанными в западной социологии концептами «вложенных» и «наслаивающихся» политий, описывающих фрагментированные, полицентрические политические порядки и партикуляристские политические практики.

Современная институциональная теория рассматривает структурные изменения социальных и политических отношений скорее в качестве продукта взаимодействия между обществами, нежели результата исключительно внутреннего развития. Рассмотрение отношений между Россией и Северным Кавказом дает характерный пример того, насколько эффективно применение подобной широкой исследовательской парадигмы.

Несмотря на свою автономность, общества Северного Кавказа поддерживали постоянные контакты и между собой, и с более дальним социальным окружением. Если рассматривать политические образования на Северном Кавказе изолированно, будет казаться, что они возникали и рушились почти беспорядочно, однако если их анализировать в общерегиональном контексте и на протяжении длительного времени, они обнаружат массу поразительных

¹ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002. – С. 106.

закономерностей, связанных, в том числе, и с циклами власти в России. В частности, имамат Шамиля явился адаптивным ответом кавказских этносов на военно-политический вызов со стороны Российской империи.

Потестарные горские общества в кризисных условиях выдвигают политическую элиту, центрирующую политическое пространство. В то же время необходимо иметь в виду, что возможности для реформы традиции наличествуют только в заданных культурно-историческим контекстом рамках.

Как пишет известный социолог, специализирующийся на изучении социальных изменений, Ш. Эйзенштадт, племенные объединения обычно преобразуются в патримониальные, феодальные или эмбрионально-имперские режимы¹.

Вслед за вопросом о политическом взаимодействии России и Северного Кавказа встает еще более сложная проблема культурной коммуникации. Значимость событий, происходящих в результате влияния различных культур друг на друга, часто интерпретируется совершенно по-разному. Различия в картине мира делают их взаимоотношения особенно проблематичными. И в данном контексте следует, прежде всего, отметить, что горские общества проявили себя довольно искусными в деле манипулирования российской системой власти, зачастую усваивая ее формы, но отвергая их содержание.

Одним из способов консервации кавказского традиционализма выступает форма государственного устройства России. Сохраняющиеся в отношениях между федеральным центром и различными типами субъектов формы асимметрии являются фактором политизации этничности. «Подлинный федерализм как основание для исключительных прав национальных государственных образований, видимо, становится одной из центральных политических проблем сегодняшней России»². Функционирующая в настоящее время модель федерализма не способствовала смягчению этноконфессиональной напряженности в стране, не смогла создать в российском обществе атмосферу этнополитического

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 149.

² Тощенко Ж. Этнократия [Электронный ресурс] / Сайт общероссийской федеральной просветительской газеты «Татарский мир». – URL:<http://www.tetworld.ru/article.shtml?article=619§ion=08sheading=0> (Дата посещения 23.07.2013.)

консенсуса. Более того, российский федерализм, являясь по существу смешанным, содержит выраженную этническую доминанту, порождающую ряд политико-правовых коллизий.

Большинство предложений по реформированию российского федерализма были неудачными и исходили из того, что альтернативы федерализму в России нет.

Данный тезис воспринимался и зачастую воспринимается как данность: в России сложилось не функциональное отношение к федерализму как типу государственного устройства, способному решить важные проблемы в отношениях между Центром и регионами, в том числе с преобладающим нерусским населением, а ценностное отношение к федерализму. Федерализм рассматривается как сакральная субстанция, при этом даже помыслы о том, что возможны другие варианты национально-территориальной организации страны, рассматриваются как святотатство.

Вместе с тем отношение Центра и регионов, в том числе этнических регионов, – широко распространенная проблема. В ряде государств с целью упорядочивания отношений Центра с «национальными» территориями стараются создавать не национальные субъекты федерации, а национально-территориальные автономии внутри субъектов, построенных по территориальному принципу. Такой способ урегулирования национального вопроса применяется, например, в Китайской Народной Республике.

Согласно Конституции КНР, в районах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется национальная автономия. Создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики (ст. 4)¹.

Унитарное государство с национально-территориальными автономиями является достаточно устойчивым образованием, гарантирующим реализацию государственной власти на всей территории, эффективно справляющимся с сепаратистскими тенденциями и при этом способным обеспечивать защиту прав национальных меньшинств. Автономия лишена, как правило, большинства атрибутов государственности, но в то же время может иметь некоторые дополнительные права.

¹ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс] / Сайт «Законодательство Китая». – URL:http://chinalawinfo.ru/constit1xitionalJaw/constitution/constitution_chl (Дата обращения 23.05.2013.)

«Особенность национально-территориальной автономии, осуществляемой в КНР, состоит в том, что она не носит характера национальной государственности, а является по своей природе административной автономией... она впервые в истории Китая дала возможность центру установить единый контроль государства над всеми национально-территориальными автономиями и вместе с тем способствовать развитию каждой из них. Иначе говоря, институт национально-территориальной автономии помог консолидации страны и стал гарантией сохранения ее целостности, обеспечил минимизацию сепаратизма и обеспечивает государственную поддержку национально-территориальной автономии»¹.

В районах административной автономии в судопроизводстве может применяться местный язык, учитываются обычаи населения, на местном языке издаются газеты, осуществляются радиопередачи, он используется для обучения в школах. Кроме того, государственный аппарат комплектуется из лиц, знающих местный язык, коренным жителям отдается предпочтение при формировании местного управленческого аппарата². Разумеется, национальный вопрос в Китае нельзя считать решенным, а в автономистском устройстве КНР видеть универсальное средство устранения межэтнической напряженности.

Проблемы остаются, сложная обстановка сохраняется и в Тибете, и в Синьцзян-Уйгурском районе. Тем не менее китайский опыт регулирования отношений в межэтнической сфере заслуживает внимания, отдельные его аспекты могут быть учтены при разработке стратегии национальной политики в России.

Следует отметить, что Россия имеет и собственный опыт формирования внутренней структуры государства через установление автономий, в котором можно было бы отыскать позитивные моменты. По сути, речь идет о возрождении на новой основе широко критиковавшейся в советском обществоведении идеи автономизации, однако с учетом опыта XX в.

Именно благодаря тому, что де-факто при строительстве СССР был реализован план автономизации, Советский Союз просуществовал гораздо дольше того, когда обнаружилась несостоя-

¹ Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в Китайской Народной Республике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – С. 17.

² Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юрист, 2007. – С. 174.

тельность советского экономического проекта. А юридическое оформление краха советского проекта пошло по пути распада союзного (федеративного) государства.

РСФСР, провозглашенная федерацией, по сути дела представляла собой унитарное образование с автономиями. В соответствии с Конституцией 1978 г. в ее состав наряду с краями, областями и городами республиканского подчинения входили 16 автономных республик, пять автономных областей и 10 автономных округов. Здесь также наблюдается достаточно тонкая, ступенчатая градация субъектов, приспособленная к местным условиям территориального размещения этноса и уровню его экономического и культурного развития. «Матрешечная» конструкция административных единиц, составлявших Россию, позволяла подходить к реализации национальной политики в каждом отдельном регионе максимально конкретно.

Можно по-разному относиться к советскому периоду российской истории. Многие характеристики той эпохи, в том числе связанные с политикой в области этнических отношений, весьма противоречивы и не поддаются однозначной оценке. Тем не менее трудно не признать, что в деле построения единой общности – советского народа – были достигнуты значительные успехи и национальный вопрос стоял тогда менее остро, чем в настоящее время,

Таким образом, многие проблемы в сфере межэтнического взаимодействия, с которыми сталкивается российское общество на современном этапе своего развития, коренятся в особенностях государственно-территориального устройства Российской Федерации. Этнический федерализм, фактически являющийся принципом территориальной организации государства, способствует политизации этничности, не позволяет выбраться из тупика бесконечных претензий этнических субъектов друг к другу и к властям, поддерживает высокий уровень этнической напряженности.

Перестройка федеративной системы на административно-территориальных началах («губернизация») выглядит сейчас едва ли выполнимой задачей в силу как противодействия этнических элит, так и недостаточности правового обеспечения подобной реформы. Средства решения национального вопроса следует искать в осторожном переходе на путь унитарного государства с национально-территориальными автономиями.

Изменение статуса этнических образований может рассматриваться как первый шаг к уходу от политизированной этничности в России. Имеются признаки того, что российская политическая

элита в настоящий момент постепенно уходит от трактовки федерализма как универсального средства решения межнациональных проблем.

Анализ текста утвержденной Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» показывает, что ее авторами на вопросах взаимодействия, взаимовлияния конституционного принципа федерализма и национальной структуры российского общества, весьма актуальных в литературе, СМИ и массовом сознании, не делается сколько-нибудь заметного акцента. В частности, проблематика особенностей федеративного устройства, централизации-децентрализации власти не фигурирует ни среди основных вопросов государственной национальной политики, требующих особого внимания, ни среди целей национальной государственной политики, ни среди ее приоритетных направлений.

«Элитология России: Современное состояние и перспективы развития», Ростов н/Д., 2013 г., т. 1, с. 401–417.

Александр Князев,
политолог
СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПОСЛЕ МАЙДАНА

Крымско-украинский кризис завершил переходный период в глобальной системе международных отношений и положил начало новой эпохе, отличительная черта которой – многополярность современного мира. Эксперты убеждены, что украинские события самым неординарным образом отразятся на Средней Азии и Казахстане.

Проекции кризиса, катализатором которого стал наметившийся тренд на вступление Украины в Таможенный, а в перспективе и в Евразийский союз – вместо подписания соглашения об ассоциации с ЕС, в бывших советских республиках различны. Что логично, ведь и сами эти страны не похожи друг на друга, неодинаковы и применяемые к ним извне сценарии. Соответственно, модели поведения государств и неправительственных акторов в Средней Азии тоже разные.

Евразийский выбор Назарбаева

Главный удар на антироссийском и антиинтеграционном фронте наносится по Казахстану, активно вовлеченному в евразийский проект. Наиболее ярким примером проявления русофобии в Казахстане стал апрельский номер журнала «Жулдыздар отбасы Аңыз адам», который был посвящен 125-летию Адольфа Гитлера и в котором предпринята попытка реабилитировать немецкого фюрера в сознании казахстанцев. «В некоторых своих действиях Путин, кажется, переплюнет Гитлера», – предполагает издание.

Агентство связи и информации Казахстана оперативно отреагировало на эту публикацию, заявив, что редакция журнала нарушила ст. 164 Уголовного кодекса РК, касающуюся разжигания социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды. Максимальный срок, предусмотренный за это преступление, – до 12 лет лишения свободы. Симптоматично, что темы фашизма и национализма, интеграции и взаимоотношений с Россией поднимались и на самом высоком государственном уровне. В рамках XXI сессии Ассамблеи народов Казахстана президент Нурсултан Назарбаев заявил, что межэтнические отношения – не поле для политических игр: «Это человеческие судьбы. Их нельзя оставлять на потом и тем более игнорировать их циничное использование одной из политических групп как аргумент в борьбе за власть. Это опасно для государства, для народа, для каждого человека. Все должны понимать, что шовинизм или национализм отделяет от откровенного неонацизма очень тонкая грань, которую легко переступить». Глава государства призвал казахстанцев всегда помнить о тех великих жертвах, которые принесли народы всего СНГ в Великой Отечественной войне во имя победы над «коричневой чумой».

Назарбаев четко дал понять, что считает правильным сделанный Астаной выбор. «Я считаю, что интеграционный выбор любой страны – это вопрос народного благосостояния. Успешной выгодной интеграцией будет только та интеграция, которая основана не на политической конъюнктуре, а на прагматических интересах, создает условия для занятости и бизнеса. Именно к такого типа интеграции стремятся Казахстан, Россия и Беларусь в рамках Евразийского экономического союза. В Астане планируется подписать исторический договор о создании этого интеграционного объединения... Три страны интегрируются для того, чтобы выдер-

жать глобальную конкуренцию. А в том, что она будет жесткой, сомневаться не приходится».

Позиция Назарбаева ясна: глава государства хочет обезопасить Казахстан, которому угрожает дестабилизация по традиционному, уже не раз опробованному сценарию. Ведь на Западе, в первую очередь в США, крайне негативно относятся к стремлению Астаны принять участие в интеграционных проектах России. И практически не вызывает сомнений, что в ближайшее время будут предприняты попытки расшатать ситуацию в Казахстане, как, впрочем, и в Белоруссии.

Вопреки представлениям за пределами республики антироссийские настроения в казахстанском обществе распространены крайне мало. Прослойка так называемого «креативного класса» (от крайних националистов до радикалов-экологов и интеллигентствующих либералов, подпитываемых западными фондами) не оказывает существенного влияния на общественное мнение в стране. Об отсутствии протестного потенциала свидетельствует, в частности, отношение казахстанцев к беспорядкам в Жанаозене в декабре 2011 г. Применение силы к демонстрантам со стороны государственных структур было достаточно равнодушно воспринято за пределами бунтовавшего региона, и к настоящему времени инцидент просто забыт.

Вскоре после того, как президент Казахстана определил основной вектор развития страны, в Астану прибыла помощник госсекретаря США по странам Южной и Центральной Азии Ниша Бисвал. Официальной целью визита было заявлено обсуждение проблемы спутникового исследования казахстанских гор и ледников, а также итогов переговоров между Обамой и Назарбаевым в Гааге. (Характерно, что госпожа Бисвал не была принята никем из высшего руководства страны, ей удалось побеседовать только с министром иностранных дел Ерланом Идрисовым.)

Реальная же цель поездки помощника госсекретаря заключалась в том, чтобы вовлечь Казахстан в афганские проекты и проект транспортировки нефти в Индию. Американцы заинтересованы в максимальной переориентации товарных и финансовых потоков с Севера (РФ) и Востока (КНР) на Юг. Фактически речь идет о реанимации старой концепции «Большой Центральной Азии», получившей теперь название «Новый Шёлковый путь». Этот проект вписывается в более обширные планы США по сокращению, а в идеале и прекращению экспорта энергоносителей из Казахстана (и Туркмении) в Китай. По словам Бисвал, Вашингтон стремится

«видеть Центральную Азию связанной более тесными узами с Южной Азией через Афганистан и Пакистан. И эта цель может быть достигнута при поддержке Соединенных Штатов».

В Астане к американским предложениям отнеслись сдержанно, не проявляя излишнего энтузиазма. Примечательно, что визит помощника госсекретаря совпал с отставкой премьер-министра Серика Ахметова, кресло которого занял Карим Масимов. И если Ахметов был премьер-министром-управленцем, который занимался в основном хозяйственными проблемами, Масимов – знаковая политическая фигура. Его главными задачами на посту премьера станут активизация интеграционного процесса с Россией и оптимизация двусторонних отношений с КНР (об этом косвенно свидетельствует ряд заявлений Нурсултана Назарбаева). Неслучайно, комментируя итоги своего визита в Астану, Ниша Бисвал с оттенком некоторого разочарования сказала журналистам: «Мы хотим, чтобы у Казахстана были дружественные, выгодные, благоприятные и позитивные отношения с Россией, но не считаем, что эти отношения должны быть эксклюзивными». Однако в казахстанской столице, похоже, никто не собирается к этим словам прислушиваться.

Внутренняя политика в Казахстане часто становится продолжением внешней. После того как разразился украинский кризис, с политического поля страны вынужден был уйти амбициозный молодой националист Мухтар Тайжан, который считался одним из самых ярких противников евразийской интеграции. Антиевразийский форум 12 апреля попросту провалился, скандальную же публикацию журнала «Жулдыздар отбасы Аңыз адам» можно считать одной из последних громких акций, противопоставленных представителями оппозиции тому вектору развития, который был определен президентом.

Пророссийские позиции Казахстана превращают эту страну в главный объект активности США в регионе. Однако слабость проамериканских лоббистских групп в Астане и отсутствие реальной оппозиции делают мало вероятной дестабилизацию изнутри. Поэтому в Вашингтоне присматриваются к соседним странам, которые можно использовать в качестве плацдармов, – к Туркмении и Киргизии. Скорее всего, на туркменском направлении в ближайшее время будут использоваться возможности суннитских радикальных группировок, которые представляют угрозу для Западного Казахстана. На оперативно-стратегическом совещании в Министерстве обороны, которое Назарбаев провел в первых чис-

лах марта после консультаций в Москве с Лукашенко и Путиным, речь шла об усилении структур безопасности в тех приграничных регионах, из которых исходит опасность для Астаны (к ним не относятся области, граничащие с Китаем и тем более с Россией). Согласно указаниям президента, целый ряд воинских частей передислоцируется с востока и из центральной части Казахстана в районы казахстанско-киргизской и казахстанско-узбекской границ, а также в западные области Казахстана, на туркменское и каспийское направления. К этим же регионам будет приковано внимание спецслужб.

К формированию геополитической оси Москва – Ташкент – Астана

Переосмысление внешней политики происходит и в Узбекистане. В начале марта в связи с событиями на Украине узбекский МИД выступил с заявлением о недопустимости внешнего вмешательства во внутренние дела государства. Адресован этот месседж был не только и не столько России. Да, Узбекистан не рассматривает возможность своего участия в Таможенном и Евразийском союзах, приостановил членство в ОДКБ, но это не означает, что Ташкент дистанцируется от Москвы, Астаны и Минска. Страна стремится стать ключевым игроком в регионе, на что у нее есть веские основания.

История всех постсоветских интеграционных проектов в Средней Азии доказывает, что, к сожалению, разговоры об общей истории, культуре и единстве региональных держав – не более чем мифологемы. Среднеазиатские страны объединялись в рамках единых государственных образований только силой, будь то Чингисхан, Тамерлан, Российская империя или СССР.

По мнению руководства Узбекистана, Россия пока не справляется с ролью объединителя среднеазиатских стран. Не стоит ожидать от Ташкента другой оценки, ведь российские инициативы до настоящего момента им не поддерживались, с 1990-х годов страна делала ставку на двусторонние отношения. А без Узбекистана региональное пространство получалось неполноценным, разорванным. Там, где не получается создать интеграционный альянс, логично сформировать ось стран, способных обеспечить региональную безопасность. И украинский кризис может стать катализатором построения геополитической оси Москва – Ташкент – Астана, объективно необходимой региону. Такая конструк-

ция

укрепила бы и консолидировала региональное геополитическое, а затем и геоэкономическое пространство, позволила бы выработать общую действенную стратегию по отношению к политике США и Запада (а также КНР) в Средней Азии.

Развитие отношений с Россией для Узбекистана принципиально важно. И приостановка членства в ОДКБ на самом деле мало что значит. Накоплен многолетний опыт ежедневного обмена информацией между спецслужбами и другими силовыми структурами двух стран. Существует и фундаментальная правовая база российско-узбекских отношений – Договор о стратегическом партнерстве от 16 июня 2004 г., а также Договор о союзнических отношениях между Узбекистаном и Россией от 14 ноября 2005 г. И в Ташкенте надеются, что в ближайшее время Москва более четко обозначит свои позиции в регионе, что позволит среднеазиатским странам точнее расставлять акценты во внешней политике.

Двустороннее взаимодействие между Узбекистаном и Россией в отличие от многосторонних форматов (в частности, ОДКБ) позволяет решать возникающие проблемы быстро и эффективно. Почему руководство страны с осторожностью относится к многосторонним форматам? Ташкент убежден, что участие Белоруссии и особенно Казахстана в Таможенном союзе имеет массу негативных последствий. А значит, интеграционные проекты могут привести к социальной напряженности и росту национализма в стране.

Вероятность дестабилизационных сценариев по типу «арабской весны» или украинского Майдана в Узбекистане минимальна. Андижанские события 2005 г. показали, как будут реагировать на подобные попытки узбекистанские государственные структуры. Есть и другие менее известные, но не менее характерные примеры. Но вот угроза влияния извне является вполне реальной для всех держав региона. В Ташкенте внимательно наблюдают, например, как в соседней Киргизии идет процесс сращивания экстремистских и террористических группировок с организованной преступностью и государственными структурами, в том числе и с силовыми. Узбеки с удовольствием сочли бы происходящее внутренним делом Киргизии, но Узбекистан находится в центре региона, и стабильность в нем напрямую зависит от того, что творится в сопредельных государствах.

Афганский проект: Хаотизация Центральной Азии

Серьезным вызовом для среднеазиатских государств, безусловно, является Афганистан. Рассматривать происходящее в этой стране и соседних государствах следует через призму известного проекта, получившего в Вашингтоне название «Большой Ближний Восток». События «арабской весны», а теперь и «русской весны» доказывают правильность такого подхода. Мировая история, по крайней мере, в ключевых регионах мира, окончательно стала проектной. Ни одна революция ни в одной стране мира, начиная с 1789 г., не была следствием внезапного социального протеста. В событиях, которые приводят к смене власти, практически всегда присутствует внешний фактор. Для осуществления революций разрабатываются специальные технологии, к началу XXI в. ставшие весьма изощренными.

Афганистан – тоже проект, который имеет свою историю, традиции, законы реализации, сформированные еще в период так называемой «Большой игры». В начале «нулевых» этот проект, конечно, структурно изменился, приобрел новую динамику.

Надуманые страхи, связанные с предстоящим выводом войск США и НАТО из Афганистана, не имеют ничего общего с реальными тенденциями, существующими на афганском направлении. В обозримой перспективе один из наиболее вероятных сценариев развития Афганистана – раскол страны на этнополитические анклавы, которые будут находиться в состоянии конфронтации, а временами и войны между собой. После прошедших в стране президентских выборов эксперты прогнозируют резкое ухудшение этнополитической ситуации. Дело в том, что рост политического самосознания этнических меньшинств, в первую очередь таджиков, входит в непримиримое противоречие со стремлением пуштунской элиты сохранить и усилить свои доминирующие позиции в государстве. Предстоящая фрагментация Афганистана для среднеазиатских республик имеет двоякое значение.

Независимо от окончательных результатов афганских выборов соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Кабулом и Вашингтоном – лишь вопрос времени. Согласно данному соглашению, на территории Афганистана остается девять полноценных военных баз США: в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе, Герате, Кандагаре, Шурабе (Гильменд), Гардесе, Джела-

лабаде, Шинданде. Кроме того, американцы получают право использовать в военных целях международные аэропорты Кабула и Герата, а также право военного присутствия в наземных пограничных пунктах Торхам и Спинбулдак (граница с Пакистаном), Тургунди (граница с Туркменистаном), Хайратон (граница с Узбекистаном) и Шархан-Бандар (граница с Таджикистаном).

При этом, по условиям договора, Соединенные Штаты полностью снимают с себя ответственность за обеспечение безопасности в стране, перекладывая ее на афганские национальные силы (ANDSF). Однако, как утверждается в проекте соглашения, «стороны признают, что в Афганистане могут проводиться американские военные операции для победы над “Аль-Каидой” и аффилированными с ней организациями, если того требуют интересы борьбы с терроризмом». По сути, у США остается право на ведение боевых действий по своему усмотрению.

Легко представить, как будет развиваться ситуация в Афганистане, после того как обеспечивать порядок в стране станут ANDSF. Принадлежность военнослужащих к различным этническим группам, насильственная в ряде случаев мобилизация, низкий уровень подготовки и дисциплины, коррумпированность офицерского состава – далеко не полный перечень проблем, делающих ANDSF недееспособной организацией. Но, пожалуй, самым серьезным вызовом станет массовое дезертирство (ежегодно до 50 тыс. солдат отказываются от службы в афганских силовых структурах). Часто военнослужащие вербуются противником: в воинских частях активно действует агентура «Талибана».

Непростой задачей является подготовка высшего офицерского состава, что объясняется, в частности, низким уровнем образования в афганском обществе. Силы безопасности не в состоянии самостоятельно обслуживать сложную технику, заниматься логистикой, планировать боевые операции. Оставшись без серьезной поддержки со стороны США, они могут повторить печальную судьбу афганской армии после вывода советских войск. Хотя, надо заметить, режим Наджибуллы оказался на удивление прочным: он продержался три года. Нынешняя кабульская элита, скорее всего, столько не протянет. Военнослужащие разбегутся – кто к талибам, кто в другие боевые отряды (в Афганистане они есть у каждого уважающего себя политика).

Не совсем понятно, как будет складываться ситуация на северо-западе Афганистана и какая роль отводится признанному когда-то лидеру афганских узбеков генералу Абдулу Рашиду Дусту-

му. Бывший советник президента Узбекистана Рафик Сайфулин убежден, что «в случае раскола Афганистана на воюющие анклавы, зона, которую способен контролировать Дустум, может стать буфером для Центральной Азии». Однако в настоящее время, по данным некоторых источников в Кабуле, Дустум парализован и находится на лечении в Стамбуле. Учитывая динамичность афганской политической жизни, это может означать конфликт между другими узбекскими лидерами и дестабилизацию одного из ключевых регионов страны.

Раскачать ситуацию на северо-западе Афганистана могут и туркменские этнические группировки, которые вот уже несколько лет действуют в провинциях Фарьяб и Батгис. Одна из них под названием «Такфир» напрямую связана с пуштунскими талибами. Среди туркменских отрядов идет непрекращающаяся борьба за власть. Причем ситуация в регионе, примыкающем к границе с Туркменией, считается наиболее опасной. Здесь нет весомых политических сил, которым можно было бы оказать поддержку в обмен на лояльность и хотя бы относительную стабильность в приграничье.

К тому же у Казахстана, России, Узбекистана, ОДКБ и ШОС отсутствуют какие-либо системные связи с государственными структурами в Ашхабаде. Поведение Туркмении непредсказуемо, а ее способность обеспечить собственную безопасность вызывает большие сомнения. Дополнительной проблемой является популярность идеологии пантюркизма, которая активно и весьма успешно распространяется среди туркмен и узбеков последователями Фетхуллага Гюлена, находящимися в составе турецкого контингента ISAF и так называемых «команд по восстановлению» (Provincial Reconstruction Teams). Не меньшую угрозу представляет и ваххабизация региона, которая ведется саудовскими эмиссарами через местных мулл и имамов от Герата до Мазари-Шарифа и точно в других регионах афганского Севера.

В общем, среднеазиатские правители должны очень внимательно отслеживать ситуацию в Афганистане и делать всё от них зависящее, чтобы центробежные тенденции не были перенесены на территорию бывших советских республик.

Эффект «афганского домино»: Слабые звенья региональной безопасности

Во внешне стабильной Туркмении, безусловно, может проявиться эффект «афганского домино». На протяжении многих десятилетий в органах власти здесь доминируют представители одного племени теке (или ахал-теке), что вызывает растущее недовольство населяющего западный Балканский и северный Дашогузский велаяты племени иомудов. В Балканском велаяте расположена значительная часть объектов газодобычи. А поскольку газовые месторождения являются основным сектором экономики страны, сепаратистские настроения в Западной Туркмении очень сильны. Ситуация осложняется наличием крупных туркменских диаспор в сопредельных странах. В приграничных районах Афганистана проживает около 1 млн туркмен, преимущественно племена иомудов, а в приграничье Ирана – более 1 млн 300 тыс. туркмен, которые также не принадлежат к племени теке. Общая численность населения Туркмении при этом составляет около 5 млн человек.

Развитие конфликтных процессов в Юго-Западном Афганистане и вероятность их перемещения на территорию Туркмении позволяет – пока гипотетически – прогнозировать формирование кризисной оси Афганистан – Туркменистан с выходом на казахстанский Прикаспийский регион и последующим развитием в направлении российского Кавказа, Поволжья и Приуралья.

Страны, входящие в эту ось, могли бы заниматься проблемами безопасности региона и реагировать на рост китайского присутствия на Каспии и в Средней Азии, а также на попытки воспрепятствовать этому со стороны глобальных конкурентов КНР.

В отличие от Туркмении, простая «афганизация» или «хаотизация» Узбекистану не грозит. Но фрагментация Афганистана неизбежно влечет за собой серьезные риски, требующие асимметричных ответов, – наркопроизводство и наркотранзит, а также подготовка террористических группировок для действий за пределами афганской территории,

Именно в Афганистане по-прежнему базируется небезызвестное Исламское движение Узбекистана, которое давно превратилось в международную террористическую структуру и легко может повернуть свои «штыки» против Ташкента. Что касается проблемы наркотранзита, то около 80% наркотиков попадают в республику не напрямую через афганскую границу (эта граница довольно тщательно контролируется), а с территорий Таджикистана и особенно Киргизии, границы с которыми относительно открыты.

Киргизия, Таджикистан и Туркмения – наиболее слабые звенья региональной безопасности. Руководство Таджикистана никак не комментирует ситуацию на Украине и старается не замечать настроения общества, которое однозначно высказалось в поддержку воссоединения Крыма с Россией. При этом власти усиливают давление на остатки оппозиции – вероятно, это должно свидетельствовать о том, что начальство усвоило украинские уроки. В силу географической изолированности Таджикистана интеграционные процессы на постсоветском пространстве пока не столь актуальны для руководства республики, у него еще есть время для принятия решения. Тем не менее Душанбе критически зависим от Москвы по целому ряду жизненно важных направлений – от обеспечения безопасности до положения таджикских трудовых мигрантов. И неудивительно, что власти Таджикистана не увлекаются антироссийской риторикой и уж тем более не способны на какие-то практические антироссийские действия.

С другой стороны, прямо поддержать позицию России официальный Душанбе не может. Интересы Таджикистана переплетаются с интересами США, других западных стран и Украины. Таджики не раз заявляли о своей приверженности пресловутой многовекторности. Немалую роль в политике Душанбе на украинском направлении сыграл и вопрос, связанный со строительством Рогунской ГЭС, давно уже превратившийся в республике в национальную идею. Турбины для будущей ГЭС были заказаны на предприятиях Незалежной, поэтому в Таджикистане внимательно следят за тем, как разворачиваются события на украинском Юго-Востоке.

Что касается эффекта «афганского домино», в последнее время таджикские эксперты из числа приближенных к президенту Рахмону активно рассуждают о планах внешних сил по созданию исмаилитского государства на Памире и исламистского – в Ферганской долине. При этом в некоторых регионах страны правящий режим может навести порядок лишь с помощью специальных войсковых операций, как это случилось в Горно-Бадахшанской автономной области в 2012 г. И хотя осенью 2013 г. победу на президентских выборах в очередной раз одержал Эмомали Рахмон, что, безусловно, стало свидетельством способности местной политической элиты к мобилизации, таджикам пора выработать более четкую позицию по поводу участия в интеграционных проектах, инициированных Россией.

Троянский конь Средней Азии

В Киргизии позиции власти очень слабы, президент Алмазбек Атамбаев практически не контролирует ситуацию в стране. Основные решения принимаются несколькими группами влияния в аппарате президента, правительстве, отдельных министерствах, частично в парламенте. Вопросами внешней политики в основном занимаются давние лоббисты западных интересов: Сапар Исаков (руководитель отдела внешней политики аппарата президента), Эрлан Абдылдаев (министр иностранных дел), Фарид Ниязов (советник президента).

Символично, что визит в Бишкек помощника госсекретаря США по странам Южной и Центральной Азии Ниши Бисвал совпал по времени с назначением на пост премьера Джоомарта Оторбаева. В свое время он работал старшим советником Европейского банка реконструкции и развития по вопросам инвестиционного климата, был членом наблюдательного совета Американского университета в Центральной Азии и президентом Ротари-клуба. Оторбаев считается политиком ярко выраженной прозападной ориентации, и его назначение резко усиливает прозападные настроения в киргизском политическом истеблишменте. Следовательно, можно прогнозировать, что и без того непростой процесс вступления Киргизии в Таможенный союз затормозится, начнется постепенное замораживание российско-киргизских отношений.

У США есть мощный инструмент давления на Атамбаева, если тот будет пытаться сблизиться с Москвой, – внесистемная (непарламентская) оппозиция, костяк которой составляет группировка Равшана Жеенбекова – Национальное оппозиционное движение (НОД). Жеенбеков – откровенно проамериканская фигура. В его движение вошли многие киргизские политики, оказавшиеся в настоящее время не у дел. Среди них бывший мэр Оша Мелис Мырзакматов, бывший глава партии «Ата Журт» Камчибек Ташиев, экс-генпрокурор Азимбек Бекназаров. НОД – объединение временное, и лидерство Жеенбекова более чем формальное.

Кроме того, в стране как грибы растут НПО прозападной ориентации. Вопросы вступления Киргизии в Таможенный союз, продажи «Кыргызгаза» «Газпрому» и возможная покупка «Роснефтью» контрольного пакета акций аэропорта «Манас» – вот

главные раздражители для прозападных активистов. При этом в стране ухудшается социально-экономическая ситуация, а значит, вероятность давления на Атамбаева становится все более реальной и не исключено, что вскоре мы услышим требования его отставки.

Любопытно, что проправительственные СМИ в Киргизии связали визит Бисвал в Бишкек с активизацией фронды. И хотя в реальности никаких контактов с оппозицией помощник госсекретаря не имела, многие эксперты полагают, что по итогам поездки следует ожидать изменений в политике США на киргизском направлении. Пока же директор ЦТП «Манас» Джон С. Миллард отказывается комментировать информацию о строительстве в аэропорту и на других американских объектах на территории республики радарных установок и возведении нового здания посольства США, где предположительно будет размещено оборудование радиоэлектронной разведки.

Киргизия давно уже стала местом, где базируются оппозиционные силы, призванные дестабилизировать обстановку в соседних странах. Именно в киргизском Оше в 2005 г. готовились боевики, поднявшие мятеж в узбекском Андижане. А после подавления мятежа они бежали в западные страны через киргизскую Джалал-Абадскую область. В курортных заведениях на озере Иссык-Куль представителями американских и европейских НПО регулярно проводятся конференции, семинары и тренинги для представителей оппозиции из всех среднеазиатских государств.

Впрочем, в последнее время активность Агентства США по международному развитию, организации «Международная тревога», Национального демократического института международных отношений, Международного республиканского института, фонда Конрада Аденауэра, фонда Джорджа Сороса и им подобных сместилась на Юг республики, подальше от бишкекских властей, которые, впрочем, и так смотрели на деятельность этих миссионеров сквозь пальцы. Ведь даже в местные неправительственные организации 70% денежных средств поступает из бюджета иностранных государств, 20% – из бюджета транснациональных коммерческих компаний, и только 10–15% составляют частные пожертвования. А поскольку альтруизма во внешней политике быть не может, получается, что 70% средств, полученных НПО, идут на цели, далеко не всегда соответствующие национальным интересам Киргизии, а зачастую прямо им противоречащие. Более того, эти организации часто нарушают существующие международные нормы по противодействию отмыванию преступных доходов, используемых для

финансирования экстремистской, а иногда и террористической деятельности в других государствах.

Российский полюс и крах политики «многовекторности»

Общий анализ ситуации в Афганистане, Таджикистане и Киргизии позволяет сделать вывод, что в ближайшее время эти три страны превратятся в единую конфликтную зону. В пользу этого предположения свидетельствует низкий уровень охраны государственных границ между Афганистаном и Таджикистаном, Таджикистаном и Киргизией. Несомненно, негативное развитие событий в регионе окажет воздействие на Узбекистан и Казахстан. Не исключено, что Россия и Казахстан примут участие в военной миссии ОДКБ, что лишь подольет масла в огонь и приведет к разрастанию конфликта. В итоге Средняя Азия уже не в проектном, а во вполне реальном измерении станет частью «Большого Ближнего Востока», который находится в состоянии перманентного вооруженного противостояния. В этой связи нельзя назвать случайными регулярные обострения таджикско-узбекских, таджикско-киргизских и узбекско-туркменских отношений. По словам экспертов, если, скажем, возобновление межэтнического конфликта на Юге Киргизии совпадет с напряженностью на таджикско-узбекской границе, это может привести к дестабилизации всего региона.

Что касается отношения к России и евразийской интеграции, в среднеазиатских странах оно очень разное. Тем не менее можно выделить некоторые общие черты. Выступая на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г., Владимир Путин обозначил свое видение роли России на пространствах бывшего СССР и в международной политике в целом. Тогда Президент РФ впервые высказал упреки Западу, обозначив как проблемы, так и те условия, на которых Россия готова сотрудничать с США и Европой.

Для государств СНГ, в том числе и для стран Центральной Азии, это означало, что время балансирования в рамках концепции многовекторности истекает и вскоре им будет предложено окончательно определиться со своими приоритетами во внешней политике. Мало кто воспринял этот сигнал правильно, как, впрочем, и следующий сигнал – августовскую войну 2008 г. и признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

Украинский кризис окончательно расставил точки над *i*, и хотя это создает определенный дискомфорт для правящих среднеазиатских элит, ясность лучше неопределенности. И при условии что напряженность между Россией и странами НАТО будет возрастать, государства – участники ОДКБ (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения) и их союзники (Узбекистан) вынуждены быстро решать, имеет ли смысл продолжать сотрудничество с Альянсом. Тем более что события на Украине показали со всей очевидностью: несмотря на воинственную риторику, вмешиваться в конфликты на постсоветском пространстве ни США, ни НАТО не готовы.

Существование сфер влияния великих держав и так называемых стран-сателлитов всегда было данностью международной жизни. Действия России на Кавказе в августе 2008 г., присоединение Крыма и последующее переформатирование Украины заставляют постсоветские элиты отказаться от политики многовекторности. Новые реалии стремительно меняющейся системы международных отношений сокращают поле для маневра. Региональные игроки будут вынуждены действовать в ситуации конфликта игроков глобальных.

Чтобы разработать разумную внешнеполитическую стратегию, среднеазиатским странам необходимо разобраться, какие интересы преследует в регионе каждый из внешних акторов. При этом следует иметь в виду, что мы живем в эпоху деградации международного права и международных институтов, либо оказавшихся втянутыми в реализацию политических планов отдельных держав (ООН), либо ставших инструментами вмешательства в дела суверенных государств (ОБСЕ).

Необходимо признать, что события последних лет – расчленение Югославии, признание независимости Косова, Абхазии и Южной Осетии, а теперь и происходящий на наших глазах раздел Украины – свидетельствуют о том, что международное право не способно больше играть роль правового регулятора международных отношений. Тем более что речь идет о праве, в котором изначально присутствовали два противоречащих друг другу принципа – территориальной целостности и самоопределения народов. И нет никаких гарантий, что подобные прецеденты, подразумевающие перенос границ и признание разнообразных сепаратистских проектов, не повторятся в любом другом регионе мира, в том числе и в Центральной Азии.

Современный глобальный финансовый кризис одновременно означает и обострение кризиса классической либеральной демократии. Глобализация привела к окончательной девальвации всех универсалистских проектов эпохи модерна – либерально-демократического, социалистического и пр. Новые реалии – это мир, в котором ведущие игроки конкурируют друг с другом в условиях жесткой борьбы с системными кризисами капитализма. А всякий глобальный кризис, как правило, заканчивается глобальной войной за переустройство и передел мира, доступ к энергоносителям, коммуникациям и иным стратегическим ресурсам.

Анализ современных международных процессов требует уже не только и не столько геополитического, сколько геоэкономического подхода. Новый уровень связей делает негодными традиционные способы и инструменты реализации интересов государства и капитала. Геоэкономическая парадигма ставит под вопрос состоятельность доктрины национальных интересов, сформулированной в эпоху геополитики. Сегодня национальным государствам в большей степени, чем когда-либо, приходится учитывать региональные и мировые процессы.

Все это говорит о необходимости кардинальных изменений во внешнеполитических концепциях развивающихся и до конца не состоявшихся стран, к числу которых, безусловно, относятся государства Центрально-Азиатского региона. Эти изменения должны быть связаны с обеспечением прав этнических меньшинств, вопросами территориальной целостности и национальной безопасности.

И главное, среднеазиатские страны должны определиться, на какой внешний центр силы они будут опираться. Геоэкономическим полюсом для них может стать как Россия, так и Китай. Все зависит от того, способна ли та или иная держава подчинить других акторов своим внешним и внутренним интересам. Россия демонстрирует сейчас, что ей это по силам. И возможно, она сможет успешно завершить собирание земель, включив в евразийский проект все бывшие советские республики Средней Азии.

«Однако», М., 2014 г., июнь-июль, № 174, с. 138–149.

Д. Космаенко,
политолог (МГЛУ)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА

После распада СССР бывшие советские республики, в том числе и страны Центральной Азии, в частности Узбекистан, были вынуждены искать свои пути социально-экономического и политического развития. Специфика их политических систем объясняется особенностями исторического развития, цивилизационными особенностями, а также спецификой политической культуры. Без изучения специфики политических процессов, политической системы и ее компонентов невозможно составить адекватное представление о политической жизни Республики Узбекистан. Кроме того, понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений. На сегодняшний день это особенно важно для Российской Федерации, главная цель которой – сохранить и укрепить свое присутствие и влияние в регионе.

В настоящее время в политической жизни региона наблюдается приближение естественного цикла обновления правящих элит, что может повлечь за собой изменения во взаимоотношениях между странами. В связи с грядущими переменами необходимо иметь представление о расстановке сил на политической арене Узбекистана и возможных сценариях развития.

Основными этапами формирования политической системы Узбекистана можно считать период Российской империи, советский период и период независимости.

Узбекские территории были завоеваны и колонизированы Российской империей в XIX в. Под влиянием России на среднеазиатских территориях стали развиваться капиталистические отношения, что повлияло на трансформацию традиционного общества. Созданная промышленность была ориентирована на обработку хлопкового сырья, что заложило основу будущей экономической направленности региона.

Основными результатами советского периода стало создание предпосылок для появления политических элит. Это объясняется тем, что историко-географическое деление Узбекистана на регионы привело к разделению узбекского этноса на кланы. По сей день клановое деление имеет значительное влияние. Наиболее значительную роль в советском и постсоветском политических процессах играли три клана – ташкентский, ферганский и самаркандско-джизакский.

Советская структура органов была приспособлена к традиционному обществу, наполняя ее своим содержанием. Тем не менее в советский период сохранялись традиционные земляческие отношения и опора на традиционные (неформальные) устойчивые институты, такие как махалла или суд казиев. Узбекская ССР продолжала сохранять общинный уклад, коллективную ответственность и почитание власть имущих и состоятельных. Кроме того, особенность политической системы Узбекистана в советский период состояла в относительном невмешательстве Центра в обмен на лояльность местных лидеров.

Говоря об эпохе после распада Советского Союза, следует отметить, что, несмотря на наличие демократических институтов, власть моноцентрична и не существует акторов, которые могли бы на данный момент изменить ситуацию.

Это доказывает и структура институциональной подсистемы. Согласно Конституции Республика Узбекистан является суверенной демократической республикой. Президент определен Конституцией как глава государства и глава исполнительной власти. Несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, он остается ключевой политической фигурой, так как его полномочия весьма широки, причем во всех трех сферах власти (законодательной, исполнительной и судебной). Примечательным является тот факт, что в Конституции отсутствует процедура импичмента, что делает власть президента фактически неуязвимой и абсолютной.

Несмотря на тот факт, что президент избирается сроком на пять лет и может занимать эту должность не более двух сроков подряд, Ислам Каримов является главой государства вот уже 23 года (с 1991 г.). Такая ситуация сложилась из-за того, что в марте 1995 г. парламент принял решение о проведении референдума относительно продления президентских полномочий Каримова до 2000 г., по результатам которого он остался во главе страны. Это, практически десятилетие у власти, не берется в расчет. С 2002 г. срок президентских полномочий был продлен до семи лет, таким образом, Ислам Каримов занимал пост главы государства до 2007 г., а затем был переизбран до 2014 г. Примечательно, что в 2011 г. срок полномочий президента был вновь сокращен до пяти лет.

Законодательную ветвь власти представляет Олий Мажлис, состоящий из двух палат – Сената и Законодательной палаты. В настоящее время в палате представлены (по результатам выборов 2009 г.) четыре политические партии: Либерально-демокра-

тическая партия Узбекистана – 53 места, Народно-демократическая партия Узбекистана – 32, Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш» – 31, Социал-демократическая партия «Адолат» – 19 мест.

Несмотря на наличие четырех парламентских партий, многопартийность и политический плюрализм весьма условны. На выборах реально не были представлены оппозиционные партии, а партии, которые позиционируют себя таковыми, являются нелегальными. В целом оппозиция достаточно слаба, не пользуется реальным политическим влиянием. Стоит отметить, что появление некоторых партий было стихийным и обусловлено, судя по всему, не интересами определенного слоя общества, а необходимостью обеспечить требуемые законом условия проведения выборов.

К новым выборам вполне вероятно появление новых партий либо объединение старых. Тем не менее предпосылок для коренных изменений системы нет. Тому причиной служит отсутствие конструктивной оппозиции. Несмотря на жесткость политического режима, существуют нелегальные оппозиционные организации. Среди них наиболее организационно оформленными являются партия «Эрк», вошедшая в Народное движение Узбекистана, и «Бирлик», хотя последняя проявляет гораздо меньшую активность и практически не участвует в политической жизни страны.

Еще одна важная составляющая институциональной подсистемы – СМИ. Несмотря на провозглашенную свободу, существует негласный список «запретных тем», таких как критика президента и его семьи, нарушения прав человека, деятельность оппозиционных партий и движений, андижанские события. Практически все негосударственное телевидение Узбекистана объединено в Национальную ассоциацию электронных СМИ. Но и они не затрагивают неблагоприятные темы и выполняют, в основном, развлекательную функцию.

Функциональная и культурная подсистемы, как и институциональная, являются одними из важнейших элементов политической системы.

Культурная подсистема во многом определяется политической культурой, а политическая культура стран Центральной Азии сильно отличается от западной, ей чужды демократия и свобода в западном понимании. Отличительной особенностью политической культуры узбекского народа является так называемая махалла. Это своеобразное дворовое собрание, имеющее глубокие исторические

корни. Именно там происходит и политическая социализация и воспроизводятся основные ценности. Сам Ислам Каримов в своих речах и программах неоднократно апеллировал к махалле как одной из важнейших составляющих узбекского общества. Тем не менее обратная связь с вышестоящими органами затруднительна.

Также стоит отметить, что в Узбекистане сохраняются традиции патернализма, которые присущи любому мусульманскому обществу. Большая часть населения страны считает государство системой справедливого распределения социальных благ, рассматривает его как проводника страны по пути к всеобщему процветанию. Это можно объяснить самой восточной и мусульманской культурой, где государственная власть представляется как институт, призванный воспитывать народ, поощряя в нем добродетели. Кроме того, в общественно-политическом сознании узбеков присутствует ощущение органической связи со своим лидером.

Что касается функциональной подсистемы, которая включает в себя методы осуществления политической власти, следует обратить внимание на проведение избирательных кампаний и функционирование партийной системы. Проведенный ретроспективный анализ показывает, что президентские кампании отличались формальной альтернативностью (де-факто – безальтернативностью), что характерно для авторитарных режимов. Тот же факт подтверждается парламентскими выборами, где побеждает всегда партия власти (сначала Народно-демократическая партия Узбекистана – преемница Компартии Узбекистана, затем на ее место пришла Либерально-демократическая партия Узбекистана).

О функционировании партийной системы уже упоминалось ранее. Хочется отметить, что существующие партии, скорее всего, были порождены действующей властью и проявляют свою активность, в основном, только в период выборов, что также говорит об их лояльности режиму.

Изучая отдельные элементы социально-классовой структуры, следует обратить внимание на политическую элиту, рекрутирование которой является важной частью функциональной подсистемы. Политическая элита Узбекистана является одной из самых закрытых во всей Центральной Азии. Ее основным признаком является территориальная или клановая принадлежность. Несмотря на попытки ослабить клановую систему в советское время (например, «хлопковое дело»), она сохранилась и даже укрепилась. После развала СССР старая клановая система не распалась, этот процесс тормозится в условиях сильной президентской власти

и централизованного регулирования экономики. По некоторым оценкам, кланы играли значительную роль в переходном процессе и принятии многих политических решений.

Таким образом, на основе проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что политическая система современного Узбекистана тяготеет к авторитарному типу политических систем, если за основание классификации взять режим. Подтверждением тому являются приведенные факты, свидетельствующие о единоначалии, отсутствии реальной оппозиции. Демократические права и свободы, независимость средств массовой информации существуют лишь де-юре. Тем не менее, несмотря на слабые попытки разрушить данную систему извне, предпосылок для кардинальной смены и режима и изменения всей политической системы не наблюдается из-за отсутствия сильных политических акторов, противостоящих режиму.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

И. Кочедыков,
политолог (МГЛУ)
**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ
УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА**

В современном политическом процессе усиливается роль политических лидеров. Фактически политика персонифицировалась. В этой связи большое значение приобретают исследования феномена политического лидерства, связанные с механизмами реализации конкретными властными субъектами важнейших управленческих функций. От эффективности управленческих действий политических лидеров зависит функционирование различных социальных структур и общества в целом.

Цель данной работы – выявление специфики политического лидерства на примере Узбекистана и Казахстана.

Политический лидер сегодня – это человек, который постоянно ведет разговор о ценностях, манифестирует их. Эти ценности вызывают эмоции у конститuentов, образуют ментальные карты. То есть речь идет не просто о формальном лидерстве, а о фактическом. Если нет такой коммуникации, то перед нами номинальный лидер, иными словами – политический менеджер.

В XXI в. политический лидер – это коллективно конструируемый продукт. Имидж создается политтехнологами, решение вырабатывается экспертами. И только в какой-то пограничной, экзистенциальной ситуации у лидера появляется решающий шанс взять на себя ответственность и совершить Поступок.

Президент Узбекистана Ислам Каримов представляет собой тип лидера-администратора. Особенности его правления являются:

- длительность нахождения у власти, которая является персонифицированной, при фактическом сохранении конфликта и баланса между различными кланами;

- как результат высокая коррупция, закрытость политики, отсутствие каналов выражения недовольства;

- поэтому в условиях кризиса требуется большая решительность на подавления, а в «мирное время» более строгий контроль над населением и «непокорными», что выливается в репрессии.

Однако при всем том такая власть пользуется поддержкой населения, так как оно обеспечивается относительным порядком и безопасностью, менталитетом и локальной идеологией, направленной на создание гражданской нации. И. Каримов амбициозен, воспринимает власть как ресурс, который можно использовать, тратить и увеличивать. Кроме того, президент способен структурировать ситуации, в которых оказывается; его отличают решительность, активность и некоторая агрессивность. Потому неудивительно, что он юридически-административными мерами закрепил свою власть.

Основная проблема – отсутствие преемника. Дочери неспособны: Лола в тени, а Гульнара вызывает всеобщую неприязнь. Гульнара замешана в крупных коррупционных скандалах. При этом она пытается играть на имидже борца с коррупцией. Делает ошеломляющие заявления. Но на роль преемника есть ряд кандидатов из людей близких к Каримову. Например, Рустам Иноятов, с легкой руки которого началась активная борьба против Гульнары Каримовой. Вместе с тем в последние месяцы идет передача ряда президентских полномочий Олий Мажлису и премьер-министру¹.

Президент Казахстана – Нурсултан Назарбаев. В ходе исследования было установлено, что он является лидером-харизматиком. По характеру он толерантен, харизматичен, хитер,

¹ Ислам Каримов рассказал о своем трудолюбии <http://lenta.ru/news/2014/05/16/president/>

но при этом, когда дело касается не Казахстана, может совершать не самые мудрые действия. В начале своей карьеры он эффективно использовал националистические чувства южан из разных областей и смог объединить их благодаря идее жузово́й консолидации. Но жузовая идентичность не может эффективно функционировать в условиях новой реальности, т.е. в режиме единоличной власти президента и его семьи.

По тем качествам, как его воспринимает народ, Н. Назарбаев является очень сильным лидером, способным политиком и грамотным управленцем, имеющим свои недостатки. Однако вопрос о будущем преемнике остается открытым. В этом вопросе заключены все страхи и ожидания казахстанцев. И политическая элита, и бизнес, и граждане опасаются, что новый глава государства не будет соответствовать масштабу фигуры Назарбаева. Таким образом, для казахстанского общества Нурсултан Назарбаев является своеобразным эталоном для определения кандидатуры следующего президента. При этом следует учесть, что со временем образ Назарбаева может быть еще более идеализирован, и соответственно, запросы к его преемнику тоже будут завышены. И несмотря на потенциальную критику и возможную негативную оценку, фигура Назарбаева в будущем будет образцом жесткого управленца, не допустившего хаоса и анархии, четко контролирующего все действия элитных групп.

В заключение надо отметить, что Нурсултан Назарбаев – политический и национальный лидер, учитывающий все особенности казахстанского общества, национальной ментальности каждого этноса, населяющего Республику Казахстан. Долгие годы у власти и поддержка его обществом тому свидетельство. Главное, что он сделал для страны, – не допустил межэтнической бойни, смог добиться поступательного развития, инвестиционной привлекательности республики, сделал Казахстан известным миру. С точки зрения классических теорий лидерства, он – харизматичный лидер, лидер-спаситель, лидер-вождь, который смог вывести Казахстан из ужаса 90-х. Вместе с тем чрезвычайная узурпация власти, клиентелизм могут в дальнейшем повлечь за собой слом всей системы и выход на поверхность старых проблем.

В данной статье я произвел попытку сделать сравнительный анализ лидеров Казахстана и Узбекистана и определил общее, особенное и единичное в жизни и деятельности каждого лидера.

Общим для И. Каримова и Н. Назарбаева является эпоха, свидетелями и акторами которой они оказались, отсюда их роль реформаторов и отцов наций; советская политическая школа.

Особенностью каждого из них является роль кланов (сохраняющееся влияние кланов, между которыми надо искать баланс и поддерживать отношения, и одновременно новые гражданские нации, со своими мифами, праздниками и героями), восточный менталитет, народная поддержка, персонифицированность, отсутствие преемника. Существуют, однако, ожидания, связанные либо с полной идеализацией нынешнего лидера, либо же с диаметрально противоположной точкой зрения (например: ожидания исламистов в отношении Каримова, бытующие в Ферганской долине). Так как отсутствуют механизмы обеспечения преемственности, то необходимо отметить наличие конфликтов, а в будущем возможны даже расколы по этноконфессиональным признакам.

Единичное для двух президентов – это их политическая психология и различная политическая ориентация. Нурсултан Назарбаев пытается продвигать статус Казахстана на международной арене. Отсюда председательство в ОБСЕ в 2010 г., вступление в Таможенный союз. В то время как Ислам Каримов в основном ориентирован на внутривнутриполитические проблемы Узбекистана.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене « Россия и мусульманский мир ».*

В. Монахов,

политолог, (МГЛУ)

БОРЬБА ЗА ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С началом XXI в. мировое сообщество столкнулось с надвигающимся кризисом природных ресурсов, в том числе водных. Высокие темпы роста населения Земли и общего потребления ставят под сомнение перспективы дальнейшего успешного развития человечества. Стремительное увеличение объемов использования водных ресурсов ведет к снижению уровня обеспеченности продовольствием. Ухудшение качества воды и ее загрязнение становятся реальными угрозами выживаемости.

Актуальность данного исследования определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, необходимостью комплексного анализа сложившихся на постсоветском пространстве отношений между республиками Центральной Азии по вопросам распределения трансграничных водных ресурсов. Будучи одним из самых обеспеченных запасами воды, регион страдает от ее неправильного и неравномерного использования. Положение усугубляется тем, что ранее курируемый единым центром, процесс распределения гидроресурсов был остановлен ввиду распада СССР и провозглашения независимости республик.

Во-вторых, потребностью в возобновлении подходов к регулированию существующих разногласий у государств региона в области водопользования. Водные ресурсы всегда были неотъемлемой частью экономики стран региона. Большинство из них являются аграрными, а следовательно, остро нуждаются в орошении своих посевных территорий. Учитывая тот факт, что основная доля гидроресурсов представлена в виде трансграничных рек, которые протекают сразу через несколько республик, любое изменение в водопользовании или строительство водных объектов неминуемо приведет к конфликтной ситуации, отражаясь на соседних государствах

В-третьих, интересами обоснования способов стабильного и безопасного развития государств Центральной Азии для России. В силу географических и политико-экономических условий регион является естественным продолжением безопасности России и СНГ на южном направлении. В данном контексте водная проблема выступает в качестве одной из причин его дестабилизации и обострения отношений между республиками.

В ходе исследования по первому пункту было установлено:

1. Проблема водных ресурсов во всех ее аспектах является одной из самых серьезных глобальных проблем нашего столетия.

2. На сегодня 97,5% всего объема от воды составляет солёная вода морей и океанов, 2,5% – пресная.

3. Особенность данной проблемы в тенденции распространяться на всё новые регионы, затрагивая всё большее количество населения.

4. В условиях высоких темпов роста населения возрастает потенциал возникновения новых водных конфликтов (яркий пример – Крым, Ближний Восток, Центральная Африка и Центральная Азия).

5. На современном этапе ощущается недостаток мер и усилий по урегулированию проблемы дефицита воды (несмотря на обилие различных международных договоров и конвенций).

6. Можно с твердой уверенностью говорить о том, что вода станет приоритетной целью политики в XXI в. (Стоит добавить, что еще в 2000 г. в Резолюции тысячелетия ООН обеспечение водой и доступ к ее потреблению были признаны одними из главных задач в области развития человечества.)

В изучении причин возникновения дефицита воды в Центральной Азии было выявлено, что дефицит воды в Центральной Азии складывается из двух факторов: естественного (рельеф местности, горное питание рек) и антропогенного.

Как мы видим, имеются две группы государств: верхнего и нижнего течения. Соответственно страны верхнего течения – это доноры, а нижнего – акцепторы. В большинстве своем все государства региона – аграрные.

Причины кризиса воды в Центральной Азии в первую очередь связаны с деятельностью человека.

1. Высокие темпы роста населения (в несколько раз с начала XX в.).

2. Увеличение площадей орошаемых земель (аграрная экономика).

3. Вода остается бесплатным ресурсом (в отличие от нефти или газа).

4. В распределении воды используются стандарты, заложенные во времена СССР, которые уже давно устарели.

5. Государства Центральной Азии руководствуются исключительно собственными интересами в процессе водodelения.

В процессе изучения международных отношений государств региона Центральной Азии по водному вопросу было установлено, что после распада СССР Киргизстан и Таджикистан были вынуждены самостоятельно нести бремя расходов по содержанию гидрообъектов, а Узбекистан, Туркменистан и Казахстан заявили о своем нежелании их финансирования, но настаивали сохранить порядок водораздела.

В этой связи между этими странами начали возникать трения по следующим вопросам:

1. По направлению реки Сырдарья (Токтогульское водохранилище Киргизстана, ограниченность энергоресурсов).

2. По направлению реки Амударья (аналогичные трудности с энергией у Таджикистана, Рогунская ГЭС).

Причины их возникновения:

1. Отсутствие консенсуса между государствами верхнего и нижнего течения.

2. Разобщенность вырабатываемой политики между структурами управления водными ресурсами.

3. Рекомендательный характер региональных структур управления водными ресурсами.

4. Отсутствие реальных межгосударственных институтов интегрированного управления водными ресурсами.

5. Отсутствие объективных сторон, выступающих в роли посредников в переговорных процессах по водным ресурсам.

При исследовании различных подходов к решению проблем дефицита воды в Центральной Азии были выделены следующие:

1. Международная поддержка (в лице Всемирного банка, 1945, ООН; Азиатского банка развития 1966; Евразийского банка развития 2006).

2. Передача институционального опыта (Берлинская водная инициатива в 2008 г.).

3. Предложения и помощь Всемирного банка.

4. Переброска части стока сибирских рек в Центральную Азию. (Крупнейшее водохозяйственное переустройство огромной территории приведет к колоссальным расходам, эффективность которых является довольно неопределенной.)

5. Концепция ИУВР (процесс скоординированного управления и развития водных ресурсов, разрабатываемый Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссией).

Присутствие России в данном контексте обосновывается, прежде всего, интересами сохранения стабильности в регионе, ибо проблема водных ресурсов – потенциальная угроза к развязыванию конфликтов, могущих отразиться на южных границах нашего государства.

Таким образом, на основе изложенного материала можно сформулировать следующие рекомендации, которые могут быть учтены при разработке и реализации политики в органах государственной власти Российской Федерации.

В теоретическом плане можно предложить следующие рекомендации:

– сформулировать конкретную позицию по отношению к региону Центральной Азии (особенно в сфере водопользования) и закрепить ее в основных официальных документах;

– принимать участие в роли посредника в переговорах по разрешению спорных вопросов, связанных с водными ресурсами.

В практической сфере можно выдвинуть следующие рекомендации:

– завершить проект строительства Вахшского каскада гидроэлектростанций в Таджикистане на реке Амударья и ГЭС в Киргизстане на реке Нарын;

– оказывать содействие в техническом обслуживании и восстановлении объектов по орошению посевных территорий;

– осуществлять контроль над состоянием водных ресурсов (к примеру, путем космического мониторинга);

– предоставлять помощь в процессе гидрогеологических исследований подземных вод.

Также нужно понимать, что в дальнейшем необходимо совершенствовать механизм межгосударственных переговоров в области охраны и защиты водных ресурсов Центральной Азии.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Шах,

кандидат политических наук (ИБ РАН)

ПУШТУНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В АФГАНИСТАНЕ И ПАКИСТАНЕ

В основе статьи лежат публицистические материалы и аналитические исследования, опубликованные на порталах ряда университетов, расположенных в пуштунских ареалах Афганистана и Пакистана: Исламского университета афганской провинции Нангархар, университета провинции Хост, Кабульского университета, университетов Пешавара и Кветты. Материалы написаны на языке пушту и принадлежат ректору университета провинции Хост Р. Бавари, ректору Кабульского университета А.Г. Ахмадзаю, профессорам и преподавателям вышеназванных университетов. Часть статей опубликована на пакистанском сайте провинции Хайбер-Пахтунхва и газеты «Ньюс Пешавари». Наиболее интересными оказались суждения и наблюдения авторов по нескольким группам вопросов: процесс пуштунизации и традиционный кодекс пуштунов; реакция на переименование Северо-Западной пограничной провинции Пакистана в провинцию Хайбер-Пахтунхва; движение «Талибан» и пуштунский национализм.

Пуштунизация и пуштунвали

Прежде всего коснемся процесса культурного и языкового поглощения, в результате которого люди непуштунского происхождения принимают культуру и образ жизни пуштунов. Следует отметить, что представители других национальностей (этнических групп) при переезде в пуштунские районы, как правило, ассимилируются, принимают кодекс чести и поведения пуштунов, называемый пуштунвали (на восточном диалекте – пахтунвали), и учат язык пушту. Пуштунизация является специфической формой

культурной ассимиляции, характерной для южных и восточных провинций Афганистана и северо-западных районов Пакистана. Понятие «пуштунизация» может относиться и к урегулированию вопросов по проживанию пуштунских племен на землях, где также живут представители непуштунских народностей. Таким образом, обычаи, традиции и языки непуштунских народов вытесняются на периферию благодаря политической власти пуштунов в Афганистане и наличию провинциальной автономии и самоуправления пуштунов в Пакистане.

Исторически этот процесс охватил земли, где власть принадлежала пуштунам, особенно в начале XVI в., когда в Делийском султанате правили афганские династии Лодхи и Сури. Процесс пуштунизации получил новый импульс в середине XVIII в., после того как представитель племени абдали Ахмад Шах стал основателем в 1747 г. афганской империи, получившей название Дуррани – по новому имени племени абдали – дуррани (жемчуг). Ахмад Шах Дуррани установил власть над огромной территорией, населенной непуштунами. После его смерти начался распад империи, ее восточные (ныне пакистанские) земли перешли под контроль государства сикхов в Панджабе, а после завоевания сикхского государства англичанами восточная область Пешавар и ряд прилегающих к ней территорий были включены в состав Британской Индии. В 1893 г. британцы навязали эмиру Кабула линию раздела единой полосы горских пуштунских племен на две части – английскую и афганскую; эта линия раздела известна как «линия Дюранда». Сегодня эта линия образует афгано-пакистанскую границу.

Попытки пуштунизации в Афганистане (Кабульском эмирате, а затем королевстве) предпринимались и в конце XIX, и в начале XX в., а в последнее время подобные устремления заметны со стороны афганского движения «Талибан». В отдельных случаях наблюдается и добровольная пуштунизация афганцев и пакистанцев непуштунского происхождения. При этом они принимают кодекс поведения пуштунов, о котором шла речь выше.

Итак, что такое пуштунвали? Это больше, чем закон и нормы, это – образ жизни, неписанные свод поведения и кодекс чести. Хотя пуштунвали восходит к доисламской эпохе, его практика не противоречит исламским канонам. Пуштунвали практикуется пуштунами Афганистана, Пакистана, а также членами пуштунских диаспор за пределами этих стран. Говоря иначе, пуштунвали пред-

ставляет собой набор правил, определяющих как индивидуальное, так и коллективное поведение в обществе.

Пуштунвали отражает наследие традиционной духовной и социальной идентичности пуштунов и, по-видимому, сформировался еще у их предков: саков, кушан и эфталитов (белых гуннов). Следование пуштунвали способствует самоуважению, независимости, справедливости, гостеприимству, любви, прощению, мести и терпимости по отношению ко всем (особенно к незнакомцам или гостям). Главными характеристиками пуштуна являются гхаярат – честь и гордость, имандари – правдивость, преданность истине, бадал – бесстрашие и отвага. Этим правилам пуштуны следуют наравне с законами ислама и шариата. Между тем, если пуштуну придется выбирать между шариатом и пуштунвали, он, как правило, сделает выбор в пользу пуштунвали. Свод правил пробуждает личную ответственность каждого пуштуна за свои действия. Исключительно важно, что пуштун волен применять пуштунвали по своему разумению, но в рамках умеренности.

Пуштунвали определяет самобытность пуштунской культуры. С его помощью удалось сохранить баланс в пуштунском социуме. По мере развития общества пуштунвали дополнялся, претерпевая различные изменения, касающиеся правовых, политических, экономических и культурных вопросов.

Ныне основными в пуштунвали являются следующие термины и понятия: хпелваки (самоуправление, полномочия), спали (равенство), джирга (собрание), мишертоб (старейшины), иззат (уважение всех людей), ругха (примирение и компромисс), бадал (в некоторых случаях мечь), барабари (эквивалентность), тига / неркх (закон), азиз / азизвале (клан, обособленность), тарбур / тарбурвали (регулирование племенного соперничества), нанг (честь), гхаярат (честь и гордость), угха варвакхел (сочувствие нуждающимся и помощь им), нанавати варвакхел (предоставление убежища), ашар (совместная работа, кооперация племен), джамена (обязательства), мелайтер (меценатство), чегха (призыв к действию), сулах (перемирие), нанавати (защита). К ключевым принадлежат понятия сабат (усердие при достижении поставленной задачи) и истисамат (упорство), а также ряд других.

Хайбер-Пахтунхва

Важный момент в жизни пуштунов Пакистана наступил 8 апреля 2010 г., когда Национальное собрание (парламент) стра-

ны согласилось переименовать Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП) в Хайбер-Пахтунхва (Хайбер – в честь главного перевала в горах между Кабулом и Пешаваром, пахтунхва – «пуштунский»). Новое название было с радостью встречено почти на всей территории провинции. И молодые, и пожилые люди танцевали под бой барабанов в Пешаварском спортивном комплексе, другие праздновали переименование на улицах. «Я получил свое имя в возрасте 18 лет», – сказал один из праздновавших жителей.

В некоторых комментариях отмечалось, что переименование – это только «верхушка айсберга», лишь начало, ибо пуштуны, живущие по обе стороны «линии Дюранда», должны начать борьбу за воссоединение. Как заявляли некоторые авторы, пуштунам «стыдно» жить в Пакистане, так как «эта страна дала нам плохое имя и представила миру как варваров и каннибалов», и всё это с той целью, чтобы ее руководители получили миллионы долларов. «Люди должны попытаться понять, – отмечалось в одном из электронных изданий, – что пакистанская разведка и военные обманывают их, выставляя пуштунов как убийц... Мир должен понять нас. Мы – мирные люди, мы ладим с другими людьми. Мы – нормальные люди, но пакистанский истеблишмент относится к нам враждебно и готов продать нас за деньги».

В других публикациях подчеркивалось, что пуштуны являются вторым крупнейшим источником рекрутов в пакистанскую армию (после панджабцев). Кроме того, их труд стал ценным источником поступления иностранной валюты, – работая за рубежом, пуштуны переводят свои накопления на родину. Миллионы пуштунов были вынуждены искать работу вдали от родины из-за действий талибов и многолетнего конфликта в соседнем Афганистане.

Переименование СЗПП, как отмечали обозреватели, поставило точку в многолетней борьбе Народной национальной партии, правившей в провинции с 2008 г. В конце концов, все основные политические и религиозные партии в парламенте выступили за переименование провинции, где пуштуны составляют около 75% населения.

Тем не менее в области Хазара, на севере провинции, где большинство составляют непуштуны, говорящие на языке хиндко (диалекте панджабского), вспыхнули беспорядки. В ответ на них главный министр провинции А.Х. Хоти заявил: «Никто не будет подвержен притеснениям из-за своего языка, цвета кожи, касты и региона. Мы будем относиться ко всем жителям Хайбер-

Пахтунхвы одинаково, и мое правительство развеет любые опасения на этот счет».

Прежнее название провинции, имевшее только географическое значение, привело к кризису самоидентификации пуштунов и мешало им противостоять афганским талибам, утверждали ученые и политики. «Из-за отсутствия идентичности нация не может развиваться. Именно это и произошло с нацией пуштунов», – сказал в интервью portalу «Средняя Азия» Х. Азиз, главный секретарь провинции. Министр информации Хайбер-Пахтунхвы М.И. Хуссейн позитивно воспринял переименование СЗПП. «Это было нашим ключевым требованием, помимо усиления автономии провинции, а так как мы добились идентичности для нашего народа, это дает нам силы бороться с проблемами», – отметил он.

Однако когда торжества закончились, правительство Хайбер-Пахтунхвы оказалось, по мнению наблюдателей, перед большим числом нерешенных проблем. Кроме борьбы с боевиками с помощью армии, оно должно было смягчить проблему нищеты и улучшить условия жизни населения. Правительство, находившееся у власти в провинции в 2008–2013 гг., судя по всему, не смогло решить эти проблемы.

Движение «Талибан»

Известно, что афганское движение «Талибан» представляет собой исламскую военно-политическую организацию. Ее боевым ядром стали пуштуны, студенты и выпускники религиозных учебных заведений (медресе), образованных в 1980-х годах в лагерях афганских беженцев в Пакистане. При создании движения «Талибан» пакистанскими спецслужбами акцент был сделан на имевшиеся противоречия между основными афганскими группировками, оказавшимися вовлеченными в междоусобную борьбу за власть после крушения в 1992 г. режима М. Наджибуллы.

Главная цель движения «Талибан» была сформулирована следующим образом: разоружить все афганские вооруженные группировки, создать государство «чистого ислама», устранить с ключевых позиций в государственных органах представителей национальных (этнических) меньшинств – таджиков, узбеков, хазарейцев.

Идеологической основой движения «Талибан» выступает так называемый «исламский национализм», базирующийся на своеобразном синтезе религиозного и этнонационального / нацио-

налистического элементов. Радикальный фундаментализм и пуштунский национализм приобрели для движения «Талибан» самостоятельное значение, стали главной идеологической опорой и одновременно движущей силой.

Вслед за своими предшественниками талибы в очередной раз в новейшей истории страны вывели исламский фактор на передний план внутриафганского конфликта. Его исламская мотивация обосновывает политическую задачу обеспечения единства Афганистана путем установления новой власти на всей территории страны. При этом неприятие прежних исламских партий и организаций (пуштунских и непуштунских) официально объясняется их недостаточной верностью исламу и даже предательством его принципов. Одновременно при мотивации членов своего движения активно используется пуштунский (националистический) фактор. Движение «Талибан» в весьма существенной мере сумело эффективно синтезировать оба вектора – конфессиональный и этнонациональный.

Как известно, впервые на афганской территории талибы появились в ноябре 1994 г.¹ Осенью 1996 г. они захватили большую часть Афганистана, поставив под свой контроль, полностью или частично, большинство провинций страны, а в начале 2001 г. их власть распространилась уже на 95% территории страны².

Потеряв власть в 2001 г., вытесненные в Пакистан афганские талибы и их союзники из числа боевиков-исламистов в настоящее время надеются вернуться к власти. Им по-прежнему противостоит главным образом так называемый «Северный альянс», пользующийся доверием непуштунского населения на Севере страны. Нет никакого сомнения в том, что талибские пуштуны и далее будут наращивать вооруженное давление на противника – правительственные, непуштунские главным образом, вооруженные силы – с целью полного установления своей власти во всём Афганистане.

Центральным положением талибской идеологии выступает тезис о нераздельности религии и политики и ключевой роли духовенства в управлении государством. При этом явно просматривается заимствование лозунга имама Хомейни – «велайят-е факих», или «хокумат-е ислами» («исламское правление»). Будущее политическое устройство государства руководство движения «Талибан» видит в форме халифата во главе с единоличным правителем – халифом. Пропагандируя преимущества идеального теократического государства («маадинат-ал-тамма») в форме халифата, идеологи талибов утверждают, что нет никакой необходимости

изобретать какие-то новые формы государственного устройства, а следует руководствоваться теми критериями, которые были заложены еще во времена Пророка Мухаммеда и «праведных халифов». Единственной своей целью они провозглашают возвращение к «золотому веку ислама». При этом они исходят из нескольких обязательных принципов при устройстве такого государства: глава общины (государства) по суннитской традиции обязательно должен быть выборным; правительство должно формироваться главой государства на основе консультаций с народом через избранных им представителей в «шуре» («совет», «исламский парламент»); управление государством осуществляется только на основе законов шариата, которые обеспечивают базовые права и свободы.

Талибы и пуштунский национализм

Пуштунский национализм в качестве тактического средства внутриполитической борьбы в Афганистане не мог появиться с подачи Пакистана. Для Исламабада объективно пуштунский национализм представляет реальную опасность. Дальнейшее развитие пуштунского национализма на качественно новом уровне вполне может привести в перспективе к созданию Пуштунистана с включением в его состав и населенных этническими пуштунами северо-западных районов Пакистана.

Идея Пуштунистана поэтому потенциально слишком опасна для Пакистана, и маловероятно, чтобы его руководство решилось бы разыгрывать карту пуштунского национализма. Скорее всего, пуштунский национализм в качестве составной части идеологии движения «Талибан» могли привнести члены фракции «Хальк» («Народ») бывшей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Их влияние в руководстве движения «Талибан» могло только возрасти после перебазирования талибов на территорию Пакистана и одновременно повышения степени их самостоятельности от Исламабада. Вчерашние политические изгои, халькисты, несомненно, сохранили некоторые идейные установки из своего недалекого прошлого. Известно, что в руководстве НДПА всегда преобладали антипакистанские настроения. Несогласие с «линией Дюранда» в качестве афгано-пакистанской границы было одной из ключевых установок любого руководства в Афганистане, не исключая и того, что находилось у власти в 1978–1992 гг.

В то же время в 1996 г. рост пуштунского национализма в рядах движения «Талибан» не был четко обозначен. К тому же

степень подконтрольности талибов Пакистану была достаточно высока, движение «Талибан» и Исламабад оставались объективно необходимы друг другу.

Вновь обращаясь к истории, отметим, что вооруженные отряды талибов в 1998 г. установили контроль над большинством центральных и северных провинций страны. К началу 1999 г. талибы контролировали около 80% территории Афганистана, в том числе районы с преимущественно узбекским и хазарейским населением. Лидер талибов мулла М. Омар провозгласил страну «Исламским Эмиратом Афганистан».

Вместе с тем формирования правительственных сил Исламского Государства Афганистан (ИГА) во главе с военным руководителем таджикского Исламского общества Афганистана (ИОА) А.Ш. Масудом при поддержке сохранивших боеспособность отрядов других антиталибских группировок, входящих в Объединенный фронт (ОФ), продолжали в той или иной степени удерживать свои позиции в провинциях Бадахшан, Тахар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари-Пуль.

В результате проведения непродуманной политики руководства Афганистана и Пакистана в Афганистане были созданы многочисленные непуштунские партии с националистическими целями и лозунгами. В противовес непуштунскому национализму в Афганистане и Пакистане среди пуштунов приобрел популярность лозунг «За чистый ислам», который, по сути, призывал всех пуштунов объединить силы в борьбе за очищение ислама везде и всюду, в борьбе против неверных, особенно представителей непуштунских групп, а также шиитов. Именно в связи с этим талибы агитировали и вооружали всех и вся под лозунгом очищения ислама и победы «пуштунизма».

«Пуштунизм» стал новой радикальной националистической идеологией. На этой волне сильно ослабело влияние умеренно настроенных националистических лидеров и их партий, в первую очередь ННП. В прежние времена именно эти силы, символами которых были Абдул Гаффар Хан, крайне популярный и в Афганистане, и в Пакистане, и его сын Абдул Вали Хан, а также Аджмал Хаттак и др., боролись за права пуштунов и лелеяли мечту об образовании пуштунского государства в составе пакистанского Пуштунистана, Белуджистана и части Афганистана.

Нужно заметить, что в сегодняшнем Афганистане пуштуны доминируют – они составляют 70% всех занятых в государственном аппарате и властных структурах, лишь 30% занятых – непуш-

туны. Из-за этого между пуштунами и непуштунами идет постоянная конкурентная борьба. В населении Афганистана пуштуны составляют меньшинство, их только 40%, остальные 60% – это таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, нуристанцы, белуджи, пашаи и др. Все они в основном мусульмане-сунниты, доля шиитов составляет 15–20%, причем шиитами являются все хазарейцы. Руководитель страны Хамид Карзай, ведущий свое происхождение из королевского аристократического племени дуррани, не пользуется популярностью ни в своем клане и племени, ни у других пуштунских племен, ни тем более в непуштунских районах. Отсутствие поддержки объясняется его неэффективностью как президента и коррумпированностью, непрозрачностью режима управления. Еще одна причина непопулярности, по мнению некоторых авторов, заключается в том, что он ранее не был полевым командиром, не возглавлял ни один отряд моджахедов. Х. Карзая считают ставленником американцев.

В связи с этим значительная часть афганских пуштунов объединяется вокруг фигуры Гулбедин Хекматяра и его партии пуштунского националистического толка «Хизб-е ислами». Большим влиянием пользуется представитель этой партии Фарук Вардак – ныне министр просвещения в правительстве Афганистана. Пуштуны также высоко ценят старую партию пуштунского националистического толка «Афган миллият» под руководством Хевада Мала. Сегодня он является советником Х. Карзая по делам национальностей.

В ряде афганских изданий отмечается, что в настоящее время основные источники дохода – торговля, транспортные артерии, соединяющие основные города, налоги и пр. – сосредоточены в руках людей, в той или иной степени близких к президенту Х. Карзаю. Это вызывает законное недовольство большинства афганского общества.

В качестве причин для недовольства существующим положением некоторые авторы приводят следующие примеры: пуштунский клан аликазай взымает дань со всех транспортных грузовых машин, проезжающих по шоссе из Кандагара в сторону Герата; пуштунские племена гильзаев контролируют транспортные пути и взимают пошлины с машин, следующих на Кабул; все дороги в сторону Пакистана находятся под контролем пуштунских племен ачакзаев (ацакзаев) и нурзаев; большинство плодородных земель Юга Афганистана находятся под контролем племен мухаммадзаев и баракзаев.

Таким образом, верхушка пуштунских племен контролирует и торговлю, и контрабанду, и, главное, доходы от производства и сбыта наркотиков – героина и гашиша.

В итоге пуштунский национализм – это основной фактор, который разделит страну по национально-племенному признаку. Нынешнее правительство проводит жесткие меры по пуштунизации. По указу Ф. Вардака, все учебники в стране публикуются только на языке пушту. Официальные документы – в том числе гражданские паспорта – печатаются лишь на пушту и английском, несмотря на то что в стране признаны официальными два языка – пушту и дари. Национализм Г. Хекматъяра принял настолько уродливые формы, что его взгляды не нашли поддержки даже у его единомышленников из других стран. Речь идет о Египте и о М. Мурси, бывшем президенте Египта, который отказался встречаться с официальными представителями Хекматъяра, прибывшими поздравить его с избранием на высокий пост.

Что касается прогнозов на период после 2014 г., а в этот год должен произойти вывод основной части иностранных войск из Афганистана и должны состояться выборы нового афганского президента, то, вероятно, это будут последние президентские выборы в стране. Не исключено, что заинтересованность некоторых кругов в США и пуштунских племен в создании «Большого Пуштунистана» поставит под вопрос само существование таких государств, как Афганистан и Пакистан.

При этом в изданиях на пушту отмечается, что в обеих странах полностью подорвано доверие к движению «Талибан», предлагаемой им модели развития общества, его руководителям и их действиям. В настоящее время, по мнению ряда авторов, движение слабо как никогда, оно лишено ведущих полевых командиров, не имеет центрального ядра.

В связи с этим становится актуальным вопрос о создании «Большого Пуштунистана». Здесь главный вопрос – это вопрос лидера. Сегодня сильного лидера у пуштунов нет. Руководители в Кабуле весьма разбогатели, между ними нет согласия, значительная часть их средств переведена за границу. Нынешним руководителям страны уже не до вооруженной борьбы и борьбы за идеологию. Все они до крайней степени коррумпированы, а потому на сегодняшний день единственной перспективной силой, способной возглавить пуштунов, представляются новые национальные движения. Только они смогут объединить пуштунскую часть Паки-

стана и пуштунский Афганистан, благодаря чему возможно будет создать новое государство.

Примечания

¹ Сикоев Р.Р. Талибы. Религиозно-политический портрет. – М., 2004.

² Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. – М., 2004. Глава IX.

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 319–327.

Е. Устинов,

кандидат исторических наук

СИРИЯ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА

Многомерность трансформационных политических процессов в странах арабского мира диктует острую необходимость их тщательного изучения и анализа. События последних лет свидетельствуют, что одной из сфер, где скрещиваются инструменты политического, экономического, информационного, морально-психологического и военного характера игроков мирового, регионального и местного масштаба, является этноконфессиональное поле. В полной мере это относится к Сирийской Арабской Республике (САР), кризисная ситуация в которой достигла уровня гражданской войны.

Детальное рассмотрение этноконфессиональной структуры этой арабской страны, особенностей и роли наиболее значимых ее элементов в социально-политической динамике, шагов сирийских властей по урегулированию кризиса, а также методов этноконфессионального манипулирования со стороны внешних сил позволяет приблизиться к более взвешенной оценке и пониманию происходящих в стране событий¹.

В предкризисный период Сирия обладала статусом одного из ведущих государств на Ближнем Востоке. Поддержанию этой позиции способствовали внешнеполитическая активность руководства республики по последовательному противостоянию агрессивной политике Израиля в регионе, планам США по сепаратному урегулированию ближневосточного кризиса, развитие партнерских отношений с Россией; тесное взаимодействие с Ираном, движе-

ниями «Хезболла» в Ливане и ХАМАС на палестинских территориях.

Формирование внутривнутриполитической ситуации Сирии обусловлено воздействием фактора многослойности ее этноконфессиональной структуры. Население САР составляет около 21 млн человек (по данным ООН 2011 г.²): арабы – 15 млн (сирийского происхождения – 14,2 млн, палестинского – 581 тыс., ливанского – 100 тыс., иракского – 60 тыс., иорданского – 40 тыс.); курды – 1,66 млн; туркмены – 132 тыс.; армяне – 73 тыс.; черкесы – 73 тыс.; персы – 58 тыс.; турки – 3,3 тыс. человек Группы других национальностей немногочисленны.

Главенствующее положение в религиозном составе населения этой арабской страны занимают представители ислама – сунниты (15,54 млн). Кроме того, в Сирии проживают значительные общины шиитов-двунадесятников, исмаилитов-низаритов (точных данных нет).

Алавиты (1,28 млн) и друзы (474 тыс.), которых по ряду причин трудно в полной мере отнести к приверженцам классического ислама, занимают специфическое положение в религиозной структуре сирийского общества.

Среди представителей христианской веры в стране – православные, греко-православные, армяно-григориане, греко-католики, марониты, халдеи, сиро-католики, армяно-католики, несториане, яковиты и др.

Нестабильность и неурегулированность ряда вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений внутри страны диктовали сирийским президентам Хафезу Асаду (1971–2000) и его сыну Башару Асаду (с 2000 г. по н.в.) необходимость проведения жесткого курса в данной сфере. Упор делался на строгий контроль над этнорелигиозными группами, активную социально-культурную арабизацию и ассимиляцию населения, сохранение территориальной и политической целостности страны. В последние десятилетия Сирию отличали авторитарная форма правления, мобилизационная модель построения общества, опора власти на мощную армию, разветвленные органы безопасности и обширный партийно-бюрократический аппарат. Такой подход позволял руководству страны надежно и устойчиво поддерживать сложившийся этноконфессиональный баланс в сирийском обществе.

Вместе с тем отсутствие в течение десятилетий подлинно демократических институтов предопределило трудности, с кото-

рыми пришлось столкнуться нынешнему сирийскому лидеру на пути реализации реформ политической системы и экономики³.

В числе наиболее острых этноконфессиональных проблем, пронизывающих сферу безопасности, экономическую, социальную и политическую области деятельности сирийского общества, целесообразно отметить: суннитско-алавитские разногласия, курдский вопрос, палестинский и друзский факторы, вытеснение из страны христианских общин, опасения малых диаспор (армян, черкесов и др.), радикализацию исламской общины.

Суннитско-алавитские разногласия

В историческом контексте разногласия между суннитами и алавитами имеют многовековую историю. Становление алавитов в качестве религиозной ветви происходило в результате одного из многочисленных расколов в исламе в последней трети IX в. Исторически объединяющим фактором для алавитов служит религиозная нусайритская доктрина. В ее рамках обычаи, обряды, праздники алавитов испытывают на себе влияние Корана, Торы, Евангелия, язычества. Вместе с тем главным источником веры для них остается ислам⁴.

Сунниты, будучи представителями классического ислама, постоянно критиковали, подвергали алавитов нападкам, угнетали и преследовали их за употребление вина, учение о переселении душ, за обожествление Али*, запрещали своим женщинам выходить за них замуж. Отдельные суннитские улемы характеризовали нусайритов в высшей степени еретиками.

После обретения Сирией независимости в 1946 г. в принципиально новых политических условиях алавиты, будучи наиболее бедной и угнетаемой, и в то же время относительно замкнутой этноконфессиональной общиной, стали вовлекаться в сферу большой политики. Их представители наравне с выходцами из других малых общин Сирии за полтора десятилетия сумели проникнуть в высшие властные структуры, а в дальнейшем заняли доминирующие позиции и ключевые посты в руководстве Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или БААС), армии, органах правопорядка и безопасности.

* Али Ибн Абу Талейб аль-Курейши – четвертый праведный халиф, двоюродный брат, зять Пророка Мухаммеда. – *Прим. ред.*

В результате, страну возглавил представитель не конфессионального большинства – суннитов, а алавит, выходец из клана нумайлатийя из племени матавира – Хафез Асад. Глава государства, харизматический партийный лидер и главнокомандующий, пользовался популярностью в народе и уважением у внутренних и внешних врагов. Однако это обстоятельство создало условия для внутренней и внешней оппозиции, в частности, членов организации «Братья-мусульмане».

Исламистская оппозиция обвиняла Х. Асада, а затем и Б. Асада в поддержке светского, а не исламского характера государства, реализации ведущей роли БААС в политической жизни страны и неоправданном сохранении в течение многих лет режима чрезвычайного положения на основе действующего законодательства, что могло свидетельствовать о попытках «узурпировать» власть. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в период президентства Х. Асада и в дальнейшем характерной особенностью партийного и государственного строительства САР являлся принцип представительства практически всех общин. Так, в период правления Х. Асада суннитами были – вице-президент Абдель Халим Хаддам, начальник объединенного штаба Вооруженных сил Хикмат Шихаби, министр обороны Мустафа Тлас и генеральный секретарь БААС Абдалла аль-Ахмар.

При Б. Асаде привлечение представителей различных этноконфессиональных структур в политические и военные круги страны сохранилось: в период кризиса новым премьер-министром САР был назначен суннит А. Сафар*. К этому стоит добавить, что Б. Асад и его брат женились на девушках из суннитских семей, и их браки были заключены в суннитском суде.

Представители предпринимательских кругов Дамаска и Алеппо, контролирующие экономическую жизнь Сирии и поддерживающие нынешнего президента страны, являются, в основном, суннитами.

Эти положения позволяют сделать вывод о несколько ошибочной оценке относительно политического строя Сирии, являющегося якобы узкоконфессиональным, национальным или племенным.

*Адель Сафар – сирийский политик, премьер-министр Сирии с апреля 2011 г. по июнь 2012 г. – *Прим. ред.*

Курдский вопрос

В числе серьезных факторов, дестабилизирующих ситуацию в Сирии, следует рассматривать курдский вопрос. Курды – вторая по численности неарабская этническая группа в Сирии (по разным оценкам, от 9 до 11% населения). Большинство исповедует суннитский ислам. Незначительная часть входит в группы езидов и христиан. В курдском обществе племенная принадлежность остается до сих пор очень важной составляющей в социальных отношениях. Преимущественно они занимаются скотоводством и ведут полукочевой образ жизни; проживают на северо-востоке страны. Среди курдов, проживающих в Дамаске и Алеппо, немало предпринимателей, представителей научно-технической и творческой интеллигенции.

В течение многих лет эта этническая группа испытывала на себе воздействие политики арабизации, режимных ограничений и экономических притеснений. Одним из наиболее болезненных вопросов для курдов являлся вопрос об официальном гражданстве. Эта проблема существовала с 1962 г., когда Указом N 93 в провинции Аль-Джазира, ныне Эль-Хасаке (пограничной с Турцией), был установлен особый ценз, лишивший гражданства около 120 тыс. курдов. Официальной целью данного шага было намерение выяснить количество курдов, нелегально пересекающих границу. Фактически же указ являлся способом установления более полного контроля над северо-восточной (нефтеносной) частью Сирии и в то же время элементом общей политики арабизации⁵.

Следует отметить, что социально-политические и экономические интересы и цели сирийских курдов имеют свою специфику, отличающую их от собратьев в Турции, Иране и Ираке.

Для них актуальными представляются решения прикладных задач в рамках новой Конституции по признанию курдской идентичности, закреплению права на культурную автономию, признанию курдского языка вторым официальным языком, обеспечению гарантированных прав, компенсации материальных и моральных потерь за многолетнюю дискриминацию.

Эти установки, а также враждебность сирийских курдов по отношению к турецким проидам во время кризиса позволили им не поддерживать радикальных исламистов в противоборстве с Б. Асадом. В этой же связи целесообразно упомянуть о готовности курдов силой оружия в составе вооруженных отрядов народной самообороны защищать свои интересы в зонах их компактного

проживания, о чем свидетельствовали меры по противодействию исламистским радикалам в годы кризиса.

Палестинский и друзский факторы

Сложности к оценке ситуации вокруг сирийского кризиса добавляет наличие палестинского фактора. Пребывание палестинцев в Сирии связано с результатами арабо-израильского конфликта – оккупацией Израилем палестинских территорий и возникновением проблемы беженцев. В Сирии находится 10 лагерей беженцев. В наиболее крупном из них – лагере Ярмук, расположенном южнее Дамаска, проживают около 140 тыс. человек.

Существенным моментом, характеризующим положение палестинцев, является неоднородность их международного статуса. Арабские государства (за исключением Иордании) отказались от практики предоставления своего гражданства тем палестинцам, которые нашли убежище на их территории и не имели никакого правового статуса.

На основании того факта, что палестинцы – фактически апатриды, а не беженцы, западные государства отказывают им в предоставлении убежища на своей территории. При этом детям палестинцев, родившимся на территории третьих стран, отказано в натурализации. Потеряв возможность пользоваться защитой государства-мандатария, палестинцы не приобрели ни статуса апатрида, ни статуса граждан государства-убежища, ни полноценного статуса беженца⁶.

До 2003 г. на сирийской территории действовал ряд палестинских организаций. Позднее под давлением США, в связи с обвинениями в пособничестве палестинскому экстремизму, их функционирование было приостановлено.

События в ходе кризиса показали, что каждая из противоборствующих сторон пыталась склонить палестинцев на свою сторону. В расчет принималось и то, что, несмотря на внутренние разногласия, палестинцам присущи боевой опыт, умение выживать в трудных ситуациях. Но более важным в современных условиях является обладание палестинскими функционерами широкими информационными возможностями по привлечению общественного мнения к своим коренным проблемам. Данное обстоятельство усиливает стремление как со стороны сирийского руководства, так и оппозиционеров манипулировать палестинским фактором в своих интересах.

Немаловажное значение для оценки ситуации вокруг сирийского кризиса имеет и друзский аспект. Друзы – арабоязычная конфессиональная группа, проживающая, в основном, в юго-восточной части страны. По оценкам востоковедов, корни формирования друзской религиозной секты связаны с ответвлением от шиитского направления и уходят в начало XI в. Друзы верят в единого Бога, его последовательное воплощение в семи праведниках, каждый из которых дополняет учение, открытое людям его предшественниками; в переселение душ. В целом, они стремятся скрывать детали своих религиозных представлений от посторонних. По их убеждениям, друзом невозможно стать, им надо родиться.

Среди друзов практически отсутствуют смешанные браки с представителями других национальностей. Они нетерпимы к вмешательству в свою жизнь. У друзов, как и у исмаилитов и алавитов, принцип мысленной оговорки (такыйя) позволяет верующему, попавшему во враждебное окружение, принимать навязываемые средой внешние правила, скрывая свою подлинную веру и даже отрицая ее на словах. В свою очередь, это религиозное правило способствует их успешной адаптации и приспособлению к окружающей среде⁷.

Представители этой религиозной группы проживают также в Ливане, Иордании, Израиле, странах Северной и Латинской Америки. На протяжении новой и новейшей истории для них в числе главных приоритетов выступали: политический нейтралитет, замкнутость, тесная сплоченность, энергичность по отстаиванию своих интересов, фокусирование на самообороне, защита земельных и собственнических интересов общины.

В последние десятилетия урбанизация, расширение коммуникативных возможностей, развитие мирохозяйственных отношений, несмотря на консервативность друзской общины, размывают ее единство. Наблюдаются нарушения традиционных черт жизни – отдельные семьи друзов покидают свои деревни и переселяются в города; переходят от занятий сельским хозяйством к работе в управленческом аппарате, культурной и образовательной сферах, бизнесе, службе в армии и органах безопасности.

Кризис в стране показал, что друзская община, несмотря на отмеченные тенденции по размыванию ее единства, оставалась устойчиво верной правительственной линии. Для защиты собственных интересов в ее рядах были сформированы народные коми-

теты борьбы с терроризмом. Их деятельность тесно координировалась с сирийской армией.

Христианские общины и малые диаспоры

Сирия является колыбелью христианства. Дамаск был одним из первых регионов, где апостол Павел проповедовал эту религию. В наши дни положение христиан в этой арабской стране вызывает серьезную озабоченность мирового общественного мнения.

В докризисный период христиан в Сирии отличали достаточно высокий, по местным стандартам, уровень жизни и материального благосостояния, сосредоточение в наиболее крупных городах. Взаимоотношения с режимом Асадов носили характер сотрудничества. Благодаря традиционной тяге к образованию, трудолюбию и групповой солидарности они занимали крепкие позиции в бизнесе, управленческом аппарате, армии, местных силовых структурах. Вместе с тем христиане, как и представители ряда других меньшинств, испытывали определенные ограничения в правах: непропорционально низкое представительство в парламенте, законодательно закрепленное отсутствие возможности занимать высшие руководящие должности в системе государственных органов⁸.

В ходе кризиса представители христианских кругов подверглись со стороны боевиков радикальных исламистских структур, связанных с «Аль-Каидой», нападкам повышенной жестокости и массовым гонениям. Экстремисты обстреливали и разрушали христианские церкви, брали в заложники и убивали священников, принуждали христиан обращаться в ислам, совершали и другие злодеяния. Результатом этих негативных процессов в последние полтора года стал массовый отток арабов-христиан из страны (по приблизительным оценкам, от 10 до 20% христианского населения).

Угрозы подобного рода сохраняют свою актуальность и в отношении черкесских этнических групп. Переселение значительной части населения Северного Кавказа на Ближний Восток в целом и в Сирию в частности связано с проблемой мухаджирства (от арабского «хаджара» – «переселяться»), относящейся ко второй половине XIX – началу XX в.

Присоединение Северного Кавказа к Российской империи в ходе Кавказской войны XIX в., притязания Великобритании и

Франции на расширение своих зон влияния, деятельность правителей Османской империи по сохранению позиций в этом регионе привели к серьезным сдвигам в географии народов Кавказа. Значительная часть коренного населения Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа эмигрировала на территории Османской империи. На Ближнем Востоке сложилось новое этнокультурное образование – черкесская диаспора, в которую влились представители разных народов Северного Кавказа. В настоящее время черкесские диаспоральные группы занимают прочные политические и экономические позиции в стране, обладают определенными информационными возможностями и протестным потенциалом, поддерживают контакты с соплеменниками в США и странах Западной Европы.

В условиях нынешнего кризиса в стране черкесская диаспора проявляла активность с целью привлечь внимание международной общественности к решению проблемы их возвращения на родину предков и признанию так называемого «геноцида черкесов». Представители черкесских этнических групп неоднократно заявляли о возрастании угрозы их безопасности со стороны повстанцев в связи с их глубокой интеграцией в военные и властные структуры Сирии. Молодежные организации зарубежных и российских черкесов, со своей стороны, использовали имеющиеся у них информационные ресурсы для обращения к властям Российской Федерации с призывом принять экстренные меры по репатриации черкесов из охваченной гражданской войной Сирии.

Радикализация исламской общины

К числу элементов, формирующих деструктивную этноконфессиональную обстановку в Сирии, в последние годы добавилась тенденция религиозной радикализации общества и широкого распространения экстремистских течений.

Обострению ситуации способствовали социально-экономические трудности, снижение уровня жизни населения, безработица, увеличение потока беженцев из соседнего Ирака (по некоторым данным, более 1 млн человек). На этом фоне исламисты, воспользовавшись некоторым ослаблением контроля со стороны местных спецслужб, активизировали работу по расширению сети нелегальных ячеек в стране и созданию при мечетях школ для воспитания молодежи в фанатично-религиозном духе.

К радикальным течениям ислама примкнула часть суннитской общины Сирии. Исламисты предпринимали усилия по внедрению своих сторонников в государственные учреждения страны и руководящую БААС.

Благодатной почвой для экстремистской религиозной пропаганды в САР стали проживающие в стране мусульмане-иностранцы, многие из которых настроены весьма радикально. В то же время подрывную работу развернули возвратившиеся с разрешения властей в Сирию из эмиграции некоторые представители организации «Братья-мусульмане».

Работа по противодействию процессу радикализации исламского общества, проводимая через Министерство вакуфов и другие государственные структуры, оказалась недостаточно эффективной, так как большая часть населения воспринимала ее как партийную пропаганду и предпочитала доверять не имеющим отношения к государству исламистским проповедникам, как местным, так и зарубежным.

Динамика развития сирийского кризиса относительно этого фактора показала, что в марте 2011 г., т.е. уже через месяц после начала выступлений демократически настроенной интеллигенции, произошло активное вовлечение в конфликт вооруженных исламистских группировок, поддерживаемых из-за рубежа. В дальнейшем они набрали вес, влияние и стали фактически одной из главных сторон – участниц конфликта. Широкое использование суннитской религиозной риторики с их стороны привело к росту сектантских настроений по всей стране.

Деятельность джихадистских формирований отличали повышенная агрессивность и необоснованная жестокость по отношению к противникам. Проявлению их активности способствовали информационная, военная и финансовая поддержка США, отдельных стран Западной Европы, Саудовской Аравии, Катар и Турции, а также участие тысяч обладающих боевым опытом наемников из Афганистана, Ливии, Ирака, Египта, Турции и других стран.

В последнее время конфликт стал приобретать черты трансформации в мирное русло. Этой тенденции способствовало то обстоятельство, что группы сирийского населения, проявлявшие симпатии к радикальным вооруженным группировкам на первой стадии конфликта, изменили оценку их перспектив и возможностей в качестве позитивной альтернативы существующей власти и приостановили поддержку оппозиции. В условиях кризиса для эт-

нических и религиозных меньшинств Сирии, с одной стороны, в значительной степени потеряла свою актуальность проблема выбора между авторитарной и демократической формами правления. Но с другой стороны, для них остро встал вопрос о выживании в ходе этноконфессиональных столкновений.

Меры властей САР по урегулированию кризиса

Оценивая шаги и меры сирийского руководства по стабилизации конфликтной ситуации в стране, нельзя согласиться с действиями оппозиционных и ряда внешних сил по «демонизации» Б. Асада. В этой связи следует отметить, что президент Сирии осознавал необходимость давно назревших реформ государственного устройства. Принципиальные решения о реализации некоторых из них были приняты еще на X съезде БААС в июне 2005 г. Уже тогда Б. Асад принял отдельные меры по смягчению режима и демократизации общества. Однако в условиях нараставшего давления «старой гвардии» из руководства БААС он не решился инициировать коренную перестройку политической системы и старался избегать резких поворотов во внутренней политике.

По мере нарастания конфликта сирийское руководство выполнило ряд требований оппозиции и предприняло серьезные шаги по демократизации существующей системы и проведению политических и экономических реформ. 24 марта 2011 г. по решению Б. Асада были освобождены арестованные в ходе подавления протестных выступлений в г. Дараа. 26 марта было объявлено об амнистии 70 политзаключенных, которые содержались в тюрьме строгого режима в Сайднайя, в окрестностях Дамаска. 27 марта власти Сирии изменили ст. 8 Конституции Сирии, определяющую партию БААС руководящей и направляющей силой в обществе и государственном управлении, и приняли новый закон о СМИ, защищающий права журналистов. 29 марта на фоне непрекращавшихся волнений Б. Асад распустил правительство. Спустя месяц было отменено чрезвычайное положение, действовавшее с 1963 г. 4 августа президент подписал декрет о введении многопартийности в стране. 15 ноября власти Сирии выпустили из тюрем 1180 человек⁹.

Что касается курдов, 7 апреля 2011 г. Б. Асад принял законодательное решение о предоставлении национального гражданства курдам в северо-восточной провинции Эль-Хасаке. Данная мера в значительной степени купировала недовольство противни-

ков режима и снизила возможности по использованию «курдского фактора» для раскачивания внутривосточной ситуации на этноконфессиональной основе.

В 2012 г. реформы продолжились. 26 февраля в Сирии прошел референдум по проекту новой конституции. Пункт 1 ст. 3 проекта новой конституции закреплял положение об исламском характере президентской республики; п. 2 утверждал, что основным источником законодательства будет исламская юриспруденция; п. 3 декларировал, что государство уважает все религии и обеспечит свободу совершения обрядов, не нарушающих общественный порядок; п. 4 утверждал охрану статуса религиозных общин. Пункт 1 ст. 8 закреплял положение о том, что политическая система государства будет строиться по принципу политического плюрализма и осуществления власти демократическим путем голосования; п. 4 запрещал участие в любой политической деятельности на религиозной, сектантской, племенной, профессиональной основе, а также дискриминацию по признаку пола, происхождению, расе или цвету кожи¹⁰.

Очередным важнейшим шагом по реформированию политической системы стали парламентские выборы в Народный совет Сирии, прошедшие 7 мая 2012 г. на многопартийной и состязательной основе. Кроме того, на погашение конфликта сирийскими властями были направлены решение об официальном перемирии 12 апреля 2012 г., а также обращение МВД Сирии, обещавшее освобождение от преследования всех, «кто добровольно сложит оружие и на чьих руках нет крови мирных граждан».

Однако, несмотря на принятие широкого пакета вышеперечисленных мер, противники действовавшего режима отвергли предложенный Б. Асадом курс на решение внутренних проблем путем проведения либеральных реформ. Радикалы заняли конфронтационную позицию, тем самым лишив власти альтернативы применению силовых мер по наведению порядка в САР.

Внешние силы и методы манипулирования кризисными ситуациями

События вокруг сирийского кризиса со всей очевидностью продемонстрировали, что значительные усилия по его активизации предпринимали внешние силы из числа игроков регионального и мирового уровня. Важнейшую роль в ходе всего конфликта играли США и их западные союзники.

США, преследуя цели обеспечения свободного доступа к энергоресурсам Ближнего Востока и Северной Африки, установления над ними жесткого контроля, идут по пути минимизации влияния России, Китая в данном регионе, создания политической нестабильности, демонтажа неугодных политических режимов и навязывания арабским странам собственных принципов построения социально-политической и экономической жизни.

Нынешняя американская администрация по-прежнему рассматривает Ближний Восток в качестве зоны своих жизненных интересов. Характерной особенностью активности американских внешнеполитических и силовых ведомств в достижении глобального лидерства является применение многоплановых подходов в решении местных этнических и конфессиональных противоречий, которые базируются на проверенном жизнью принципе – «разделяй и властвуй».

США в целях реформирования внешней политики Сирии в сторону подчиненности и управляемости пытались сломить режим Б. Асада. Решая эту задачу, американцы прибегали в этноконфессиональной сфере к применению таких методов:

- искусственное провоцирование и стимулирование сунни-то-шиитских разногласий;
- подогревание исламо-христианских противоречий;
- углубление курдской проблемы;
- затормаживание решения арабо-израильского конфликта.

В качестве наступательных принципов деятельности США использовали:

- легитимацию перед мировым общественным мнением и гражданами США путем выработки ежегодных докладов о свободе вероисповедания в странах мира (в соответствии с Законом «О международной свободе вероисповедания», принятым Конгрессом США в ноябре 1998 г.) и присвоения себе права самостоятельно избирать «международных нарушителей» в религиозной сфере, принятия к ним ими же выбранных мер воздействия;

- навязывание нетрадиционных для ближневосточных обществ религиозных или социально-политических нововведений, игнорирующих традиционный уклад жизни, но приводящих к обострению внутривнутриполитических конфликтов внутри арабских государств;

- манипулирование общественным сознанием на международном уровне с «правом на самоопределение», когда право на

самоопределение народа игнорируется в пользу права на самоопределение отдельных меньшинств;

– информационное акцентирование на ошибках в национальной политике страны для целенаправленного разжигания национальной и религиозной розни между отдельными людьми, группами, партиями;

– избирательность экономической, военной, информационной и внешнеполитической поддержки определенных этноконфессиональных партнеров в ходе конфликта; предоставление некоторым из них социально-политических и экономических привилегий и преференций;

– широкомасштабную поддержку оппозиции законным властям.

* * *

В заключение представляется целесообразным отметить, что отличительной чертой ситуации в САР является многофакторная комбинаторика взаимодействия и противоборства широкого спектра мировых и региональных сил за удержание собственных позиций в Ближневосточном регионе. Степень влияния этноконфессионального противоборства на эффективность работы системы местных органов правопорядка и безопасности позволяет объективным образом анализировать деятельность широкого спектра внешних и внутренних сил в регионе, а также более эффективно вести поиск возможностей решения ближневосточных проблем с позиции экономических и политических интересов России.

Примечания

¹ Подробнее см: Щенников А.В. Алавиты // Азия и Африка сегодня, 1993, № И (Shchennikov A.V. Alavity // Asia and Africa Today, 1993, № 11) (in Russian); Кушабиев А.В. Конфликт в Сирии и черкесская диаспора // Азия и Африка сегодня, 2012, № 7 (Kushkhabiev A.V. Konflikt v Sirii i cherkesskaya diaspora // Asia and Africa Today, 2012, № 7) (in Russian); Фахрутдинова Н.З. А была ли «арабская весна»? // Азия и Африка сегодня, 2013, № 5 (Fakhrutdinova N.Z. A byla li «arabskaya vesna»? // Asia and Africa Today, 2013, № 5) (in Russian); Федорченко А.В. Продолжение «арабской революции»: Сирийские сценарии // Азия и Африка сегодня, 2013, № 8 (Fedorchenko A.V. Prodolzhenie «arabskoy revolyutsii: siriyskiy scenariy» // Asia and Africa Today, 2013, № 8) (in Russian).

² Ethnoconfessional maps of the countries of the Near East – <http://www.joshuaproject.net/countries.php?rog3=IZ>

- ³ См.: Ахмедов ВМ. Современная Сирия: история, политика, экономика // М., ИВ РАН, Ключ-С. 2010, с. 219–225 (Akhme-dov ВМ. Sovremennaya Siriya: istoriya, politika, ekonomika. М., 2010) (in Russian).
- ⁴ Friedman Y. The Nusayri-Alawis: An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria. – Leiden. Boston. 2010. P. 5–16.
- ⁵ Зинькина Ю.В. Этнический фактор в политическом пространстве Сирии во второй половине XX – начале XXI века // Ближний Восток и современность. 2008, № 35. С. 34–44 (Zinkina Yu. V. Etnicheskiy faktor v politicheskom prostranstve Sirii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI veka // Blizhniy Vostok i sovremennost. 2008, № 35) (in Russian).
- ⁶ Авилов КА. Международно-правовое положение палестинцев // Ближний Восток и современность. 2003. № 20. С. 70 (Abilov K.A. Mezhdunarodno-pravovoe polozhenie palestintsev // Blizhniy Vostok i sovremennost. 2003, № 20) (in Russian).
- ⁷ Salibi K. Druze History // Druze heritage foundation – http://www.druzeheritage.org/dhf/Druze_History.asp
- ⁸ Christian C. Sahner. Among the Ruins: Syria Past and Present. Hurst Publishers. 2014. – P. 8–30.
- ⁹ См.: Снежанова Л.М. Конфликт в Сирии: Усилия России по недопущению дестабилизации Ближнего и Среднего Востока // Национальный институт развития современных идеологий. – М., 2012 – <http://www.nirsi.ru/166>
- ¹⁰ Project of the Constitution of Syria – <http://sana.sy/ara/369/2012/02/24/400634.htm>

«Азия и Африка сегодня», М., 2014 г., № 6, с. 30–35.

М. Пахомова,
востоковед
КНР И АРАБСКИЕ СТРАНЫ:
ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Отношения между Китаем и арабскими странами заметно активизировались после Бандунгской конференции, состоявшейся 18–24 апреля 1955 г., в которой участвовал первый председатель Госсовета КНР Чжоу Эньлай. Здесь же состоялась его встреча с тогдашним президентом Египта Гамалем Абдель Насером¹. В мае того же года был подписан китайско-египетский «Протокол переговоров по вопросам культуры», касающийся обмена преподавателями и студентами. В 1956 г. были установлены дипломатические

¹ Интересно, что еще в 1931 г. в Каир прибыла первая группа китайцев для учебы в университете Аль-Азхар, где для них было открыто специальное отделение.

отношения с Египтом, Сирией и Йеменом, а позже и с другими государствами Ближнего Востока.

Вопрос о признании КНР членом ООН стал предметом дискуссий в неоднородном арабском мире. В целом позиция арабских стран была выражена в резолюции первой Конференции неприсоединившихся государств в Белграде (1–6 сентября 1961 г.): «Участвующие в конференции страны, которые признают правительство КНР, рекомендуют Генеральной Ассамблее на ее предстоящей сессии признать представителей КНР единственно законными представителями этой страны в ООН» [Декларация глав государств и правительств..., 1975, с. 73]. Аналогичным было и решение членов Лиги арабских государств (ЛАГ) от 17 сентября 1961 г. Эти события заложили основу для развития отношений между Китаем и исламским миром, позволив каждой арабской стране выстраивать отношения с КНР, руководствуясь собственными внешнеполитическими интересами. В результате к началу 1970-х годов КНР урегулировала отношения со многими ближневосточными государствами, а признание на 29-й сессии ГА ООН (резолюция № 2758) представителей правительства КНР единственными законными представителями китайского народа предопределило начало политического диалога с рядом международных организаций, в том числе с ОИК.

ОИС (ОИК) была основана 25 сентября 1969 г. на Конференции глав мусульманских государств в Рабате. В настоящее время в ее состав входят 57 стран-членов, т.е. почти четверть всех государств мира [Официальный сайт ОИС...], общая численность населения которых достигает 1,2 млрд человек [Счетчик населения..., 2013] и постоянно растет. Намечившаяся во второй половине XX в. тенденция к росту мусульманского населения давно стала предметом дискуссий. В конце XX – начале XXI в. среднегодовой прирост мусульман составлял 2,1% (христиан – 1,3%). Если разница в темпах роста не изменится, к 2025 г. численность приверженцев ислама достигнет 30% мирового населения (христиан – 25%). То есть почти каждый третий житель Земли будет мусульманином [Белокреницкий, 2010, с. 84–96].

В связи с этим некоторые исследователи высказали предположение, что в будущем ОИС сможет претендовать на повышение своего статуса и влияния на мировой арене, а в отдаленной перспективе стать второй по значению международной организацией после ООН [Озеров, 2012, с. 91–92].

30% участников ОИС – арабские страны, вошедшие в состав Организации в период с 1969 по 1972 г., т.е. практически сразу после ее образования. Они же играют заметную роль в качестве внешнеполитических приоритетов КНР на ближневосточном направлении, хотя развитие сотрудничества с другими членами ОИС также отвечает геостратегическим интересам Китая. Именно поэтому исследование внешней политики КНР невозможно без выявления характера взаимодействия между этой страной и Ираном, Турцией и рядом государств Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Африки. Следует учитывать и большое влияние ОИС на мусульман – жителей стран, не входящих в эту организацию, в том числе на китайских приверженцев ислама.

Китайские мусульмане

В Китае насчитывается около 20 млн мусульман [Ху Чженьхуа, 2009], и их положение представляет собой важный аспект внутренней политики КНР. Прежде всего потому, что регионы с преобладанием мусульманского населения остаются среди наименее развитых экономически, нестабильных с социально-политической точки зрения и являются очагами возможного возникновения конфликтных ситуаций – как на местном уровне, так и в масштабах всей страны.

Многие аспекты вероисповедания и деятельности религиозных учреждений КНР, в том числе мусульманских, определяются ст. 34 и 36 Конституции КНР [Конституция Китайской Народной Республики], Положением по делам религии № 426, принятым Госсоветом КНР 7 июля 2004 г. и вступившим в силу 1 марта 2005 г. [Положение по делам религии...], и рядом других законодательных актов.

В стране насчитываются 56 национальных меньшинств, 10 из них – хуэй, уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, татары, таджики, дунсяны, салары, баоаньцы – исповедуют ислам [Ху Чженьхуа, 2009]. Китайские мусульмане проживают во многих районах Китая, говорят на разных диалектах и имеют различное происхождение [Завьялова, 1996, с. 140].

Большая часть китайских мусульман исповедуют ислам суннитского толка, но в Синьцзяне проживает небольшое число шиитов. В КНР выделяются две исторически сформировавшиеся ветви ислама: собственно китайская, сложившаяся в районах Внутреннего Китая, и ислам Синьцзяна с присущим ему «тюрокским колори-

том» [Основные особенности..., 2012], испытавший на себе влияние суфизма.

В настоящее время в стране действует более 35 тыс. мечетей, в которых проповедают около 50 тыс. представителей духовенства. Создано примерно 400 как легальных, так и тайных организаций, некоторые из которых отнесены к разряду террористических. Среди них – Объединенный фронт Восточного Туркестана, движение «Искра родины», Движение ислама Восточного Туркестана, «Талибан», «Движение за исламскую веру» и партия Хизб ут-Тахрир [Комиссина, 2009, с. 42–43].

Мусульманские организации КНР объединены в Китайскую исламскую ассоциацию (КИА), имеющую филиалы в разных городах и провинциях. В 2013 г. исполнилось 60 лет с момента ее создания. Основанная в 1953 г., она подчиняется Государственному управлению по делам религии и имеет постоянную штаб-квартиру в Пекине [60 лет со дня основания..., 2013]. При КИА учрежден Теологический институт. В задачи Ассоциации входят укрепление единства страны, противодействие сепаратизму и развитие дружественных связей с зарубежными исламскими учреждениями. В частности, КИА имеет постоянных представителей при ЛАГ. Один раз в четыре года проводится Всекитайская исламская конференция, на которой обсуждаются проблемы мусульманских общин, вопросы духовного воспитания и образования, паломничества и др. [Китайская философия..., 1994, с. 139]. С 1957 г. Ассоциация выпускает журнал «Китайские мусульмане», позже был создан специальный интернет-сайт [<http://www.chmaislam.net.cn/>].

Разветвленный характер имеет и китайская система исламского образования. Возобновление в середине 1980-х годов – после «культурной революции» – работы соответствующих учебных заведений и размах, с которым в них поставлена образовательная деятельность, свидетельствуют об «исламском возрождении» в КНР.

Наиболее известными мусульманскими образовательными центрами являются Китайский институт ислама в Пекине (основан в 1958 г.); Исламский институт в Шэньяне (1982), средства (245 тыс. долл.) на реконструкцию которого в 2002 г. поступили от Исламского банка развития (ИБР); Исламский институт в Синьцзяне (1987); Исламский институт провинции Хэбэй (1992); Исламский институт в Чжэнчжоу (1985) – административном центре провинции Хэнань; Пекинский исламский институт (1986) [Исламское образование..., 2013]; Исламский институт в Ланьчжоу

(2004) – административном центре провинции Ганьсу, созданный при поддержке ИБР (территория – 8.7 га, имеет семь корпусов, в том числе общежития) [Об институте в Ланьчжоу..., 2013]; Университет Нинся (1985); Исламский университет провинции Цинхай (1985), Исламский институт в Куньмине (1987).

Политическое и экономическое сотрудничество

В 1970-е годы началось формирование новой внешнеполитической доктрины Китая. Возросло значение Арабского Востока, который и раньше являлся одним из стратегически важных направлений внешней политики Пекина. Правительство КНР стало рассматривать этот регион не только как зону соперничества крупных мировых держав, но и как район, имеющий большое значение для развития китайской экономики. Следует отметить, что к тому времени Китай смог установить прочные связи лишь с отдельными государствами региона, его влияние на Арабском Востоке было незначительным, а с такими странами, как Иордания, Ливия, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн и Саудовская Аравия, еще не были установлены дипломатические отношения.

Изменения во внешнеполитическом курсе КНР совпали по времени с созданием и становлением ОИС. Отношения с этой организацией проложили путь для развития сотрудничества с исламскими государствами в области культуры и религии, а позже и в других сферах. То есть, осуществляя переход на новый внешнеполитический курс, Китай успешно использовал появление этой крупной международной организации. В феврале 1974 г. Чжоу Эньлай впервые направил поздравления в адрес очередной встречи глав исламских государств. Позже подобные послания направлялись неоднократно.

На рубеже 1970–1980-х годов была восстановлена прерванная «культурной революцией» деятельность Китайской исламской ассоциации. Заметно активизировались ее контакты с мусульманским миром, в том числе с ОИК. В 1979 г. была возобновлена практика совершения китайскими мусульманами хаджа, стали издаваться сборники хадисов (изречений) и Коран, выделяться средства на реконструкцию мечетей. В 1981 и 1984 гг. несколько делегаций ОИК посетили Пекин, Синьцзян, Шанхай, Ханчжоу и Гуанчжоу. С 1985 г. с санкции Госсовета КНР Китайская ислам-

ская ассоциация стала создавать условия для организации поездок в Саудовскую Аравию. Паломничество в Мекку совершили высокопоставленные лица Синьцзян-Уйгурского и Нинся-хуэйского автономных районов [Ма Лижун, 2012, с. 18–19]. При поддержке КИА начал происходить обмен студентами с ливийскими университетами, возобновлено сотрудничество с каирским университетом Аль-Азхар.

В 1984 г., через десять лет после начала официальных контактов, представителями ОИК в Китае был впервые организован исламский форум. Потепление отношений обуславливалось и заинтересованностью в развитии экономического сотрудничества, которое стало важнейшим фактором взаимодействия между КНР и ОИК. С 1985 г. Исламский банк развития начал оказывать финансовую поддержку Синьцзян-Уйгурскому, Нинся-хуэйскому и другим районам КНР с мусульманским населением, профинансировал ряд проектов в сфере исламского образования, а также выделил средства на реконструкцию мечетей и бурение водяных скважин в засушливых районах. В 1986 г. он предоставил Китаю более 4 \млн долл. на развитие мусульманских проектов [Ма Лижун, 2012, с. 25].

Предметом постоянного обсуждения стало создание благоприятных условий для развития исламской культуры в Китае. В 1988 г. в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) был проведен научный симпозиум, в ходе которого затрагивалась проблема свободы вероисповедания в Китае. В 1992 г. вновь состоялся визит в КНР делегации ОИК [Ян Чжибо, 1992], участники которой дали высокую оценку развитию ислама в Поднебесной, а в ноябре 1994 г. Китай посетил заместитель генерального секретаря ОИК (обсуждались условия паломничества китайских мусульман в Мекку и Медину). В апреле 1995 г. представитель ОИК встретился с группой китайских паломников в Мекке [там же]. В июле 1995 г. в КНР побывала делегация ОИК во главе с начальником департамента многосторонних связей и сотрудничества МИД Марокко [Организация исламского..., 2012].

К середине 1990-х годов КНР установила дипломатические отношения со всеми арабскими странами и Израилем (1992). Следует отметить, что развитие контактов по линии КНР–ОИК происходило параллельно и в тесной взаимосвязи с упрочением связей в формате КНР–ЛАГ. Первые политические консультации между Китаем и исламскими организациями касались палестинского и боснийского вопросов, при решении которых ОИК и ЛАГ пыта-

лись заручиться поддержкой китайского руководства [Ма Лижун, 2012, с. 20]. Впрочем, по обоим вопросам китайская позиция была весьма осторожной, свидетельством чему может послужить письмо (от 31 мая 2001 г.) министра иностранных дел Китая Тан Цзясюаня генеральному секретарю ОИК в ответ на предложение оказать поддержку Палестине в рамках СБ ООН. С присущей ему дипломатичностью Тан Цзясюань подтвердил, что Китай готов укреплять сотрудничество с ОИК, занимает последовательную позицию по вопросу палестино-израильского урегулирования и готов внести в это урегулирование свой вклад [там же, с. 20]. В июле 2005 г. состоялся первый визит генерального секретаря ОИК Экмеледдина Ихсаноглу в Китай [Организация исламского..., 2012]. Это произошло на фоне общего укрепления отношений КНР со странами Ближнего Востока и Центральной Азии, начавшегося с 2004 г., т.е. после того, как был создан Форум китайско-арабского сотрудничества и между КНР и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) начались переговоры о создании зоны свободной торговли, вошедшие в конце 2013 г. в заключительную стадию.

Главенствующие позиции в китайско-арабском диалоге занимают вопросы, связанные с экономическим сотрудничеством, положением этнических меньшинств Китая, а также с социально-экономическим развитием районов проживания мусульманского населения. В мае 2007 г. заместитель главы КИА Юй Чжэньгуй встретился с президентом Исламского банка развития Ахмедом Аль-Мадани и выразил благодарность за предоставление безвозмездной финансовой помощи на нужды развития исламской культуры и образования [Ма Лижун, 2012, с. 20].

Наглядным свидетельством того, что арабские государства заинтересованы в экономическом сотрудничестве с КНР, служат результаты китайско-саудовского симпозиума по торгово-экономическим вопросам (июнь 2008 г.), организаторами которого выступили Китайский совет содействия развитию международной торговли и Саудовская торгово-промышленная палата. По итогам симпозиума китайские компании получили подряды на ведение в СА строительных работ, в том числе на прокладку железной дороги стоимостью в 1,8 млрд долл. между Меккой и Мединой, завершённую в конце 2010 г. [Коммерсант, 11.02.2009].

Тенденции к укреплению двустороннего диалога и интенсификации контактов на высшем уровне наметились в 2010 г. В июне генсек ОИК Э. Ихсаноглу посетил КНР и поочередно

встретился с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго, министром иностранных дел Ян Цзечи, начальником Государственного комитета по делам религии Ван Цзоанем, а также провел переговоры с заместителем министра иностранных дел Чжай Цзюнем. Совместное коммюнике МИД КНР и ОИК содержало призыв к усилению переговорного процесса и расширению сотрудничества в политической, экономической, торговой и культурной сферах, а также в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [там же].

В декабре 2010 г. состоялся первый визит китайской делегации на правительственном уровне в штаб-квартиру ОИК [Организация исламского..., 2012], а в мае того же года и в июне 2011 г. послы КНР в Таджикистане (Цзоу Сюэлянь) и Казахстане (Чжоу Лисянь) приняли участие в 37-й и 38-й сессиях совета министров иностранных дел ОИК [там же]. В июне 2012 г. генеральный секретарь ОИС (бывшей ОИК) вновь прибыл в КНР для участия в первом форуме «Китай – исламская цивилизация»¹, который был проведен при поддержке Китайского центра изучения истории искусства и культуры ислама и Китайской академии общественных наук. По словам председателя Народного политического консультативного совета Китая Цзя Цинлиня, «целью форума явилось изучение культурного обмена между Китаем и цивилизациями и культурами исламского мира [Речь заместителя министра иностранных дел..., 01.06.2012]. Стороны рассматривали «межцивилизационное взаимодействие» как основу для укрепления экономических связей, причем речь шла не только о развитии регионов со значительной долей мусульманского населения, но и о более масштабном сотрудничестве.

* * *

Сотрудничество КНР с исламскими государствами в рамках «межцивилизационного взаимодействия» является важной составляющей китайской внешней политики. Посредством Националь-

¹ С тезисами выступлений участников форума можно ознакомиться на официальном сайте Исследовательского центра истории, искусства и культуры ислама при ОИС [International Congress on «China and the Muslim World: Cultural Encounters» // <http://www.ircica.org/international-congress-on-china-and-the-muslim-world-cultural-encounters/irc902.aspx>].

ного бюро по делам религии, КИА, ряда научно-исследовательских учреждений, занимающихся вопросами истории, идеологии и культуры ислама, китайские мусульмане поддерживают и укрепляют отношения с Всемирной мусульманской лигой, Всемирным конгрессом мусульман, египетским Высшим советом по делам ислама, исламскими ассоциациями Малайзии и Индонезии (Дружественные связи китайских мусульман..., 2013).

Можно выделить четыре основных направления сотрудничества [Ма Лижун, 2012, с. 18]: совершение хаджа китайскими мусульманами (см. табл.), участие КИА в международных исламских конференциях; обмен делегациями; переговоры между высокопоставленными представителями КНР и ОИС.

Таблица

Год	Число совершивших хадж
2006	7000
2007	10 318
2008	11 800
2009	12 730
2010	13 500
2011	13700

Источник: [Ма Лижун, 2012, р. 18].

Тематика диалога в основном касается следующих вопросов: создание условий для хаджа, получение исламского образования в стране и за рубежом; развитие исламской культуры в Китае; финансирование членами ОИС исламских проектов на территории КНР; развитие регионов со значительной долей мусульманского населения; безопасность и противодействие терроризму и сепаратизму; создание благоприятного имиджа исламской культуры в Китае и китайской – в исламских странах.

Литература

1. Блокрусницкий В.Я. Рост населения в исламском мире // Историческая психология и социология истории. – 2010, № 1.
2. Декларация глав государств и правительств неприсоединившихся стран // Движение неприсоединения в документах и материалах / Под ред. Р.А. Тузмухамедова. – М., 1975.
3. Дружественные связи китайских мусульман с внешним миром (на кит.) // <http://www.sxysljxh.com/newl.asp?newsid=12>.

4. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. – М., 1996.
5. Исламское образование (на кит.) / <http://www.chinaislam.nct.cn/cms/ziiy/>
6. Китайская философия: энциклопедический словарь // Под ред. М.Л. Титаренко. – М., 1994.
7. Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. – М., 2009.
8. Коммерсант
9. Конституция Китайской Народной Республики // Информационно-аналитический портал Бизнес в Китае — <http://www.asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution/>
10. Ма Лижун. Гуманитарная дипломатия Китая в отношении Ближнего Востока и Организация исламского сотрудничества // Arab World Studies, May 2012, № 3.
11. Об институте в Ланьчжоу (на кит.) // <http://www.lzjxy.com/page/gaikuang/>
12. Озеров О. «Арабская весна» в контексте глобализации, или перезагрузка матрицы // Международная жизнь, 2012, № 6.
13. Организация исламская конференция выступает за укрепление дружественных связей с китайскими мусульманами (на кит.) // <http://as.bytravel.cn/art/ymc/ymcjwyhhytcjqtzgmslyhwlgx/>
14. Организация исламского сотрудничества (на кит.)// Официальный сайт МИД КНР (06.2012)- <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/wjb/zzjg/xybfs/dqzzzhzjz/yslhz/zgk/t954281.htm>
15. Основные особенности истории распространения по регионам (на кит.) // Официальный сайт исламского института Ланьчжоу (08.06.2012) – <http://www.lzjxy.com/news/html/7426.html>
16. Официальный сайт Исламского института в Куньмине (на кит.) // <http://www.kmii.com.cn/list/148.html>
17. Официальный сайт ОИС (на кит.) // http://www.oic-oci.org/member_states.asp.
18. Положение по делам религии № 426 от 7 июля 2004 года (на кит.) // <http://www.chinaislam.nct.cn/cms/flfg/zjsytl/201205/28-730.html>.
19. Речь заместителя министра иностранных дел КНР Ян Цзечи на Форуме «Китай – исламская цивилизация» (на кит.) // http://news.china.com.cn/txt/2012-06/01/content_25533181.htm (01.06.2012)
20. Счетчик населения земли // <http://priroda.inc.ru/naselenie.prp>. (2013)
21. Ху Чженьхуа. Почему китайские мусульмане («хуэй») являются последователями учения Великого Имама? // Пресс-релиз посольства Республики Таджикистан в КНР (20.10.2009) – http://www.tajikembassychina.com/news_detail_91.asp
22. 60 лет со дня основания Китайской исламской ассоциации (на кит.) // <http://www.chinaislam.net.cn/cms/news/jujiaoredian/201303/07-5340.html>
23. Ян Чжибо. Визит делегации Организации исламская конференция в Китай (на кит.) // Zhongguo musulim. 1992, № 6.
24. International Congress on «China and the Muslim World: Cultural Encounters» // <http://www.ircica.org/international-congress-on-china-and-the-muslim-world-cultural-encounters/irc902.aspx>
25. <http://www.chinaislam.net.cn>

«Восток (Oriens)», М., 2014 г. № 3, с. 60–66.

О. Бибикова,
кандидат исторических наук (ИБ РАН)
**ИСЛАМ В ЖИЗНИ ИММИГРАНТСКИХ ОБЩИН
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Мусульманские общины Западной Европы представлены в первую очередь выходцами из бывших колониальных стран. Принято считать, что это арабы. На самом деле это жители арабоязычных стран Северной Африки, турки и массово прибывающие в последние годы уроженцы стран Западной Африки, стран, которые были колониями Франции и Бельгии. В меньшей степени присутствуют арабы Ближнего Востока. Последние, как правило, беженцы. Например, из Ирака, а теперь и из Сирии. Есть те, кто получил образование в Европе и остался здесь навсегда. Но значительная часть из них в той или иной мере исповедуют ислам.

Как известно, после Второй мировой войны, когда Европа нуждалась в рабочих, были подписаны контракты с рядом развивающихся стран. В результате на стройках, фабриках и заводах западноевропейских государств зазвучала арабская и турецкая речь. Работодателю было выгодно продлевать контракт, так как это давало возможность сэкономить на обучении новичка. В этих условиях гастарбайтер обуславливал продолжение своей работы вызовом в Европу семьи, улучшением социально-бытовых условий, выплатами социального страхования и т.п. Первоначально власти увидели в этом благо, так как присутствие семьи повышало спрос на товары не только первой необходимости. Однако со временем оказалось, что государство вынуждено взять на себя расходы по медицинскому страхованию уже не только рабочих, но и его семьи. Кроме того, возросли расходы на образование детей.

Одним из требований рабочих из мусульманских стран стало требование предоставить возможности для совершения религиозного культа. В частности, на заводах «Рено», «Пежо» и т.п. стали обустривать молельные комнаты, где рабочие могли совершать коллективные молитвы. Тогда же стали возникать мусульманские сообщества, как правило, объединявшие выходцев из одной местности.

Возникшие мусульманские общины, а затем и организации с самого начала брали на себя представительские функции, обращаясь к властям с различными просьбами и предложениями. Одновременно они гарантировали вновь прибывшим соотечественни-

кам поддержку, помогая им с трудоустройством, жильем и обеспечивая им другие нужды.

Следует отметить, что иммигранты представляют народы, где до сих пор доминирует коллективистская культура, которая обладает своими институтами социальной поддержки, удовлетворения культурных потребностей, способствует сохранению религиозных традиций, а также урегулированию внутриобщинных конфликтов. Более того, именно общины берут на себя функции сохранения связей с родиной и представляют интересы этноконфессиональных сообществ перед властями принимающей страны.

Основная часть иммигрантов представлена мусульманами-суннитами, однако их объединение в религиозные сообщества, как правило, происходит на этнической основе. Исключение составляют, алевитские общины выходцев из Турции. Как правило, это курды, исповедующие алевизм – турецкий вариант шиитской ветви ислама.

С течением времени общины обзаводятся мечетями или молитвенными зданиями. Собственно мечетей со всеми внешними атрибутами (я имею в виду минареты) в странах Западной Европы немного. Во Франции только у пяти мечетей есть минареты.

Если мы сравним культовые здания христианства и ислама, то надо отметить смысловую разницу. Дело в том, что мечеть не является храмом, здесь не могут иметь место таинства, которые сопровождают важные этапы человеческой жизни. В исламе все так называемые «обряды перехода» жизненного цикла, т.е. рождение, инициация, бракосочетание, похоронная церемония, осуществляются вне мечети. Основная задача мечети – подтверждение приверженности единобожию каждым мусульманином. При этом приоритетными являются коллективные мероприятия по пятницам и главным мусульманским праздникам. Кроме того, мечеть является местом, где мусульманин может получить приют (например, переночевать), где собираются средства на благотворительность, где дети могут освоить азы грамоты. В условиях диаспоры круг функций мечети расширяется, так как она служит информационным центром и местом встреч и собраний соотечественников – мусульман. Результатом этих контактов может быть как помощь при трудоустройстве, так и агитация для подключения к группам радикалов.

Следует отметить, что власти и местное население практически везде препятствуют строительству мечетей. До сих пор

нет мечети в столице Греции, хотя здесь проживают примерно 150 тыс. мусульман. В ряде стран молитвенные помещения камуфлируются под культурные центры или институты. Например, в Париже в квартале Барбэ Рошешуар (это XVIII округ, rue Stephenson, 56) находится Институт исламских культур.

Ислам, как практически все религии, прокламирует равенство людей. Поэтому коллективные богослужения формируют ощущение общности, что позволяет противостоять вызовам принимающего общества. Однако за пределами своей родины иммигрант утрачивает многие черты своей генетической индивидуальности, ибо здесь они не всегда реализуемы. Зачастую у него возникает комплекс неполноценности, связанный с ощущением маргинальности. Не секрет, что увеличение численности иммигрантов, тем более людей иного вероисповедания (мусульман сегодня в Евросоюзе 6% населения), вызывает рост националистических настроений у принимающего общества и даже ксенофобию. Особенно очевидным это становится в период экономических кризисов.

Влияет ли присутствие мусульман на политическую жизнь европейских стран?

Опрос 10 тыс. французов, проголосовавших на последних президентских выборах, проведенный «Фигаро», показал, что 93% голосов французских мусульман было отдано Олланду и только 7% – Саркози. Дело в том, что избирателей-мусульман привлекло обещание кандидата-социалиста амнистировать 400 тыс. нелегальных мусульманских иммигрантов и изменить избирательный закон, который должен позволить резидентам без гражданства голосовать на выборах 2014 г. Кроме того, они помнили реакцию Саркози на события 2005 г., когда он обозвал бунтовавшую иммигрантскую молодежь «сволочью» (*racaille*).

Политический аспект особенно ярко прослеживается на примере турецкой общины. С начала 90-х годов XX в. влияние ислама на политическую жизнь Турции стало стремительно расти. В 2002 г. к власти пришла Партия справедливости и развития, которая активно использует ислам в своей практике. Следует отметить, что практика патронажа диаспоры, осуществляемая Турцией, является беспримерной. Премьер-министр Эрдоган рассматривает турецкую общину как свою «пятую колонну» в Европе. Во время своих визитов в страны ЕС он регулярно выступает перед соотечественниками, призывая их работать на благо Родины. В посольствах Турции обязательно имеется советник, который занимается делами диаспоры. Специально для иммигрантов выпускаются га-

зеты и транслируются передачи. Периодически турки устраивают антиармянские мероприятия. В докладе, подготовленном Главным управлением внутренней разведки Франции, сообщалось, что действующие во Франции турецкие организации и фонды, осуществили широкомасштабные акции протеста во время принятия французским Сенатом (2012) законопроекта, осуждавшего геноцид армян.

Что касается иммигрантов из арабоязычных стран, то правительства стран исхода интересуются ими в основном с точки зрения денежных переводов из Европы. Эти переводы составляют значительные суммы. В 2007 г. эмигранты из Алжира перевели на родину около 3 млрд долл. Тунисцы перевели на родину 1,5 млрд долл. (или 5,4% ВВП). Для основных мировых экспортеров рабочей силы денежные переводы эмигрантов являются весьма значительным источником поступления валюты в страну и составляют значительную часть платежного баланса страны.

Еще один аспект проблемы: мусульманские радикалы из числа рожденных в Европе мусульман. Что толкает европейцев мусульманского происхождения в объятия радикальных группировок?

Комментируя возвращение французских заложников из плена в Сирии, журналист Бенуа Райски в своей статье «Французский язык в почете в Сирии: На нем говорят даже исламисты» с немалой долей сарказма пишет: «Французские журналисты стали заложниками боевиков “Исламского государства Ирака и Леванта”, по сравнению с которыми “Аль-Каида” выглядит как сборище уличной шпаны. Так вот, их тюремщики говорили на том же языке, что и они ...» И далее: «Из 2 тыс. сражающихся в Сирии “европейцев” на “французов” приходится 700 человек...»¹.

Тем не менее французский исламовед О. Руа не видит в том, что называется исламским фундаментализмом, религиозных корней. Сделанный им анализ состава известных радикальных групп свидетельствует о том, что в основном это не религиозные фанатики, а люди, отвергнутые европейским обществом. Это люди, не принимающие участия ни в социальных, ни в политических, ни даже в религиозных действиях. Они лишены корней, лишены привязанности к территории. Ислам этих радикалов реконструирован, а не передан прошлыми поколениями. Невозможность себя реали-

¹ <http://inosmi.ru/world/20140422/219760492.html>

зовать (в том числе создать семью, обеспечить ее на европейском уровне, что для мусульманина архиважно) лишает их жизненных ориентиров. Оливье Руа сопоставляет этих людей с радикальными борцами против империализма 60-х и 70-х годов вроде Че Гевары или членов Фракции Красной Армии (немецкая радикальная национально-освободительная организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 гг.).

Европейцы мусульманского происхождения принадлежат к сообществам, коллективное выражение веры которых по большей части сталкивается с разнообразными ограничениями, будь то запрет ношения хиджаба в школе, невозможность получить достойную работу по окончании университета и занять в обществе место, которое для европейца вполне достижимо.

Есть разные гипотезы по поводу мотивации их решения стать радикалами. Эти гипотезы во многом перекликаются с размышлениями социолога Эмиля Дюркейма, который занимался изучением целостности общества, лишенного традиционных и религиозных связей. Речь идет о «дезинтеграции», т.е. ощущении отсутствия связи с общей судьбой нации по реальной или предполагаемой причине предательства гуманистических ценностей, отстраненности от социальной группы. Все это может подвести людей с неустойчивой психикой к самоубийству или какому-то другому его проявлению, например, к джихаду.

Девушка с типичной североафриканской внешностью, работавшая на ресепшене в парижской гостинице, рассказывала о себе: «Мама – француженка, папа – тунисец, а я – грязная арабка...» На мое недоуменное «почему?!», она сказала: «Дело в том, что в отличие от папы, я закончила французскую школу и отлично понимаю, что мне говорят вслед...» Молодой мусульманин, закончивший университет, посылает свое резюме на фирму и получает отказ. Его одноклассник француз, имевший не столь блестящие оценки в дипломе, получает это место с легкостью.

В знаменитых комиксах «Дело о платке» имам, представляя своего сына, говорит: «Знакомьтесь, это мой сын Махмуд. Он дважды инвалид, во-первых, он араб, а во-вторых, у него высшее образование...». В этом высказывании содержится намек на то, что безработица во Франции особенно тяжело проявляется при первом трудоустройстве выпускников вузов, а для арабов-иммигрантов, имеющих диплом, устройство на работу становится неразрешимой задачей.

Действительно, устроиться на работу молодому человеку в странах Западной Европы в условиях нынешнего экономического кризиса довольно трудно. В целом по Евросоюзу безработица среди молодежи составляет 22,9%. Наихудшая ситуация в Греции, где безработица среди молодежи составляет 58,4%, Испании – 55,7, Португалии – 38,2 и Италии – 37,8%¹.

Принимающее общество жестоко. В последние годы в Германии турки создали 4500 предприятий общественного питания, основанного на национальной кухне. Вроде бы замечательно, но на самом деле это отражает положение дел на рынке труда Германии. Немецкие фирмы предпочитают нанимать на работу своих соотечественников немцев. И здесь надо отметить, что, с одной стороны, в турецких иммигрантских семьях нет установок на получение полноценного образования, а с другой – германское общество предпочитает, чтобы иммигранты работали на строительстве, на металлургических заводах или химических предприятиях. Для некоторых детей иммигрантов ситуация становится безвыходной. Некоторые из них принимают решение отправиться на джихад.

* * *

Недавние события в Ираке, Ливии, затем в Сирии, цветные революции в странах СНГ, а сегодня Украина заставляют нас признать, что фальсификации и ложь стали инструментами внешней политики. Это обстоятельство требует пересмотра ряда событий послевоенного времени. Даниэль Гансер, профессор современной истории в университете Вале и президент Ассоциации по изучению нефтяного пика Швейцарии, опубликовал справочное издание «Секретные армии НАТО: Терроризм в Западной Европе». Так вот, согласно его исследованиям, США в течение 50 лет организовывали в Западной Европе теракты, которые затем ложно приписывали левым и крайне левым партиям, чтобы дискредитировать их в глазах избирателей. Эта стратегия применяется и сегодня, чтобы вызвать страх перед исламом и оправдать войны за нефть. Кстати, в мире существует 57 мусульманских государств. На их долю приходится только 7% мирового производства, и на них же приходится 90% энергоресурсов всего мира. Очевидно, что

¹ <http://www.qwas.ru/ukraine/vitrenko/Tragedija-Evropy-26-3-mln-bezrabotnyh-Evrostat>

настоящей причиной событий в странах Ближнего Востока и исламофобии в Европе является желание обладать контролем над энергоресурсами.

Фальсифицируя образ ислама как некой разрушительной силы, можно манипулировать общественным мнением. Даниэль Гансер пишет, что в 50-е годы главным объектом внимания США были компартии, позднее — ислам. Об антиисламской кампании рассказал и Аарон Руссо, кинорежиссер и общественный деятель. В частности, в своем фильме «Америка: От свободы к фашизму» он заявляет, что терроризм рукотворен, и он является идеальным аргументом, так как враг никогда не может быть окончательно идентифицирован; терроризм служит для запугивания населения, продвижения репрессивных законов.

Очевидно, что сегодняшняя ситуация в мире — переломная. Делать какие-то прогнозы не имеет смысла. Но важно осознать, что ислам в Европе — это реальность, и надо научиться с ним существовать.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Азарян,
аспирант
**МУРАБАХА: ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ В РОССИИ**

Исламские финансы на сегодняшний день представляют большой интерес, как для мусульманских, так и для немусульманских стран. Спрос на продукты исламской финансовой системы вызван рядом факторов. К ним относятся:

- уверенный рост благосостояния в странах Залива благодаря стабильному увеличению цен на нефть с 2002 г.;

- повышение интереса к исламским финансам у жителей западных стран и других стран мира, вне зависимости от вероисповедания (к примеру, по данным некоторых исследователей, 20% клиентов банка Gulf African Bank составляют лица, не исповедующие ислам¹);

- стратегия ребрендинга, когда многие компании заменяют, например, термин «исламский» на этический;

- увеличение образовательных программ по исламским финансам в рамках университетов и создания специализированных институтов и центров в разных странах мира;

- меньшее воздействие мирового финансового кризиса на исламскую финансовую индустрию.

Система исламских финансов всё еще остается очень молодой и на пути ее развития имеются сложности. Отрасль испытывает острый недостаток специалистов. Спрос на услуги значительно опережает предложения по подготовке кадров. Наблюдается дефицит и опытных специалистов, разбирающихся в традиционных и исламских финансах одновременно.

¹ Smith E. Islamic finance: Investment strategy about more than faith // Financial Times. June 21, 2010.

Серьезно осложняет развитие бизнеса различная интерпретация принципов шариата. Правила обращения финансовых продуктов различаются по странам и регионам. Своя практика существует в странах Залива, Малайзии, Европе, Северной Африке и Южной Азии. На эти и другие недостатки постоянно указывают противники распространения исламской финансовой системы в мировой экономике, однако сторонники считают, что с течением времени система будет эволюционировать и превратится в модель, которая станет идеальной и будет действовать на практике.

Во время финансового кризиса исламские финансовые институты также подверглись негативному воздействию: возросла доля плохих долгов, сократилась прибыль и ухудшилась ликвидность. Кроме того, существует мнение, что исламская финансовая система не очень сильно отличается от западной, а основные отличия заключаются лишь в разнице терминологии. Хотя на самом деле это не так. Из-за того что система молодая и имеет ярко выраженную религиозную принадлежность, она пока не принимает массовый характер, несмотря на то что исламские финансовые услуги предоставляют уже многие ведущие мировые банки и объем рынка исламских финансов растет с каждым годом.

Исламские банки – это финансовые институты, которые принимают средства на депозиты и инвестируют их в соответствии с шариатом для получения прибыли. К ним относятся как полноценные исламские банки, так и подразделения обычных банков, осуществляющие определенные услуги с использованием различных исламских методов финансирования, называемые «исламскими окнами»¹.

Депозиты исламских банков отличаются от остальных банковских депозитов тем, что по ним не предусматривается уплата процентов. Они имеют следующие виды²:

1. Текущие счета.
2. Сберегательные счета.
3. Инвестиционные счета.

Инвестиционные счета делятся уже на следующие подгруппы¹:

¹Трунин П., Каменских М., Муфтяхетдинова М. Исламская финансовая система: современное состояние и перспективы развития. – М.: ИЭПП, 2009. – 88 с.

²Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. – М.: Марджани, 2010.

- общие инвестиционные счета;
- лимитированный период инвестиционных депозитов;
- неограниченный период инвестиционных депозитов,
- специализированные инвестиционные вклады.

Текущие счета являются аналогом счетов «до востребования». Банк использует средства данных счетов в своей коммерческой деятельности на свой страх и риск и гарантирует полный возврат денежных средств по первому требованию клиента. Вкладчики не имеют права на долю в прибыли банка, так как все риски несет только банк.

Средства сберегательных счетов также используются банком на свой страх и риск с разрешения и совместно с вкладчиков. Банк гарантирует полный возврат вкладов и прибыли после совместного использования средств. Также сберегательные счета имеют форму благотворительных кредитов от вкладчиков банку (Кард-Хасан) и форму инвестиционных вкладов.

Инвестиционные счета являются аналогом понятия «депозит» в обычной банковской системе. Данные счета могут быть открыты физическими и юридическими лицами на любой указанный период. Вкладчики вместо процентов получают право на долю в фактической прибыли банка от инвестиционной деятельности, которая зависит от суммы вклада. По общим инвестиционным счетам инвестиционные вклады имеют различные сроки погашения, а прибыль распределяется в конце периода на пропорциональной основе. Лимитированный период инвестиционных депозитов предполагает вложение средств на определенный период, согласованный между вкладчиком и банком. По окончании данного периода вклад прекращает свое существование, а прибыль по нему распределяется и учитывается в конце финансового года. Неограниченный период инвестиционных депозитов подразумевает автоматически возобновляемые депозиты без указания срока. Прибыль по ним также рассчитывается и распределяется в конце финансового года.

Специализированные инвестиционные вклады – это вклады, в которых банк выступает в качестве агента инвестора. Полученная прибыль распределяется между вкладчиком и банком. Данные операции являются пассивными операциями банка по аккумуляции

¹ Интернет проект «Исламская экономика, финансы, бизнес». URL: <http://www.muslimeco.ru>

рованию денежных средств для их дальнейшего использования в инвестиционной деятельности.

Западные специалисты разделяют контракты, заключаемые исламскими банками, на транзакционные, связанные с осуществлением сделок, и контракты, в которых банк выступает как финансовый посредник. Транзакционные контракты связаны с производством в реальном секторе и включают торговлю, обмен и финансирование экономической деятельности. Посреднические контракты облегчают эффективность и прозрачность исполнения транзакционных контрактов¹.

Одним из основных инструментов исламского банкинга можно считать мурабаха – договор купли-продажи. Мурабаха представляет собой сделку, при которой банк или иной финансовый посредник приобретает необходимый клиенту актив у продавца и продает его клиенту с отсрочкой платежа. Традиционно такой тип сделок применяется в финансировании торговых операций. Возможно также применение мурабаха с целью финансирования частных приобретений, аналогично потребительскому кредитованию.

Принципиальным отличием от традиционного кредитования является то, что финансовый посредник должен стать полноценным собственником перепродаваемого имущества, со всеми вытекающими рисками. Более того, клиента, как правило, нельзя заставить купить приобретенную финансовым посредником вещь, хотя возможно требовать возмещения расходов, понесенных в результате продажи актива иному лицу.

По сути, контракт мурабаха представляет собой на первом этапе покупку необходимого клиенту товара финансовым посредником и продажу ему на втором этапе этого товара с отсрочкой платежа. Такая деятельность не противоречит шариату, поскольку торговля предполагает определенное личное участие и усилия. Банк берет на себя организацию продаж, хранение, перевозку и т.д. К примеру, банк приобретает от своего имени и за свой счет товар по заказу клиента. При этом банк принимает на себя весь риск торговой операции. В последующем банк перепродает товар клиенту.

¹ Трунин П., Каменских М., Муфтяхетдинова М. Исламская финансовая система: современное состояние и перспективы развития. – М.: ИЭПП, 2009. – 88 с.

Мурабаха является одним из наиболее простых и возможных для имплементации в России контрактов исламского финансирования. В нынешнем налоговом и правовом поле нет существенных проблем с заключением и исполнением договоров купли-продажи и продажи в рассрочку. Активное использование этого вида контрактов в России возможно уже сейчас.

В целом исполнение такого рода контракта в российских условиях не повлечет существенных неблагоприятных налоговых или юридических последствий. Следует лишь принимать во внимание следующие факторы.

1. Российские банки не вправе заниматься торговой или производственной деятельностью. Соответственно, российский банк сможет покупать или продавать лишь отдельные виды объектов, например ценные бумаги. Для сделок с другими объектами в российских условиях зачастую необходимо будет использовать небанковские организации.

2. Поскольку при продаже товара в рассрочку, в отличие от процентного платежа, получение платежа (включая наценку) будет признаваться для целей налогового учета доходом единовременно, а не равномерно в течение срока платежа, то это повлечет ускоренное признание доходов. Для смягчения данного последствия целесообразно рассмотреть возможность включения в условие договора оговорки о коммерческом кредите, чтобы обеспечить равномерное признание дохода в течение срока платежа.

3. Поскольку наценка финансового посредника будет включена в цену товара, то на нее по общему правилу будет начисляться НДС. Хотя эффект при дальнейшей продаже товара с обложением НДС будет нейтральным, при покупке такого товара физическим лицом без дальнейшей перепродажи налоговое бремя будет выше в сравнении с ситуацией с процентным платежом на сумму НДС на величину наценки финансового посредника.

4. При использовании финансового посредника – нерезидента, не зарегистрированного как плательщик НДС в России, при перепродаже товара от плательщика НДС через такого посредника другому плательщику НДС сумма уплаченного посредником НДС не будет учтена при продаже такого товара, что повлечет двойную уплату НДС. Для избежания такого неблагоприятного последствия необходима регистрация финансового посредника как налогоплательщика в России.

Учет вышеуказанных обстоятельств при структурировании сделки позволит сделать структуру не менее эффективной, чем

традиционное кредитование, с сохранением всех выгод использования контракта мурабаха. Применение контракта мурабаха в России может требовать дополнительного структурирования, однако большинство этих вопросов можно решить полностью или частично в рамках действующего законодательства.

В настоящее время в мире исламская финансовая система – наиболее развивающаяся отрасль экономики не только в исламских странах, но и в светских государствах в различных частях света. Развитие исламского финансирования позволит диверсифицировать мировую экономику, снизить риски и повысить устойчивость мировой финансовой системы.

*«Россия в глобальной экономике:
Посткризисное развитие», М., 2012 г., с. 5–9.*

Э. Абдуллаев,

аспирант

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Арабская философия как идейная основа мусульманского права

Мусульманское право отличается значительным своеобразием, основанным на его теснейшей связи с философско-религиозным учением ислама, идейной основой которого является арабская философия, возникшая и получившая развитие в условиях арабоязычной цивилизации в период с VIII в. до наших дней. В истории арабской философии выделяют три основных этапа:

- 1) классический, или средневековый (VIII–XV вв.);
- 2) этап позднего Средневековья (XVI–XIX вв.);
- 3) современный этап (2-я половина XIX – XX в.)¹.

В литературе отмечается, что фундаментом арабо-мусульманской культуры является ислам как тотальная система регуляции². В той или иной степени предметом осмысления для

¹ Смирнов А.В. Рабочая программа по спецкурсу «Арабская философия». – Великий Новгород, 2006. – С. 6.

² Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Автореферат на соиск. уч. степ. докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 3.

всех философских учений и школ Арабского Востока являются фундаментальные основы исламского миропонимания.

Принцип таухида (единобожия), который пронизывает текст Корана. Со гласно Корану, Бог – единственный и единый, вечный, знающий, абсолютная истина. Вера в ангелов, которые служат Богу, выполняя все его указания. Вера в священные книги, посланные Богом человечеству через своих пророков. Считается, что Коран является последней священной книгой, ниспосланной Богом, существующей в первоначальном виде. Вера в пророков. Коран утверждает, что посланники Бога были среди каждого народа, и они несли религию – ислам. Вера в загробную жизнь. Человек, верующий в загробную жизнь и справедливый Судный день, предостерегается от греха, стремится совершить благие деяния.

Классическая арабская философия берет свое начало от рационального богословия (калама), возникшего в результате разделения между собственно теологией (калам) и сакральным правом (фикх)¹.

Мутазилиты – течение, возникшее в конце VIII в., оперировали доводами разума и логики. Они считали возможным делать заключения на основании логических выводов. Руководствуясь здравым смыслом и мотивом «пользы для общины», мутазилиты вводили новые морально-правовые нормы. В центре внимания мутазилитов был также такой имеющий непосредственное отношение к праву вопрос, как свобода воли.

Важным направлением классической арабской философии являлся перипатетизм, основанный на философских воззрениях Аристотеля и иных античных учениях, в частности – политической теории Платона, которые стали известны арабам благодаря переводам, сделанным сирийскими переводчиками. Толкование аристотелевского учения давало возможность развиваться атеистическим и материалистическим концепциям, что означало отход от буквального толкования догматов исламской религии.

В XII в. средневековая арабская философия достигла своего расцвета, который обычно связывают с именем Ибн-Рошда (Аверроэса). Основой его философского учения явились идеи перипатетизма. Талант Аверроэса проявился не только в теологии и философии, но также и в юриспруденции. Этическая концепция

¹ Султанов Р.И. Роль дискуссий о свободе воли в оформлении теологической этики мутазилитов (VIII–IX вв.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – М., 1984. – С. 111.

Аверроэса основана на отрицании религиозного представления о бессмертии индивидуальной души. Нравственный выбор человека не обусловлен ожиданием вознаграждения или наказания на том свете. В этом состоит контраст этики Аверроэса с этикой исламской религии.

В классический период развития арабской философии была заложена основа ее дальнейшего развития. Предметами философского осмысления становятся социальная жизнь, история, государство и право. Яркий мыслитель этого времени – Ибн Халдун (1332–1406). Социальная жизнь рассматривается Ибн Халдуном как следствие изменений в экономической сфере. Материальное богатство образуется в результате трудовой деятельности людей, создающей дополнительный по сравнению с необходимым продукт. Производство добавочного продукта порождает, в свою очередь, роскошь, стремление к ней и, как следствие, возникновение новых ремесел. Избыточный продукт становится также базой для роста населения, для развития города. Ибн Халдун считал, что человеческое общество нуждается в управлении, с помощью которого поддерживается порядок в нем, а следовательно, и в праве.

В XIX в. в арабском мире большое влияние приобрели идеи просветительства – движения за устранение институтов и традиций, мешавших прогрессу, за распространение научных знаний, реформу образования и религии. Арабское просветительство связано с именем египетского писателя Рифа ат-Тахтави (1801–1873), отстаивавшего идеи законности, свободы, равенства. В принципах свободы и равенства, провозглашенных французскими мыслителями, ат-Тахтави видит их близость исламу, а в основах «естественного права» – сходство с шариатскими установлениями. Европейская наука не противоречит Корану и исламу, и потому нужно усваивать европейские знания, считал он.

Основные свойства и особенности мусульманского права

Имея тесную генетическую связь с философско-религиозной системой ислама, мусульманское право как система юридических норм сложилась не сразу. На начальном этапе своего развития юридические и иные правила поведения практически не различались, так как мусульманская догматика (богословие) и правоведение тесно переплетались. Такое положение сохранялось вплоть до середины X в., когда правоведение отделилось от мусульманской

догматической теологии и сформировались мусульманско-правовые школы (толки). К концу первого тысячелетия процесс складывания феодального мусульманского государства в основном завершился. Одновременно произошло и становление мусульманского права как системы юридических правил поведения, в той или иной форме защищавшихся государством.

Мусульманское право хотя и связано тесно с религией ислама, но не сливается с ней. Основное отличие норм мусульманского права в этом значении от религиозных правил поведения – их обеспеченность принудительной силой государства. Вместе с тем мусульманское право тесно взаимодействует с религиозными и моральными нормами, с обычаями в единой системе социально-нормативного регулирования, которая может быть названа мусульманским правом в широком смысле.

Характерной чертой мусульманского права является то, что государство непосредственно не участвовало в формировании большинства его норм. Оно выполняло свою правотворческую роль косвенно – путем санкционирования выводов мусульманско-правовых толков. Роль основного источника мусульманского права в юридическом смысле принадлежала доктрине, а государство официально санкционировало ее выводы, назначая судей и налагая на них обязанность решать дела на основании учения определенного толка, Коран в этих условиях можно рассматривать как общую идеологическую основу мусульманского права, поскольку лишь небольшое число его норм исходит из «божественного откровения» и преданий о жизни Пророка (Сунны).

Общей чертой всех сложившихся в исламе соционормативных регуляторов является то, что нормативное содержание его юридических предписаний и характерные особенности их формулирования в средневековом мусульманском праве в большинстве случаев ничем не отличались от норм религиозного культа. Юридические и религиозные нормы ислама имели одни источники, сходную структуру и в значительной мере совпадающий механизм действия. Для всех отраслей мусульманского права характерна опора на религиозные догматы и защиту основ веры.

Центральное место в системе мусульманского права занимают так называемые нормы «личного статуса». Данная общность норм действует главным образом среди мусульман, хотя в современных условиях во многих мусульманских странах религиозный принцип применения не распространяется на нормы, регулирую-

щие вопросы наследования, завещания и ограничения правоспособности.

Мусульманское гражданское право («муамалат») исходит при регулировании режима собственности из того, что верховное право на любое имущество принадлежит Аллаху. При обосновании таких действий, как национализация и аграрные реформы, широко используется предание Пророка о том, что некоторые природные объекты (например, вода и земля) не могут находиться в частной собственности. На признании верховного права собственности Аллаха на имущества основан и такой своеобразный институт мусульманского права, как вакуфное имущество, используемое для религиозно-благотворительных целей.

В соответствии с требованиями мусульманского государственного права правитель обязательно должен являться мусульманином. Значительная часть полномочий главы государства носит религиозный характер, связана с первоочередной защитой интересов ислама и контролем за исполнением правозащитными своими религиозных обязанностей.

Согласно мусульманской политико-правовой теории, законодательная власть в мусульманском государстве принадлежит муджтахидам – лицам, являющимся наиболее авторитетными знатоками религиозных и правовых вопросов. Целями мусульманского государства, имеющего по сути теократический характер, провозглашаются реализация всех предписаний ислама, утверждение «мусульманского образа жизни». Так, например, в шиитской политической теории вопросы организации государства считаются предметом не правовой науки, а религиозной догматики.

В мусульманском судебно-процессуальном праве присутствуют нормы, в соответствии с которыми должность судьи могут занимать только мусульмане, строго придерживающиеся в своей личной жизни религиозных и моральных предписаний ислама. Сходные требования предъявляются и к свидетелям по большинству дел. Особое значение данная отрасль придает клятве именем Аллаха, с помощью которой ответчик может доказать свою невиновность. При этом действенность подобного способа защиты и его признание судом связываются с особенностями религиозной совести мусульманина, которая не позволяет ему лгать под страхом потусторонней божественной кары.

Мусульманское уголовное право («укубат») в качестве наиболее опасных правонарушений рассматривает посягательства на «права Аллаха», среди которых особо выделяется вероотступниче-

ство, влекущее смертную казнь. Как правило, к совершившим преступления мусульманам и представителям иных религий применялись различные меры наказания. Во многих случаях раскаяние преступника, имеющее непосредственное отношение к его религиозной совести, освобождало его от наказания. В то же время за отдельные правонарушения в качестве санкции устанавливалось религиозное искупление. Мусульманское уголовное право предусматривает применение чисто юридических санкций за неисполнение некоторых религиозных обязанностей и норм морали. Иначе говоря, в качестве правовых нередко выступают религиозно-ритуальные или моральные по своему содержанию нормы, снабженные юридической санкцией и защищаемые государством. Так, по мусульманскому праву, любой «грех», связанный с нарушением даже моральных в своей основе норм, может быть наказан мусульманским судом.

Религиозная основа юридических норм выражается и в том, что многие исследователи полагают, что в основе обязательности юридических предписаний шариата лежат вера в Аллаха и требования мусульманской нравственности — поведение мусульманина получает прежде всего религиозную оценку, а главным средством обеспечения норм мусульманского права является религиозная санкция за их нарушение.

Видный исследователь мусульманского права Л.Р. Сюкийянен глубоко исследовал сочетание в исламе правовых и неправовых предписаний. Он утверждал, что, несмотря на прочную связь юридических норм ислама с религиозными и нравственными, их переплетение, а иногда и слияние, между религиозными и правовыми категориями имеются существенные отличия.

Анализ нормативного содержания мусульманского права позволил Л.Р. Сюкийянену сделать вывод о том, что не все юридические нормы в равной степени основаны на исламе как религиозной догме или системе чисто религиозных нормативных предписаний. Наиболее прочно связаны с религией лишь те немногочисленные конкретные правила поведения, которые установлены со ссылкой на Коран и Сунну. К ним относятся, например, нормы, регулирующие отдельные стороны брачно-семейных отношений или вопросы наследования, несколько уголовно-правовых предписаний. Они отличаются от других норм мусульманского права тем, что, по существу, совпадают по закрепленным образцам поведения с соответствующими религиозными нормативными положениями и (в отдельных случаях) нравственными требованиями, освященными

ми исламом. Именно потому, что их религиозные «дубликаты», «двойники» закреплены в Коране и Сунне, сами нормы мусульманского права этой разновидности рассматриваются как имеющие непосредственно «божественное происхождение» и неизменяемые¹.

Большая часть норм мусульманского права была введена в оборот правоведами на основе чисто логических, рациональных приемов толкования («иджтихад»). По признанию самих мусульманских исследователей, если Коран и Сунна содержат все правила религиозного культа («ибадат»), то норм взаимоотношений людей («муамалат»), закреплённых этими источниками, очень мало по сравнению с нормативным составом мусульманского права в целом. Это значит, что большинство норм мусульманского гражданского права не связано непосредственно с божественным откровением и не имеет аналогов в системе мусульманских религиозных правил поведения. Главное их качество заключается в рациональной обоснованности и способности изменяться (развиваться). Если шариат в его основных нормах и предписаниях неизменен, то фикх, трактуемый как толкование предписаний Корана и Сунны и их перевод в плоскость конкретных норм, подвижен и изменчив. Шариат как стабильная и основанная в целом на «божественном откровении» система догм и правил обязательна для всех, а фикх связывает только правоведа-муджтахида, который толкует положения Корана и Сунны и формулирует на их основе юридические нормы².

Разделение норм исламского права («фикха») на чисто культовые правила и нормы, регламентирующие поведение людей по отношению друг к другу, коренится в реальной жизни, каждая из них отличается своей спецификой регулирующего воздействия на поведение, наконец, они имеют различный статус в исламе и могут существовать относительно самостоятельно друг от друга.

Рассмотренный выше критерий разделения норм исламского права на культовые и регламентирующие поведение людей (собственно правовые нормы) имеет важное значение, но он недостаточен. По мнению Л.Р. Сюкияйнена, не менее важными критериями

¹ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – С. 7.

² Там же. – С. 16.

являются практика действия различных норм и обеспечение их государством¹.

Данный подход позволяет также установить соотношение мусульманской правовой доктрины, мусульманского учения о праве и самого действующего мусульманского права в юридическом смысле. Ведь к мусульманскому праву могут быть отнесены отнюдь не все нормы, зафиксированные в Коране и Сунне и по религиозной догме рассчитанные на регулирование взаимоотношений людей, либо разработанные мусульманскими правоведами. Будучи закрепленными в Священном писании, преданиях или трудах муджтахидов, они прежде всего являются нормативно-религиозными предписаниями или моментами мусульманско-правовой идеологии. А правом в полном смысле становятся лишь те из них, которые, опираясь на поддержку государства и выражая государственную волю господствующих социально-политических сил, реально направляли поведение людей, стабильно соблюдались, являлись образцами (масштабными) типичного поведения и выражали потребности общественного развития, меру свободы и справедливости, достигнутые на определенном рубеже прогресса общества. Данный критерий приобретает ключевое значение для выделения именно правовых норм. Можно полагать, что мусульманская догматика и религиозные правила поведения, прежде всего культовые – это те положения, которые содержатся в Коране и Сунне и толкуются мусульманскими богословами и правоведами. В отличие от них мусульманское право в собственном смысле включает не просто известный комплекс предписаний, закрепленных в Коране и Сунне или введенных юристами на основе иджтихада, а реально действующие и поддерживаемые государством нормы.

Литература

1. Бибикова О.П. Арабы. Историко-этнографические очерки. – М.: АСТ, 2008.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967.
3. Кнапп В. Крупные системы права в современном мире. – Сравнительное правоведение. Сб. ст. – М., 1978.
4. Корбен А. История исламской философии / Пер. с франц. А.А. Кузнецова; Научн. ред. Р.М. Шукуров. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.

¹ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – С. 31.

5. Лебон Г. История арабской цивилизации. – Минск, 2009.
6. Рассел Б. История западной философии – М.: АСТ, 2010.
7. Смирнов А.В. Рабочая программа по спецкурсу «Арабская философия». – Великий Новгород, 2006.
8. Султанов Р.И. Роль дискуссий о свободе воли в оформлении теологической этики мутазилитов (VIII–IX вв.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – М., 1984.
9. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986.
10. Фролова Е.А. Арабская философия: Прошлое и настоящее. – М.: Языки славянских культур, 2010.

*«Социально-политические нации»,
М., 2014 г., № 1, с. 33–36.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 11 (269)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/XI-2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 300 экз. Заказ № 157

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9